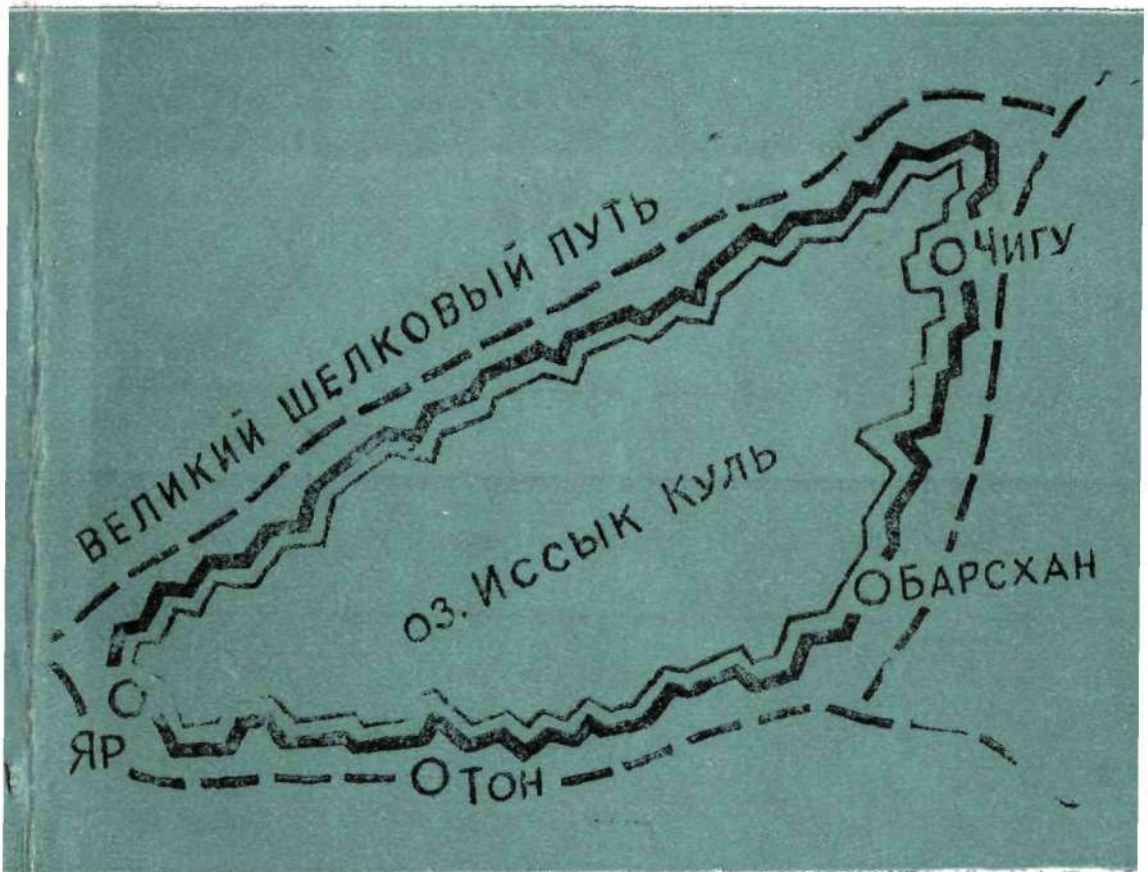
В. П. Мокрынин
В. М. Плоских

ИССЫК-КУЛЬ: затонувшие города

ФРУНЗЕ 1988

Седая древность при всех обстоятельствах остается для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития.

Ф. Энгельс

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. П. Мокрынин
В. М. Плоских

ИССЫК-КУЛЬ: затонувшие города

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
ФРУНЗЕ 1988

М 74
Мокрынин Владимир Петрович,
Плоских Владимир Михайлович

М 74 Иссык-Куль: затонувшие города / Отв. ред. В. М. Массон; АН КиргССР, Ин-т истории. — Ф.: Илим, 1989. — 192 с.: илл.
ISBN 5-8355-0232-X

В книге на основе результатов полевых археологических исследований авторов, письменных источников и архивных материалов рассказывается об уникальных памятниках на трассе древнего Великого шелкового пути, о замечательных находках, обнаруженных на дне озера. Выдвигается увлекательная гипотеза, что ставка правителя древнеусуньского племенного союза Чигу ныне находится под волнами голубого Иссык-Куля.
Для широкого круга читателей, интересующихся далеким прошлым нашей Родины.

Утверждено к печати Ученым советом Института истории и принято РИСО Академии наук Киргизской ССР

Ответственный редактор:
чл.-корр. АН Туркм. ССР,
д-р историч. наук
В. М. Массон

Рецензенты:
д-р историч. наук
К. А. Акишев, канд. историч. наук
Е. Е. Кузьмина

$\text{М}\ \frac{0507000000\text{-}31}{\text{М } 453\,(11)\text{-}89}\ 101\text{-}89$

ISBN 5-8355-0232-X

© Издательство «Илим», 1989 г.

Заря будущего мирно пасется
с тенями прошлого...

Велимир Хлебников

ПРЕДИСЛОВИЕ

На дне Тюпского залива Иссык-Куля в полевой сезон 1985 г. мы обнаружили крупное городище античного времени. Находки свидетельствовали, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но все это нужно было еще доказать новыми изысканиями, научными исследованиями.

При подготовке книги мы взяли за основу одну привлекательную гипотезу: обнаружена Чигу — столица кочевников II в. до новой и рубежа новой эры. Это следовало полевыми (а точнее — подводными) археологическими исследованиями либо подтвердить, либо опровергнуть. Как нам кажется, построение гипотезы, а затем тщательная проверка ее — несомненно путь поисков истины лучший, чем простое первоначальное накопление фактов, когда исследователь не опирается на стержневую гипотезу, а затем на выводы, гипотезы или теории, вытекающие из суммированных итогов. Не отрицая возможности идти вторым путем, мы предпочли первый, как более интересный. Даже если факты опровергнут гипотезу, это тоже будет определенным решением проблемы. Ибо отрицательный результат — тоже результат. Итак, мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу — ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле (позже она, как полагают ученые, именовалась Кункат и Багкат). Исходя из этого, мы на наши первые прибрежные и подводные трофеи стали смотреть как на предметы материальной культуры столичной ставки древних кочевых владык.

Последующие находки — одна древнее другой — все более уводили нас от рубежа новой эры к началу первого тысячелетия до новой эры — ко времени финальной бронзы и становления сакского кочевого союза племен. Это позже ему на смену пришел усуньский племенной союз со столицей Чигу, впитавший в себя все элементы предшествующей культуры.

Так может быть мы обнаружили неизвестное сакское городище на берегу Иссык-Куля, которое позже выросло в столицу усуней? Вопрос следовал за вопросом, загадка за загадкой. Пошли они и позже, когда мы коснулись средневековых подводных поселений.

Предыстория поиска, сам процесс поиска, анализ добытых материалов, факты, легенды, гипотезы и составляют сюжеты предлагаемой книги.

1 ЧИГУ

Вопрос о местонахождении Багката (Чигу) — один из трудных ребусов исторической географии Киргизии.

С. Умурзаков

ИСТОКИ

Семенов-Тян-Шанский ищет Чигу

Научные поиски реального или мифического Чигу имеют четко обозначенную начальную дату. В теплый вечер 14 июня 1857 г. молодой русский ученый-путешественник, прибывший из далекого Санкт-Петербурга на Иссык-Куль в поисках разгадки происхождения Тянь-Шаньских гор, стоял на мысе Кара-Булун, у водораздела рек Тюп и Джергалан, и вглядывался в покрытое рябью зеркало залива, тщетно пытаясь в лучах заходящего солнца увидеть причудливые развалины подводного дворца. Окружавшие его местные киргизы через переводчика рассказывали ему, что именно здесь они доставали кирпич со дна озера для своих мавзолеев — гумбезов, что именно тут на мысе разбушевавшиеся волны время от времени выбрасывают на берег старинные предметы — «дары озера». Незадолго до этого, например, здесь были найдены «очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий», которые ученый ориентировочно датировал эпохой бронзы [1].

Ученый не только занимался сбором строго научных фактов. Он внимательно слушал киргизские легенды о том, как образовалось озеро, почему оно теплое и соленое, сказания о крылатых конях — тулпарах, о храбром джигите и красавице-пери, о жестоком хане с ослиными ушами и «двурогом Искандере» — так на Востоке называли Александра Македонского.

Суть легенд сводилась к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многолюдными и богатыми городами. На главной площади одного из городов находился колодец, который закрывали на ночь золотой крышкой. Однажды влюбленная девушка (по другому варианту, три странника) забыла это сделать.

Поднявшаяся в колодце вода хлынула на спящий город. В одну ночь на его месте образовалось озеро Иссык-Куль [2].

Более всего впечатлял слушателя романтический вариант легенды, записанный позже и опубликованный сыном старожила г. Пржевальска — известного краеведа Я. И. Королькова Борисом.

В давние времена существовал город, над которым на вершине крутой горы возвышался замок. Принадлежал он старому хану, который отличался жестокостью. Несмотря на старость, хан был сластолюбив. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевника есть девушка сказочной красоты. Не один славный джигит на поединке сложил голову за красавицу, но на предложения руки и сердца она всем отвечала, что любит другого. А она и сама не знала своего возлюбленного. Как-то наяву или во сне явился перед нею на белом коне красавец-джигит, снял с руки кольцо и, надев его ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

Когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложили выйти за него замуж, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника. И только тут девушка заметила, что перстень исчез с ее руки. Она решила возвратиться за ним. Не успела беглянка дойти до дому, как ее схватили вооруженные всадники.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли склонить девушку на его предложение. Наконец хан решил не церемониться и силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу. Красавица осталась непреклонной. Хан бросился к девушке, но она быстро оказалась у раскрытого окна и бросилась в бездну ущелья, над которым стоял дворец. В тот же миг дрогнули стены, рухнули своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Она все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину [3].

П. П. Семенов решил проверить рассказы иссыккульских киргизов об исчезнувших под водой строениях. Место, где развалины бывали видны, по его мне-

нию, являлось подводным продолжением мыса Кара-Булун, во всяком случае — в восточной мелководной части озера. Осмотренные им археологические находки, вынесенные волнами в этом месте, Семенов относил не к усуньскому периоду, а к более позднему — монгольскому, к XIV и XV вв. И он был прав. В его руках действительно оказались находки, относящиеся к монголо-тимуридским временам. Но здесь же были обнаружены и предметы более раннего — сако-усуньского периода, как определял сам ученый.

Отметив все это, Семенов задается вопросом: где же все-таки могла располагаться ставка усуней, которую китайские летописцы называли Чигучен, т. е. «Город красной долины»? Усуни, по его мнению, «оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля», по крайней мере, в течение пяти веков и оставили «самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля» [4].

Как представлялись усуни в свете научных знаний Семенову? Все познания ученых того времени об усунях базировались лишь на сведениях китайских летописей. Археологические раскопки усуньских памятников тогда еще не производились и свидетельств материальной культуры практически не было, за исключением разрозненных случайных находок.

Итак, пишет П. П. Семенов, страна усуней, по мнению китайцев, была холодна и обильна дождями, с превосходными пастбищами, горы поросли еловыми и лиственными лесами. У усуней были многочисленные стада, охотнее всего они занимались коневодством. Китайские императоры искали союза с усуньскими правителями, видя в них потенциальных союзников против гуннов. Для этого использовались, как один из методов, династические браки. В 107 г. до н. э. китайский двор отдал свою принцессу в жены усуньскому правителю. Для нее в ставке правителя был выстроен дворец. Эту-то резиденцию китайцы и называли «Городом красной долины». Семенов считал, что «красной долиной» могла быть только долина р. Джергалан. Он полагал, что рядом со ставкой кочевого владыки необходимы были, скорее, богатые пастбища, а не обилие воды, а потому ставка Чигу не была на берегу Иссык-Куля. Довод этот может быть принят во внимание, но

до конца не убеждает. Ведь вполне могло быть и так: ставка располагалась непосредственно на берегу озера, а стада выпасались на богатых предгорных лугах той же Джергаланской долины.

Как бы там ни было, П. П. Семенов, убежденный в том, что Чигу расположен в Восточном Прииссык-кулье, даже не предполагал обнаружить его непосредственно на берегу. Как объективный, беспристрастный ученый, он все же отметил случаи находок на берегу и под водой предметов, которые относил к кругу усуньских.

Господство усуней прекратилось на Тянь-Шане где-то к VI в. н. э. Они смешались с пришедшими сюда тюркскими племенами. Но, как справедливо считал П. П. Семенов, усуни не исчезли с лица земли. Их остатки следует искать среди казахов и киргизов, в родоплеменных подразделениях которых уцелело название «усунь», в частности, так именовали один из родов большого киргизского племени сарыбагыш. Среди сарыбагышей ученый изредка встречал голубоглазых и русых, выделявшихся на общем фоне монголоидного черноволосого и черноглазого населения. Надо сказать, что и тут Семенов оказался прав. Современной наукой убедительно доказано, что в этногенезе как казахского, так и киргизского народов самое непосредственное участие принимали древние усуньские племена и их ассимилированные компоненты [5].

Непосредственно усуньских памятников П. П. Семенов-Тян-Шанский не обнаружил. «Но зато, — писал он, — природа Заилийского края и Тянь-Шаньских предгорий местами сохранила свои характерные черты, так хорошо подмеченные две тысячи лет тому назад китайцами» [6].

Что ж, обнаружение и изучение усуньских памятников выпало на долю следующего поколения ученых. Эстафету приняли младшие современники Семенова.

Несбыточные мечты губернатора

Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман не забыл письма, с которым обратился к нему спустя несколько лет после путешествия на Иссык-Куль Петр Петрович Семенов, ставший уже признанным ученым, фактически главой Русского географического общества. П. П. Семенов, указав на подводные

находки киргизов с Иссык-Куля, отмечал их несомненную научную ценность и призывал разыскивать предметы старины, сосредоточив их в музее, который обязательно должен быть открыт в Ташкенте. Генерал-губернатор хотел прослыть человеком просвещенным и в недавно присоединенном к России крае мечтал навести административный порядок, преобразовать экстенсивное хозяйство, возродить культуру. В канцелярии туркестанского генерал-губернатора хранилась составленная еще в 1856 г. по просьбе Чокана Валиханова записка купца Исаева, не раз ходившего с караванами через Иссык-Куль в Восточный Туркестан в 1820-х годах. Купец упоминал о неких подводных развалинах в Тюпском заливе, справа от впадения реки в озеро. «Видимые в воде здания складены из камня, — читаем в записке, — только надобно заехать на лошади сажен до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто бы город тут величайший, и сделалось наводнение и будто бы не было до этого тут озера» [7]. И, конечно, приводились киргизские легенды об образовании озера. Кауфман мало придавал им значения. Другое дело — письмо просвещенного сановника П. П. Семенова! Да к тому же, и военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский упорно настаивает на том же и древние вещи присылает в подтверждение, да большинство из-под воды!

Объезжая по делам службы свои владения, Г. А. Колпаковский в 1869 г. посетил Иссык-Куль. Рассказывали, что он заставлял первых русских поселенцев и казаков высаживать вдоль дороги деревья, а кто ослушничал — тут же наказывал плетьми. Мужики терпели, ворчали, но ...аккуратно высаживали положенное количество саженцев, которые через несколько лет превратили трассу по северному берегу Иссык-Куля в сплошной зеленый туннель.

Вернувшись из поездки в областной центр — г. Верный, Колпаковский направил в Ташкент записку, которая в ноябре 1869 г. была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества (еще до его официального открытия). В записке говорилось о древних «предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля, доказывающих существование

в прежние времена на этом месте города». Тогда же Колпаковский направил и краткую информацию в «Известия Русского географического общества» с описанием виденной им под водой обширной площадки, которая, как писал он, будто специально устлана кирпичами, обломками посуды и костями. Там же видел он под водой и каменное изваяние.

Колпаковский был инициативным чиновником и не ограничивался только служебным рвением. Круг его интересов распространялся и на научное освоение края. Он ежегодно посещал Иссык-Куль, постоянно интересовался древностями его, собирал случайно найденные предметы старины. 3 ноября 1871 г. военный губернатор направляет К. П. Кауфману очередной рапорт следующего содержания: «В последнюю поездку в южную часть Семиреченской области приобретены мною две археологические вещи и две серебряные монеты, найденные на берегу Иссык-Куля». Это были: большая медная чаша, обнаруженная киргизами в устье р. Сары-Булак, при впадении ее в озеро (на северном берегу), и медная чаша с арабской вязью, найденная в устье р. Койсу на южном берегу и подаренная генералу сарыбагышским манапом Уметалы. Переводчик при туркестанском генерал-губернаторе, знаток местных обычаев и наречий Ш. М. Ибрагимов сделал перевод арабской надписи на чаше: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан. Жизнью считай то время, которое смертным дает наслажденье». Еретическое восхваление земного наслаждения вместо послушания и ханжеского стремления к вечному блаженству в раю в век ортодоксального ислама было дерзким. Оно слишком явно перекликалось с рубаи Омара Хайяма, чтобы не вызвать чувства, что и эти строки принадлежат какому-то поэту из его окружения.

Чаши, несомненно, относились к давно ушедшему средневековью и были, по всей вероятности, изготовлены в период Караханидов, правивших на территории Киргизстана в X—XII вв. из столицы Баласагун, развалины которого раскапывают сейчас наши археологи близ города Токмака, что в 60 км восточнее Фрунзе.

Г. А. Колпаковский предлагал К. П. Кауфману организовать научные изыскания на Иссык-Куле, возложив их на молодого ученого-натуралиста А. П. Федченко. «Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым годом увеличивается и побуждает меня, — писал он, — вновь заявить мысль о необходимости исследований. Затруднения относительно устройства судна по возможности устранимы. Ожидая на Иссык-Куле г. Федченко, я распорядился об устройстве небольшого парусного судна, которое уже приведено к концу; кроме того, для этой же цели одним частным лицом устроен восьмивесельный катер. Затем, для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение которого посредством частных средств более чем сомнительно». К. П. Кауфману в целом предложение Г. А. Колпаковского понравилось, и 10 ноября он накладывает на его письме резолюцию следующего содержания: «Вещи: котел или большую чашу и малую чашу хранить здесь для будущего музея... Что касается до водолазного аппарата (скафандра), то выписать можно не иначе, как с мастером, а потому просить свиты его величества генерал-майора Зверева, строителя Кронштадта, не может ли он поручить кому-либо собрать сведения, что будет стоить прибор наиболее прочный и на каких условиях можно найти охотника пожаловать сюда и заняться исследованиями».

Заинтересовавшись в определенной мере находками и сознавая возможность прослыть покровителем наук в крае, К. П. Кауфман рьяно взялся за приобретение подводного аппарата и поиски водолаза.

В свое время просматривая документы архива канцелярии туркестанского генерал-губернатора, мы обнаружили дело «Об археологических находках на озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра», датированное 15 ноября 1871 г. — 20 октября 1873 г.[8] Оказалось, что более ста лет тому назад была предпринята попытка первых подводных археологических исследований древних памятников на дне Иссык-Куля — поселения и городищ. Насколько это удалось, увидим ниже.

После настойчивых предложений Г. А. Колпаковского и предварительного официального уведомления

К. П. Кауфман пишет строителю Кронштадтской крепости Константину Яковлевичу Звереву письмо с просьбой помочь в организации исследования подводных тайн Иссык-Куля. «Озеро Иссык-Куль, — писал он, — находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек, в оное впадающих, в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время... К сожалению, археологические находки так еще бедны, ибо добываются случайно, не интересующимся кочевым населением, и при том так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу...» И туркестанский генерал-губернатор просит кронштадтских специалистов содействовать в приобретении необходимого водолазного скафандра и привлечении специалистов-водолазов. «При этом, — писал Кауфман, — главным образом нужно принять во внимание, что так как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий». Последнее замечание было отнюдь не случайным. Ибо даже высокопоставленные чиновники Сибири и Туркестана погрязли в пьянстве и коррупции, о чем в свое время так ярко повествовали Федор Михайлович Достоевский и Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский — непосредственные свидетели быта колониальных чиновников окраин.

Поскольку отечественных водолазных приборов и костюмов, соответствующих особым условиям и археологическим задачам, не было, Зверев, получив предварительно описание нескольких рекламных образцов с Парижской выставки, спрашивал, а не закупить ли их за границей, где «в устройстве скафандров произведены значительные улучшения», но все они стоили немалых денег. Так, один из предложенных усовершенствованных французских водолазных приборов с регулирующимся воздушным резервуаром, называемым «искусственными легкими», отмеченный Золотой медалью на Всемирной Парижской выставке 1867 г., стоил 1625 рублей — сумма по тем временам преогромная!

В Ташкент направляется подробное описание скафандра с рисунками. Но..., как нередко бывало в истории, в конечном итоге денег именно на приобретение аппарата и приглашение водолаза не оказалось. Парусник неожиданно затонул, А. П. Федченко в свое время не приехал. И благие намерения так и остались неосуществленными. Лишь архивное дело свидетельствует о несбывшихся мечтах губернатора.

Внимание не ослабевает

Но интерес к подводным тайнам Иссык-Куля не исчез. В 1886 г. геолог И. В. Мушкетов представляет в физико-географическое отделение Русского географического общества доклад «Мотивы и задачи исследования на Хан-Тенгри» — об организации специальной экспедиции в горную систему Хан-Тенгри на Тянь-Шане. И хотя сам ученый скептически относился к наличию подводных крепостей и селений на дне озера, считая следы развалин продуктом особых геологических отложений, тем не менее полагал необходимым их обследовать. «Так как экспедиция предполагает окончательно снарядиться в Караколе (ныне г. Пржевальск.— *Авт.),* т. е. в долине Иссык-Куля, — докладывал И. В. Мушкетов членам общества — организаторам экспедиции, — и на обратном пути тоже будет в долине Иссык-Куля, то было бы весьма желательно, чтобы она занялась, насколько возможно, *исследованием остатков древних поселений на Иссык-Куле* (выделено нами. — *Авт.*), которые давно уже известны и в последнее время получают все больший интерес, особенно вследствие открытия сирийских памятников в Токмакском уезде, т. е. местности, соседней с Иссык-Кулем. Особенно интересно проверить данные о нахождении развалин древних поселений, находящихся на северном берегу озера у р. Ак-Су под уровнем воды. При этом желательно проследить распространение и характер новейших туфов, которые, обладая правильною трещиноватостью, иногда принимаются за остатки искусственных стен, например, в юго-восточном углу озера вблизи берегов» [9].

Экспедицию поручили возглавить горному инженеру И. В. Игнатьеву. При возвращении с Хан-Тенгри в сентябре 1886 г. он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь под водой

были найдены каменные жернова, гранитный шар неизвестного назначения, керамическая посуда, обнаружено скопление обожженных кирпичей, которые, по заключению ученого, могли представлять собой только развалины стен. Судя по перечню предметов, это были остатки разновременных памятников, оказавшихся под водой Иссык-Куля. Сам И. В. Игнатьев все их отнес к древнеусуньским.

В 1888 г., после кончины великого путешественника Н. М. Пржевальского, экспедицию в Центральную Азию возглавил М. В. Певцов. Он также заинтересовался подводными развалинами на Иссык-Куле и лично осмотрел их. «К западу от Пржевальска, в местности Кой-Сары, на дне Иссык-Куля, — записал ученый, — находятся развалины небольшого древнего города, лежащие близ южного берега озера на глубине около пяти футов». Обожженный кирпич, который находили здесь, был небольшого формата и украшен отчасти изразцами. Как рассказывали ученому местные киргизы, нередко они находили в развалинах и обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, а также человеческие черепа и кости. От одного из киргизов — Джеламана, «весьма любознательного и правдивого», Певцов получил в подарок «две медные, очень древние монеты, найденные в развалинах» [10].

Судя по описанию, здесь наряду с явно средневековыми остатками материальной культуры, свидетельством чему являлись кирпичи, встречались и более древние, сако-усуньские предметы. Наиболее характерным из них являлся «медный котел».

Казалось бы, вопрос решен, ясность внесена: на Иссык-Куле имеются подводные памятники, причем добываемые со дна предметы хронологически весьма отдалены один от другого: от первого тысячелетия до н. э. до середины второго тысячелетия н. э.

Собранные краеведом Ф. В. Поярковым и переданные в свое время в Ташкентский музей трофеи со дна Иссык-Куля — сабля, наконечник пики, бронзовый топор и другие самые разновременные предметы, казалось бы, должны были убедить в реальном существовании археологических памятников на дне озера и в необходимости дальнейших серьезных научных изысканий. Но высказывались сомнения: а не плод ли это во-

ображения, когда естественные туфы, ученые, не будучи ни археологами, ни историками, выдавали за легендарные подводные крепости? Достаточно сказать, что два квалифицированных участника одной и той же экспедиции — художник С. М. Дудин и востоковед В. В. Бартольд в 1894 г. высказали по этому поводу прямо противоположные мнения. Так, С. М. Дудин после осмотра с лодки акватории озера в местности Кой-Сары заявил, что «подводные стены» — не что иное, как толщи сланцевой глины, размытой водой, т. е. представляют собой «типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя» [11]. Бартольд же не разделял точки зрения своего художника и был уверен, что озеро действительно хранит следы древней жизни. По размерам и форме найденных на дне озера кирпичей, фрагментам керамики он относил подводные развалины к послемонгольскому времени. Убежденный в том, что подводные иссык-кульские развалины — остатки средневековых поселений, Бартольд не дал, однако, никакого объяснения находимым местными жителями в подводных развалинах около устья Тюпа более древним орудиям из меди (ножи, пики, стрелы, топоры, серпы), никак не вязавшимся хронологически со средневековьем. В с. Преображенском (современное с. Тюп) ученому показали большой медный котел на трех припаянных ножках, обнаруженный в пяти верстах от устья р. Тюп. Бартольд хотел купить котел, но за него запросили так дорого (30 рублей), что это оказалось не по средствам. Зато он тут же приобрел медный нож, «похожий на древнесибирские медные орудия» [12]. Здесь ученый отдает должное их древности.

Конкретные исторические факты, археологические находки невозможно было игнорировать. Их надо было объяснять. Далекие предки киргизского народа, созидатели и жители ныне подводных поселений, не оставили письменных свидетельств. Поэтому с течением времени былое в памяти народа стиралось, трансформировалось в исторические предания, в мифы и сказки. «Киргизы, — писал В. В. Бартольд, — твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город» [13].

Новейшие исследования

В советское время большие исследовательские работы на Иссык-Куле в 20-х годах провел уроженец Киргизии, известный впоследствии ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела, профессионально подошел к изучению подводных тайн Иссык-Куля. Обследовав на лодке прибрежную акваторию озера, П. П. Иванов зарегистрировал подводные развалины поселений в районе Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары. Ученый отнес их к единому времени, полагая, что это остатки средневековых памятников. Иванов снял на план широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождествленные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминающие улицы либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т. д.[14]

Надо сказать, что никто из исследователей, в том числе и П. П. Иванов, даже не ставил вопроса о наличии подводных остатков античных поселений — первого тысячелетия до новой эры или новой эры. Не ставили, хотя поднимаемые со дна озера предметы, особенно бронзовые изделия, были явно более раннего, не средневекового времени. Все были как бы загипнотизированы средневековьем (для чего, кстати, были все основания) и не пытались дифференцированно подойти к анализу находок из Иссык-Куля.

Специальную задачу исследования подводных памятников Иссык-Куля с применением аквалангистской техники середины XX в. поставил перед собой археолог Д. Ф. Винник. Пройдя специальную стажировку у одного из основателей и энтузиастов подводных археологических раскопок профессора В. Д. Блаватского, Д. Ф. Винник в 1959 г. приступил к планомерному археологическому обследованию подводных памятников Иссык-Куля. За два года небольшим отрядом Д. Ф. Винника, состоявшим в основном из энтузиастов-студентов Киргосуниверситета и Фрунзенского политехнического института, была обследована местами северная и восточная прибрежная акватория Иссык-Куля. На вооружении отряда имелись подводные аппараты двух конструкций: кислородный акваланг «ИДА-М-48»

и более усовершенствованный «Подводник-1». В них под водой можно было находиться до 45 минут.

Результаты работ оказались обнадеживающими. Они подытожены в двух специальных статьях Д. Ф. Винника [15]. Убедительно было доказано, что под водой имеются поселения не только XII—XV вв., но и несколько более ранних периодов, начиная с VIII в. н. э. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате обмеления озера ранее находившиеся под водой развалины оказались на берегу. Это позволяло переключиться в этом районе на традиционные раскопки наземных памятников [16].

С этого времени Д. Ф. Винник подводные археологические работы прекратил. И в дальнейшем — в 60—80-е годы — занимался изучением памятников древних кочевников и средневековых поселений только на берегу, преимущественно в предгорной зоне Иссык-Куля.

Но подводные памятники продолжали тревожить воображение и манили к новым исследованиям. Недаром один из авторов настоящей книги, В. М. Плоских, подводя итог предшествующим подводным исследованиям на Иссык-Куле, писал в 1981 г.: «Впереди новые работы. Подводный мир Иссык-Куля требует их продолжения. Дно озера как песчаная пустыня. Где сегодня ничего не видно — завтра может быть вымыт и выброшен на берег уникальный сосуд или бронзовый котел, украшенный фигурками животных. Иссык-Куль по-прежнему полон тайн» [17].

И новый этап подводных исследований начался летом 1985 г. работами Иссык-Кульского историко-археологического отряда [18]. Толчком к нему послужила новая встреча с древностями на берегу озера за три года до этого — в 1982 г.

Трофеи из Иссык-Куля

Солнце уже склонялось к закату, когда мы — историко-археологический отряд Институ́та истории Академии наук Киргизской ССР по обследованию памятников XVIII—XIX вв. — решили сделать остановку на южном побережье Иссык-Куля, у с. Дархан. Как в самом Дархане, так и в соседнем с. Сару нас интересовали мавзолеи — гумбезы XVIII—XIX вв. и особенно гумбез Балчака в среднем течении р. Джуука, которая у Дархана впадает в озеро.

Остановка на Иссык-Куле, даже на пару дней, в самый разгар лета — была приятной наградой за недели пути по трудным горным трассам, за пыльные километры безасфальтных дорог, за переходы по горным кручам и обрывистым склонам вдоль стремительных речек.

Не успели мы разбить лагерь, как к палаткам на телеге подъехал пожилой человек. Теперь он уже пенсионер, а еще год назад гонял отары в верховья р. Джуука. До Великой Отечественной войны был пограничником, а в годы войны — летал на советских и американских истребителях, сражаясь с немецкими захватчиками. Ветеран войны Тойтобай Маалиев приехал с женой. «Она — мать-героиня, — сказал аксакал. — У нас семь сыновей и семь дочерей. Я теперь на пенсии, но зимой опять пойду на Джууку. Не могу без отар, скучаю без настоящего дела». Помолчал, по-хозяйски осмотрел лагерь. «Археологическая экспедиция», — прочитал он на машине. И тут же спросил: «Подводные находки вас интересуют? Могу показать».

Все это было как-то неожиданно. Слишком уж быстро. Да и Иссык-Куль, мы знали это по собственному многолетнему опыту, не так-то легко расставался со своими сокровищами, особенно подводными. И Тойтобай рассказал, как он рыбачил несколько лет назад *здесь с лодки, метрах в 20—25 от берега — он показал* на середину затона. «Вдруг смотрю, в воде какие-то предметы необычной формы. Спрыгнул. Было неглубоко — метра полтора. Достаю — металлические предметы. Сначала думал — золото. Но потом, уже дома понял — бронза. Да что там — едем ко мне, покажу». Мы все еще не очень верили в удачу. Но поехали к нему домой, в с. Дархан. И уже через 15 минут держали в руках фрагменты двух бронзовых кинжалов и бронзовый котелок с маленьким носиком. А когда хозяин передал нам и сплющенный фрагмент большого бронзового котла, все сомнения отпали — находки очень древнего происхождения. Начали вспоминать аналоги по литературе и экспонаты, выставленные в Пржевальском музее, Республиканском историческом музее и археологическом музее Института истории Академии наук республики. Перед нами лежали изде-

лия, которые были отлиты, по крайней мере, две с половиной тысячи лет тому назад.

Первый кинжал с отломанным концом, но сохранились самые важные и самые ценные его части: фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, двулезвийный реберный клинок. На ручке с обеих сторон по три вертикальных гофра. Длина сохранившейся части кинжала 161 мм, причем 124 мм приходится на рукоятку, ширина рукоятки 18 мм, клинка у основания — 25, фигурного навершия — 44 мм. Самым примечательным, делающим кинжал индивидуальным, было именно художественное навершие, выполненное в виде двух головок горных козлов в зеркальном изображении — как бы соприкасавшихся затылками с закрученными рогами. Из огромного числа наверший мечей и кинжалов скифо-сакского мира нашему кинжалу найдена пока единственная аналогия — кинжал с подобным (но не тождественным) навершием, найденный также случайно несколько лет назад археологом И. К. Кожомбердиевым в долине Кетмень-Тюбе (Токтогульский район Ошской области). Последний ученые датировали VI—V вв. до н. э.

Второй кинжал был в общем похож на первый. С брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и двулезвийным реберным клинком, правда, отломанным у самого основания. На ручке с обеих сторон три вертикальных гофра. Рукоятка значительно меньше, чем у первого кинжала,— всего 110 мм при ширине 18 мм, ширина навершия 48, перекрестия — 58, лезвия — 20 мм.

Мы скрупулезно, тщательно записывали все размеры находок, художники делали зарисовки, а фотографы — фотоснимки. Мельчайшие подробности могли пригодиться при выявлении аналогий и определения хронологии. Уже во Фрунзе, просматривая публикации и многочисленные археологические таблицы, мы нашли ближайшие подобия кинжалу, приближающиеся к тождеству, — это случайная находка в Чуйской долине А. К. Кибирова и кинжал, входящий в состав Иссыкского клада, найденного К. А. Акишевым близ Алма-Аты. Последний датировался VI—IV вв. до н. э.

Не остался без внимания и бронзовый ритуальный котелок со сферическим корпусом и массивными стен-

ками. Венчик у котелка слегка выступал, под ним был сохранившийся в целости носик-слив. Ручки у котелка не было. На ее месте под углом 90° от носика на тулове котелка зияло отверстие. Ручка, очевидно, была отломлена еще в те далекие времена, когда сосуд использовался по своему прямому назначению. Подобные изделия находили не раз в зоне былого расселения саков и савроматов.

Фрагмент же большого жертвенного котла был невыразителен, без орнамента и украшений, которыми иногда отличались жертвенные котлы сакского времени. Так, в 1976 г. в с. Чельпек были найдены обломки аналогичного бронзового котла и две фигурки лежащих быков-зебу, некогда венчавших края котла. Изделия из бронзы высокохудожественной работы находили и раньше. Сейчас они экспонируются не только в музеях республики, но и в знаменитом Эрмитаже в Ленинграде.

Дарханские находки 1982 г. пополнили сакскую коллекцию экспозиции музея Института истории республиканской Академии наук. Но значение их не только в этом. Они еще раз доказали, что озеро Иссык-Куль хранит много неразгаданных тайн. Необходим был подводный археологический поиск. К тому же, главная задача нашего отряда — сбор материалов для очередного тома «Свода памятников истории и культуры Киргизской ССР. Иссык-Кульская область». А это, естественно, означало необходимость учета также и затонувших памятников.

Мировая практика

Исследование подводных городищ — дело чрезвычайно трудоемкое, нередко опасное и дорогостоящее, да к тому же, и полученный научный результат здесь несравненно ниже, чем при раскопках городищ на суше. Поэтому археологи крайне редко приступают к подводным работам. В мировой практике подводных археологических изысканий вполне справедливо отдается предпочтение изучению затонувших кораблей. Например, с древних затонувших кораблей в Черном и Средиземном морях было поднято множество ценных предметов, среди них выделяются шедевры античных скульптур. Многие древние триеры, ладьи, галеры, челны запорожцев и даже очень крупные корабли были

подняты из пучины и сейчас украшают музеи. После многолетней работы 4 апреля 1961 г. был поднят, например, флагман шведского королевского флота фрегат «Ваза», затонувший 10 августа 1682 г. на рейде Стокгольма. Сейчас музей, где экспонируется фрегат, привлекает свыше 400.000 посетителей ежегодно [19]. Подъем затонувших кораблей производится и в наши дни. Осенью 1986 г. хорошо оснащенная египетско-французская экспедиция в заливе Абу-Кир, близ Александрии, вела поиски остатков эскадры Наполеона Бонапарта, потопленной адмиралом Нельсоном в августе 1798 г. Водолазы нашли и обследовали флагман эскадры «Орьян» и научно-транспортное судно «Патриот», которые будут подняты со дна и помещены в музей в г. Александрии. Одна из пушек, весом в 2 т, поднятая с «Патриота», была преподнесена президентом Египта в дар президенту Франции и будет выставлена в Парижской политехнической школе [20].

Крупные археологические изыскания на подводных городищах можно перечесть по пальцам. Так, наиболее успешными исследованиями можно считать изучение «пиратского Вавилона» — Порт-Ройала на Ямайке, который в последней трети XVII в. превратился в родной дом для работорговцев, воров, искателей счастья — «джентльменов удачи» всех мастей, в том числе для таких суперпиратов, как Кидд, Морган, Мэнсфилд и др. Гибель города была внезапной и страшной: 7 июня 1692 г. около полудня раздались три сильных подземных толчка, после чего на берег накатила мощная океанская волна. Всего за несколько минут девять десятых города, имевшего около 2000 зданий, оказалось под водой. Современники сочли это возмездием свыше [21]. В 1966—1967 гг. под руководством опытного морского археолога Роберта Ф. Маркса на глубине 5 м на территории бывшего города велась систематическая расчистка на участке площадью 133×50 м, то есть менее 5% затонувшей части Порт-Ройала. Здесь обнаружено три сохранившихся дома и остатки двух кораблей, заброшенных в момент катастрофы гигантской волной в черту города. Кроме того, археологами добыто около 20.000 железных предметов, 6500 курительных трубок, 2000 стеклянных бутылок, 500 серебряных и цинковых сосудов, два больших клада серебряных

монет [22]. Однако нельзя забывать, что исследование Порт-Ройала — не столько научное, сколько коммерческое, самоокупающееся предприятие. Ведь никакие траты не остановят богатых коллекционеров, стремящихся заполучить подводные сокровища! И еще одно коммерческое предприятие будет осуществлено здесь. Правительство Ямайки утвердило проект возрождения Порт-Ройала, рассчитанный на 20 лет. Очищенные от ила и песка подводные руины города будут обозреваться со специальных судов с прозрачным полом [23].

В Средиземном море успешно изучались затонувшие древние порты Тир (современный Сур), Сидон (Сайда), Массилия (Марсель) и ряд других. В Швейцарии, Италии, Германии исследовались доисторические поселения, оказавшиеся, как и иссык-кульские, на дне внутренних водоемов.

У нас в стране подводные раскопки были проведены на затонувшей части древнегреческой Фанагории и в некоторых других местах побережья Черного моря [24].

В 1968 г. по инициативе «Литературной газеты» предпринимались попытки отыскать даже легендарное озеро Светлояр и град Китеж Великий на его дне.

Во всех случаях исследования подводных городов археологи пытались использовать методы, оправдавшие себя при работах на суше, т. е. перенести их в иную среду. Вот тут-то они и сталкивались с трудностями разного порядка. Ведь здесь нужны не просто рабочие, а хорошо подготовленные аквалангисты. Время работы их на глубине ограничено. Кроме того, работа может быть приостановлена в любое время из-за штормовой погоды и плохой видимости. Для организации работ нужны, как минимум, специально оборудованное судно, вместо наземных лопат — эжектор или землесосный снаряд, телесистема с буксируемой под водой загерметизированной камерой, вертолет для обзора дна на небольших глубинах. Конечно, в будущем появятся более широкие технические возможности для подводных исследований. Газета «Советская Киргизия» 8 февраля 1987 г. известила своих читателей, что финские корабелы строят подводную лодку, в которой пассажиры будут размещены вдоль бортов у больших иллюминаторов. Мощные прожекторы позволят им лю-

боваться подводным ландшафтом озера Симонярви на глубине до 100 м.

Мы верим, что в будущем и мы сможем использовать самые современные специальные суда и снаряжение. Но это в будущем. А сегодня из всего необходимого ассортимента технических средств в нашем распоряжении были только аквалангисты, но зато какие!

Аквалангисты в экспедиции

Осенью 1812 г. армия Наполеона, отступая из Москвы, захватила с собой огромное количество ценностей: золото, серебро, самоцветы, церковную утварь, оружие, меха и т. п. Наиболее ценные вещи составили так называемую «московскую добычу» самого императора. Если верить мемуарам француза Марингоне, она была погружена на двадцать пять повозок. Под натиском преследовавших русских войск французы вынуждены были бросить все свои трофеи, в том числе и «московскую добычу», где-то в районе села Семлево, что в 29 км от Вязьмы.

Три независимых друг от друга свидетеля утверждают это. Известный русский историк М. Д. Михайловский-Данилевский, например, писал: «Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из Московского арсенала». Наполеону уже было не до «трофеев». В мемуарах графа Сегюра читаем: «...нам пришлось бросить в Семлевском озере вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого». Знаменитый шотландский романист Вальтер Скотт в книге «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» отмечал, что 1 ноября Наполеон «повелел, чтобы «московская добыча», древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого были брошены в Семлевское озеро, как трофеи, которые ему не хотелось отдать обратно и которых он не имел возможность везти с собой».

На Семлевском озере в 1960—1961 гг. по инициативе газеты «Комсомольская правда» на общественных началах было проведено 4 экспедиции. Специальными анализами была выявлена аномальная зона, в воде которой оказалось повышенное содержание драгоценного металла. Зона имела глубину около 15—20 м, из кото-

рых 10—13 м приходилось на донный ил, сверху довольно жидкий, у дна очень плотный. Все это чрезвычайно осложняло работы. Только привлечение современной техники при энтузиазме историков, инженеров, подводников позволило напасть на след драгоценных (из золота и серебра) окладов старинных икон, на отдельные предметы оружия. Все говорило за то, что именно здесь покоится «московская добыча» Наполеона. Но сверхтрудные, дорогостоящие работы так и не позволили достать брошенные Наполеоном награбленные богатства.

В этих работах по поиску и извлечению «московской добычи» принимали участие аквалангисты Московского института стали и сплавов. Мы обратились к ним за помощью, и они стали постоянными участниками наших поисков на Иссык-Куле.

Руководителем группы аквалангистов был мастер спорта международного класса Станислав Станиславович Прапор. С 1957 г. он ежегодно участвует в подводных экспедициях Академии наук СССР, Института археологии, Института водных проблем, Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанологии, Камчатского отделения научно-исследовательского института рыбного хозяйства, МГУ, Министерства цветной металлургии и др. Погружался во многих морях земного шара — Адриатическом, Средиземном и Карибском, в Мексиканском заливе, в Тихом океане, у Курильских островов, у побережья Перу. Провел под водой более пяти тысяч часов.

Под стать ему мастер спорта СССР Алексей Демьянович Курманенко. Вместе с С. С. Прапором он участвовал в большинстве подводных экспедиций, в том числе и в поисках «клада» Наполеона, и в работах за рубежом.

Третий участник нашей экспедиции — опытнейший подводный археолог Анатолий Владимирович Блаватский. Подводным делом начал заниматься с 1950 г. во время службы в Военно-Морском Флоте СССР. В 1956 г. принял участие в археологической экспедиции Института археологии АН СССР в районе г. Керчи, где проводилась подводная разведка ряда античных поселений. Ежегодно участвовал в различных подводных экспедициях, погружался практически во всех морях, ок-

ружающих нашу страну, на многих озерах, участвовал в подводных работах по обследованию трубогазопроводов через реки, крупных портов и ГЭС.

К ним присоединились более молодые аквалангисты — мастера спорта СССР Раиса Митрофановна Носова и Виктор Васильевич Волчанский, которые в свое время участвовали в сложных подводных работах на Волге, Лене, на Дальнем Востоке.

Что же могли увидеть аквалангисты под волнами Иссык-Куля, где располагались затонувшие города?

Пустынное, ровное, зачастую илистое дно. Изредка выступают похожие на туф известковые образования, достигающие иногда метровой высоты и занимающие площадь до 10—15 кв. м. Островки чахлых водорослей. Поражает почти полное отсутствие ихтиофауны.

Как только встречается керамика, аквалангист — весь внимание. К находке подплывает против течения, внимательно осматривает место в радиусе 0,5—1 м и только после этого решает, что брать. Если обнаружено несколько предметов, то наиболее ценный берется первым, а затем все происходит на ощупь. Потому что даже при легком прикосновении к грунту поднимается столб черного ила. Сняв все на поверхности, аквалангист начинает копать руками, стараясь выбрать возможные находки под илом. Есть нож, но он не «чувствует» предмета, поэтому применяется в редких случаях. На месте находки выбрасывается буй, по которому она и наносится на план. Так метр за метром аквалангист практически прощупывает площадь.

В экспедиции была использована и новинка, едва ли не впервые примененная в нашей практике археологических работ, — прибор дистанционного зондирования, который позволяет находить под землей (и под водой) на глубине до полутора метров не только железные, но и бронзовые предметы [25]. Но этим наша техника в основном и ограничивалась.

В составе отряда были археологи Института истории АН Киргизской ССР и энтузиасты-любители. Например, палеолитчик М. Б. Юнусалиев вел, и небезуспешно, поиск следов первобытного человека на Иссык-Куле. Л. Е. Семениченко и Б. Аманбаева обрабатывали керамику, освобождая ее от озерных отложений и восстанавливая по фрагментам керамики формы сосудов.

Б. Дуйшеев изучал памятники зодчества киргизов прошлого — гумбезы; особый интерес исследователя вызывали те из них, что были построены в XVIII—XIX вв., из кирпичей, поднятых в свое время со дна Иссык-Куля. Неутомимый сподвижник в наших исследованиях по дореволюционной истории Киргизии В. Я. Галицкий и научный сотрудних А. Кошелев в рамках «Свода памятников» описывали сохранившиеся памятники истории и культуры конца XIX—начала XX вв. Нашим постоянным лаборантом и самодеятельным художником экспедиции являлся М. Эктов, неизменным участником всех работ была студентка исторического факультета С. Володина. Много лет во время своих отпусков работает с археологами краевед В. Г. Ратман, доцент политехнического Института А. А. Запольский, инженер С. К. Желоховцев. Разведку средневековых подводных развалин в районе села Тору-Айгыр провел фрунзенский аквалангист В. М. Блинов. В сезон 1986 г. нам удалось привлечь в работе юных водолазов Пржевальской детской морской школы, которыми руководил В. П. Савинов. «Летописцем» наших изысканий стал живо интересующийся историей Прииссыккулья собкор газеты «Советская Киргизия» Э. Л. Паин (Лазарев).

Благодаря такому составу отряда тяжелая повседневная работа преобрела форму увлекательного поиска, смелых гипотез.

Учитывая наше техническое оснащение, на первом этапе работ мы могли поставить перед собой только следующие научные задачи:

1. Выявление в акватории озера мест, где располагались древние поселения, и определение их примерных площадей.

2. Обозначение мест наиболее важных находок при помощи системы буев. Нанесение их на план.

3. Сбор коллекции предметов материальной культуры. Определение хронологии поселений по хорошо датирующим находкам.

Наиболее серьезным успехом наших работ является открытие городища Сарыбулун, которое функционировало в I тысячелетии до н. э. (древнее Чигу).

Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации.

Ф. Энгельс

ГОРОДИЩЕ САРЫБУЛУН

Открытие

Известный краевед преподаватель средней школы № 31 г. Фрунзе М. К. Синусов неоднократно рассказывал киргизским археологам, в том числе и нам, что в районе Сухого Хребта в Тюпском заливе озера Иссык-Куль на отмелях находят много осколков глиняных сосудов и зернотерок. По его предположению, в этом месте наступающие волны озера когда-то разрушили крупный могильник, вымыли керамические сосуды, которые клали вместе с погребенными, перебили их, а фрагменты рассеяли по громадной площади дна залива и кромке побережья. Он призывал археологов неотлагательно организовать экспедицию в район Сухого Хребта. К сожалению, тогда не придали серьезного значения словам краеведа. Да и не волен археолог по своему желанию заниматься уточнением и проверкой открытий энтузиастов-любителей (нередко мнимых). Организация же экспедиционных работ — дело далеко не простое, требующее, к тому же, немалых средств.

Осенью 1982 г. М. К. Синусов показывал нам свои находки. В груде невыразительных битых черепков ручной лепки, нескольких кусков каменных зернотерок и двух-трех оселков глаз археолога сразу выделил бронзовый кинжал и навершие булавы художественной работы. Сомнений не было — эти вещи сделаны в глубокой древности и не позже VI в. до н. э. Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сомнения исчезли. Наметились вполне реальные аргументы в пользу того, что объект, открытый М. К. Синусовым и его помощниками — юными краеведами из школы № 31 г. Фрунзе, требует серьезного внимания ученых.

В сезон 1985 г. одной из задач Иссык-Кульского археологического отряда стал осмотр акватории Тюпского залива.

В настоящее время вся прибрежная зона озера является заповедной и охраняется государством. Однако южное побережье залива требует особо тщательной охраны. Нигде на побережье нам не приходилось видеть в такой первозданной красоте естественного иссык-кульского ландшафта. С обрыва у с. Песчаное открылся вид на бирюзово-синюю гладь, которая удивительно сочетается с мягкими пастельными тонами ровной, как стол, долины, покрытой невысокой щёткой красноватой и светло-зеленой травы. Пустынный берег и отмель, которые совсем недавно были дном озера, привлекают сюда большое количество пернатых. По последним данным, на Иссык-Куле зарегистрировано 98 видов водоплавающих и околоводных птиц [1]. Мы любовались здесь крупными стаями лебедей, гоголей, крохалей, черных казарок. Нырки подпускали человека почти на расстояние вытянутой руки. На мелководье скапливалось множество птиц из семейства куликов, а на побережье — стаи серых журавлей. Местный охотовед Г. И. Журавлев видел здесь даже очень редких южных гостей — пеликана и фламинго. Все это заставляет думать о более серьезном отношении к охране неповторимой природы восточной части Прииссыккулья. А пока здесь дымят трубы Курментинского цементного завода, и густой шлейф дыма загрязняет воздушный бассейн над многими селами и Тюпским заливом. Нет покоя и пернатым. Напуганные взрывами в горах, где добывают известняк для завода, с криком поднимаются тысячи птиц и долго не могут угомониться. Согласно букве заповедного режима на территории, ставшей сушей после отступания озера, нельзя выпасать скот, и уж тем более складировать, да еще под открытым небом, химические удобрения. Только до сих пор на берегу и скот пасут, и сваливают горы удобрений. Овцы вытаптывают весь травостой, затаптывают птичьи кладки яиц, а химические удобрения в сезон дождей и таяния снегов загрязняют воды уникальнейшего озера.

Однако вернемся к нашим работам в 1985 г.

В 2,5—3 км севернее с. Песчаное на широкой полосе побережья и примыкающей к нему илистой отмели (примерно 1500×500 м) было найдено множество фрагментов керамики, зернотерок, обнаружены скопления и отдельно лежащие речные окатанные валуны разных

размеров. Уже беглый осмотр местности говорил о том, что это не следы древнего могильника. Целый ряд признаков указывал на то, что здесь было крупное поселение сако-усуньского времени — I тысячелетия до н. э. А это значит, что обнаружено поселение на территории Прииссыккулья с культурой, не известной археологам.

Подводные сокровища

На городище Сарыбулун за три полевых сезона удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которые в какой-то степени дают представление о жизни его обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились в воде и покрыты известковыми наростами. Иногда эти наросты образуют толстые слои, скрывающие саму форму предмета. Они настолько крепко «сцементированы» с древними изделиями, что механическая очистка, особенно хрупкой керамики, практически невозможна. Изделия из керамики и камня можно освободить от известковых наростов, только используя 50%-ный раствор соляной кислоты.

Все находки в местности Сарыбулун можно подразделить на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия, поделки из рога.

К е р а м и к а. Как и на подавляющем числе археологических памятников, керамика Сарыбулуна — наиболее массовый материал. Обломки ее разных размеров и цвета рассеяны на большой площади дна залива и на побережье, которое до недавнего времени тоже было дном озера. Здесь за очень небольшой промежуток времени можно составить внушительную коллекцию древней керамики [2].

Обилие материала позволяет быть более разборчивым. Мы осматриваем все, но берем и храним только те осколки древних сосудов, которые могут дать максимальную информацию. Наибольший интерес вызывают фрагменты керамики с частью венчика или донца. По ним специалисты определяют форму верхней и нижней части сосудов. Большой удачей считается находка черепка, который сохранил хоть маленькую толику донца и венчика. Такой сосуд считается «археологически целым», так как без особого труда можно восстановить его размеры и форму. Не оставляются без

внимания все осколки, на которых видны следы орнамента или характерных сеточек (отпечатков древних тканей), расположенных обычно на внутренней стороне посуды. Они тоже несут информацию об эстетических вкусах и ремесленной технологии древних скотоводов. И уж совсем большой праздник для археолога — находка целых сосудов. На Сарыбулуне их найдено около десятка.

Поражает разнообразие форм и размеров посуды древних скотоводов Прииссыккулья. Насколько ассортимент ее на городище богаче, чем в курганах! Если в подкурганных погребениях I тыс. до н. э., раскопанных археологами, в подавляющем большинстве найдены лишь сосуды индивидуального пользования, т. е. столовая посуда, из которой человек ел и пил, то на поселении кроме нее находится и кухонная (для приготовления пищи) посуда, и тарная (для хранения продуктов). На городище Сарыбулун найден также расписной сосуд (правда, пока один), который можно отнести к парадной посуде. Кухонная посуда — это котлы. Кроме многочисленных фрагментов счастливый случай помог найти великолепный целый экземпляр глиняного котла шаровидной формы с четырьмя горизонтально расположенными петлеобразными ручками. На дне котла видны отпечатки ткани. Стенки толстые, вылеплены из огнеупорной глины. Емкость котла около 7 литров, что может обеспечить разовой пищей семью из 7—10 человек.

Этот котел не смогли бы найти даже наши опытные аквалангисты, хорошо знающие особенности микрорельефа и специфику структуры придонных отложений на площади городища Сарыбулун. Он был почти полностью заглублен в песок. Над дном в воде были видны только одна из ручек и часть венчика, которые, как и окружающее их пространство, были скрыты известковыми наростами. А найден он был, как ни странно, при помощи специального прибора, который реагирует только на металлические изделия. И вдруг прибор стал подавать сигналы над ручкой котла. Велико же было удивление и радость подводных археологов, когда вместо металлического (они давно известны науке) был найден первый целый керамический котел древних скотоводов Прииссыккулья.

Почему же ошибся умный прибор, который должен реагировать только на изменения магнитного поля? Известно, что даже среди металлов изменение магнитного поля может вызвать только железо или сталь, а тут — совсем уж нейтральная керамика. Консультация с физиками все разъяснила. Прибор не ошибся. Дело в том, что глина, из которой был изготовлен котел, содержала значительную часть окиси железа. При обжиге сосуда частицы окиси железа ориентируются по направлению магнитного поля земли и остаются в таком положении. А это значит, что котел имеет свое собственное магнитное поле, на что и среагировал прибор. Этот эффект давно известен охотникам за затонувшими амфорами в Средиземном и Черном морях. При помощи прибора на расстоянии нескольких метров они могут обнаружить группы амфор в придонных отложениях [3].

Столовая посуда представлена гораздо богаче, чем кухонная. Здесь найдены кувшины с широким горлышком, кружки с петлеобразными вертикально расположенными ручками, чаши разных размеров, широкие открытые миски, сосуды баночной формы с вертикальными стенками, кубки. Такие сосуды давно известны археологам, так как именно они наиболее часто встречаются в погребениях сако-усуньского времени [4].

Особого внимания заслуживает небольшой кувшинчик, расписанный стойкой красной краской. Весь сосуд был покрыт плотным известковым налетом и лишь с одной стороны едва просматривались следы красной краски. Мы долго колебались, прежде чем обработать сосуд соляной кислотой. А вдруг вместе с придонными отложениями исчезнет и роспись? Она не исчезла, а засияла красными запятыми и точками на светло-желтом покрытии кувшина.

Форма сосуда — шар с широким горлышком-раструбом — хорошо известна археологам и датируется очень широко в пределах второй половины I тыс. до н. э. Более узкую хронологию, на наш взгляд, может дать мотив росписи — беспорядочно расположенные запятые, точки, отрезки прямых линий. При известной доле фантазии здесь можно увидеть изображения птиц, рогов архара и даже схематическое изображение лица че-

ловека. Но лучше не фантазировать. Так воображение одного из известных корреспондентов республики завело столь далеко, что он увидел в сарыбулунских росписях текст, написанный какими-то древними графемами, вроде санскрита, округлых рунических знаков или даже так называемым «червячковым письмом», предшествовавшим китайским иероглифам [5]. Устные консультации с виднейшими специалистами в этой области позволяют говорить о том, что нужно сдержаннее подходить к этой сверхсмелой гипотезе. Сосуд, тем не менее, является уникальным предметом, который может быть соотнесен с первобытным искусством (декоративно-прикладным).

Если столовая посуда древних скотоводов была хорошо известна по находкам в погребениях, а кухонная — по металлическим образцам из случайных находок, то тарная керамика, предназначенная для хранения продуктов (зерна, муки, вина, масла и др.), совершенно не была известна науке ни из Прииссыккулья, ни из других северных районов нашей республики. Обнаруженные нами тарные сосуды представляют собой толстостенные (до 2 см) бочонковидные корчаги со слегка расширенным или цилиндрическим туловом. Все они широкогорлые (от 25 до 61 см). Многие корчаги в верхней части тулова имеют петлевидные ручки, у других ручки оформлены в виде массивных выступов круглого или овального сечения. По всей видимости, тарные сосуды имели округлое днище, так как в наших сборах имеется большое количество сферических толстостенных днищ, по составу теста с большим количеством крупнозернистого песка идентичных фрагментам верхней части корчаг. По своей форме сарыбулунские тарные сосуды отдаленно напоминают корчаги, найденные в Фергане при раскопках поселений шурабашатской культуры [6].

В целом для керамики городища Сарыбулун характерны самые разнообразные ручки. Основные их разновидности следующие:

1) петлеобразные, расположенные как вертикально, так и горизонтально;

2) подковообразные, плотно прилегающие к тулову сосуда;

3) в виде массивного уплощенного выступа;

4) в виде шишковидных выступов овального или круглого сечения;

5) в виде полуовальных налепов с узким сквозным отверстием.

Поражает очень большое число фрагментов сосудов с носиком-сливом самой различной формы и длины. Носики чаще всего в виде цилиндров или усеченных конусов. Во втором случае они крепились к тулову сосуда как большим, так и малым основанием. Показательно, что сосуды с носиком-сливом известны и в варианте из бронзы. Такие сосуды были найдены, как уже отмечалось, на дне озера близ с. Дархан и на полях колхоза «Дружба» Джеты-Огузского района [7].

На городище Сарыбулун известны и редкие формы керамики: крышка для сосуда, представляющая собой толстый круглый диск с петлевидной ручкой, фрагмент неглубокого сосуда подквадратной формы, цилиндрическая цельная подставка от сосуда типа вазы или кубка, два фрагмента жаровни, вылепленной из рыхлой глиняной массы.

На многих фрагментах и на целых экземплярах (котел, расписной кувшин) у донца, на нижней части стенок видны следы рельефной густой сеточки — отпечатки тканей, при помощи которых формировали сферическую нижнюю часть сосудов.

Вся керамическая посуда сарыбулунских мастеров, за исключением очень небольшого числа, была вылеплена вручную, без применения гончарного круга. Можно было ожидать, что древние скотоводы, умеющие создавать художественные шедевры из куда менее податливых материалов, чем глина (из металла, дерева, кости), так разрисуют свои сосуды, что любой из них, подобно греческим расписным займет свое почетное место в истории древнего искусства, поведав потомкам о самых неожиданных сторонах жизни, быта, идеологии своих создателей. К сожалению, этого не случилось. Те же сарыбулунцы, которые мастерски использовали сферическую поверхность для изображения свернувшегося свирепого хищника с оскаленной пастью и сумели воспроизвести изображение в бронзе, были беспомощны, когда дело касалось украшения самой массовой продукции их ремесла — керамики.

Нам известны два технических приема орнаментации керамики на городище Сарыбулун: роспись (о ней сказано выше) и процарапывание украшений по сырой глине до обжига. Мотивы орнамента так же примитивны, как и их исполнение. Обычно это волнистая или зигзагообразная горизонтальные линии, нанесенные на плечики сосуда. В одном случае строенные волнистые линии были процарапаны вертикально — от венчика к донцу.

С какой любовью украшались очень сложными и технически совершенными узорами сосуды эпохи бронзы! Как нарядно выглядела раннесредневековая керамика, особенно вышедшая из мастерских согдийцев-переселенцев! Возможно, что во времена древних скотоводов (между эпохой бронзы и средневековьем) керамика по непонятным причинам не считалась достойным объектом для выражения потенциально высоких эстетических возможностей ее создателей.

В наши дни наука открывает поистине фантастические информативные возможности керамических сосудов. Профессор патологии и археолог из канадского города Торонто Питер Левин рассматривает посуду древних как граммофонную пластинку, на которой записаны обрывки разговоров мастеров-керамистов. При вращении горшка на гончарном круге звуковые колебания от человеческой речи или музыки вызывали едва уловимые вибрации горшка. Это оставляло соответствующий отпечаток — естественную звуковую запись. Ее можно воспроизвести, используя новую оптическую технику, подобную той, что применяется в компакт-дисках. Сейчас Питер Левин разрабатывает «проигрывающее устройство» для воспроизведения древних записей. Информацию, запечатленную на посуде, будет считывать луч лазера. Появление всяких нерегулярностей в луче, отраженном на фотодетектор, будут затем с помощью компьютера, отсеивающего посторонние шумы, вновь переводиться в звуки [3]. Возможно ли это? Будущее покажет.

Каменные орудия труда

Даже в самых лучших книгах о культуре древних скотоводов, где представлены редчайшие изделия из золота и самоцветов, прекрасные образцы художественных поделок из дерева, кожи и войлока, чудом

сохранившиеся в подкурганной мерзлоте, есть общие для всех слабые разделы. В этих монографиях явно недостаточно освещены или совсем не освещены орудия труда древних скотоводов [9]. И это происходит не потому, что авторы не в совершенстве владели методикой исследования, и не потому, что их работы не отмечались глубиной анализа. Нет, слабость таких разделов была обусловлена самим объектом изучения — курганами, которые, как правило, не дают достаточной информации именно об этой важнейшей стороне истории человечества. Картина резко меняется при исследовании поселений, на которых чрезвычайно редки находки драгоценностей, что целиком компенсируется довольно частыми находками орудий труда.

На поселении Сарыбулун были найдены следующие орудия труда, сделанные из камня: зернотерки, песты, молоты, наковальни, точила, разнообразной формы грузила, пряслица, терки, серповидные ножи, мотыги [10].

Все зернотерки продолговато-овальной формы, чаще всего встречаются экземпляры значительных размеров (30—40×12—15 см), рабочая площадь их сильно сработана и концы зернотерок оказались приподнятыми так, что в профиль они напоминают силуэт ладьи с высокими носом и кормой. Зерна растирались при помощи терочного камня, которым служила обычно удлиненной формы природная галька. В процессе работы средняя часть терочника стиралась и края его опускались по сторонам зернотерки. В отдельных местах на небольшой площади находилось до десятка целых и разбитых зернотерок, что свидетельствует о том, что здесь когда-то было помещение хозяйственного назначения.

Среди зернотерок есть экземпляры, на которых перемалывали отнюдь не зерно. Специалисты полагают, что они использовались для дробления металлоносных руд.

Специальные эксперименты, проведенные Г. Ф. Коробковой, показали, что труд по превращению зерна в муку при помощи подобных зернотерок был чрезвычайно тяжелым, производительность очень низкая: не более 2 кг зерна за 4 часа чистого рабочего времени. Интересно и то обстоятельство, что, как показал эксперимент, современные женщины при работе с зернотер-

кой дают вдвое более высокие показатели, чем мужчины [11]. Воистину, хлеб для земледельцев того времени, особенно для женщин, был трудным.

Каменные зернотерки появляются на широкой территории еще в эпоху бронзы и окончательно вытесняются круглыми жерновами только в средневековье.

Особого внимания заслуживает находка каменных серповидных ножей, изящной, можно сказать ювелирной, выделки. Такие ножи типичны для Ферганы, Южного Узбекистана и Синьцзяна, где они известны по массовым находкам на поселениях финальной бронзы и начала железного века[12]. Но на Иссык-Куле каменные серповидные ножи — большая редкость. Так, если на поселении Боз-Тепе в Узгенском районе Ошской области было обнаружено 20 серповидных ножей и 21 заготовка для их изготовления, то в Прииссыккулье — пока только восемь и одна заготовка. Обломок каменного серповидного ножа нашел Д. Ф. Винник. Он лежал на глубине до 1 м на дне озера где-то между селами Ананьево и Каменка (современное Джаркинбаево) [13]. Три целых экземпляра прекрасной сохранности нашли краеведы средней школы с. Тору-Айгыр в предгорьях Кунгей Ала-Тоо, севернее этого села. Сейчас эти каменные серповидные ножи экспонируются в краеведческом музее г. Чолпон-Ата. Городище Сарыбулун (найдено три серповидных ножа и одна заготовка) фиксирует третью точку распространения каменных серповидных ножей в Прииссыккулье, которое сейчас можно считать самым северным регионом распространения этих орудий труда.

Каково функциональное назначение этих хрупких на вид предметов, изготовление которых требовало немалого мастерства, терпения и времени? Что можно было делать с их помощью? Обилие находок каменных серповидных ножей на поселениях позднебронзового времени в Фергане позволили археологу Е. В. Дружининой провести эксперимент с одним из них. По ее словам, нож легко срезал пучки (из 15 стеблей) пшеницы и ячменя, резал полый камыш и даже тонкие ветви кустарников. Эксперимент был полностью подтвержден трассологическими анализами. Исследование микроследов на ферганских каменных ножах убедительно доказало, что они в основном использовались в качест-

ве серпов [14]. Не исключено, что в дополнение к основному функциональному назначению каменные серповидные ножи, подобно киргизским серпам — орокам, использовались для обработки шкур животных (снятия мездры) и, как предполагают, в качестве трепала при обработке растительных волокон для ткачества [15].

На городище Сарыбулун удалось собрать коллекцию более чем из двадцати различных по форме и размеру каменных молотов и молотков, напоминающих песты: цилиндрические, усеченноконические, с выделенным овальным навершием. Все они в сечении круглые или овальные. Некоторые экземпляры имели в длину до 20 см и в ширину — до 7. Однако есть и миниатюрные. Так, близ острова на глубине 1,7 м был найден маленький (5×2 см) каменный молот-цилиндрик, тщательно сделанный из камня черного цвета. Где есть молоты, должны быть и наковальни. Две из них найдены на берегу у кромки залива на расстоянии 12 м друг от друга; они представляют собой уплощенные шарообразные речные валуны с широким круглым углублением в верхней части. Камни весом более 50 кг, что значительно затрудняло их перемещение. По всей видимости, эти наковальни были стационарными. Тут же были подняты небольшая (21×6 см) круглая наковальня и фрагмент овальной [16].

На дне озера А. В. Блаватский обнаружил изящную миниатюрную ступку, мастерски выполненную из плотного мраморовидного минерала с хорошо отшлифованным рабочим углублением и выделенной подставкой (6×3 см). Миниатюрные изделия такого рода могли применяться для приготовления косметических или лекарственных снадобий.

Мастера того времени освоили сверление камня. На городище найдены просверленные круглые и овальные гальки, так называемые грузила, пряслица, пуговицы и точильные бруски. Особого внимания заслуживает находка маховика для сверла.

Загадочные шары

Видный исследователь Средней Азии геолог А. Б. Мушкетов был одним из тех, кто весьма скептически относился к наличию подводных развалин городов на Иссык-Куле. В 1886 г. он представил доклад в Русское географическое общество об организации гео-

логической экспедиции в район Хан-Тенгри. Попутно, по замыслу ученого, экспедиция должна была решить вопрос об «иссык-кульской Атлантиде»: да или нет? «Да», — ответил горный инженер И. В. Игнатьев, который возглавил намеченную А. В. Мушкетовым экспедицию. Он осмотрел акваторию залива озера в районе Кой-Сары, где нашел жернов, глиняную домашнюю утварь, скопление обожженных кирпичей. Последние могли быть только остатками размытых волнами стен, а не природными геологическими отложениями, как предполагал А. В. Мушкетов. Среди находок И. В. Игнатьева на Кой-Саре был каменный шар «неизвестного назначения» [17]. О подобных шарах писали и другие исследователи подводных развалин. Столетие спустя после работ И. В. Игнатьева, на поселении Сарыбулун было найдено свыше тридцати каменных шаров. И все они, как и прежде, к сожалению, «неизвестного назначения». Подводные археологи, выкладывая из сеток очередной улов, так и говорили: «А вот и загадочный шар».

На первый взгляд, все шары как шары, диаметром 6—8 см, есть и побольше, есть и поменьше, сделаны из камня, которого полно в любом горном ручье. В ход шли и крупнозернистые и мелкозернистые граниты. При ближайшем рассмотрении большой коллекции шары оказались не такими уж и однотипными. Подавляющее большинство из них не являются идеальными. На некоторых из них выбита короткая, но сравнительно глубокая борозда, на других видны следы плоских стертостей—с одной или двух диаметрально противоположных сторон. Такой шар не покатится по плоскости. Однако встречаются и идеальные шары. Рассматривая один из них, участник экспедиции физик из новосибирского Академгородка Д. Есаев заключил, что примитивной техникой и без специальных приборов вручную сделать такой шар в наше время невозможно. Что же, это делает честь древним иссык-кульским мастерам каменных дел. Совершенно очевидно, что труд столь квалифицированных мастеров не был бесцельным. Их изделия были нужны людям. Но для чего?

Отсутствие приемлемого объяснения функционального назначения археологических находок всегда порождает массу предположений у всех участников по-

исков — от школьников до опытных археологов. Однако если отбросить самые фантастические из них, вроде того, что у древнего населения Прииссыккулья были на вооружении пневматические пушки, стрелявшие каменными ядрами, то останутся вполне приемлемые варианты с «милитаристским» и «спортивным» уклонами. Высказываются мнения, что древние обитатели Сарыбулуна при военных действиях могли использовать метательные машины типа катапульты или, на худой конец, примитивную пращу. В ответ приводится довод, что для этого достаточно простого булыжника и совсем не нужны идеальные шары, которые есть ни что иное, как спортивный инвентарь для какой-то игры.

Так ли это?

«Конечно нет», — ответила Г. Ф. Коробкова. В иссык-кульских шарах не оказалось ничего загадочного для нашего крупнейшего специалиста-трассолога. По едва заметным следам (трассам) на камне она определила, что все шары, даже идеальные, являются орудиями труда. При помощи одних делали каменные орудия труда (зернотерки, молоты, мотыги), другие использовались для обогащения руды, третьими что-то растирали, например, краску. Один из шаров с правильной плоской круглой стертостью служил матрицей для изготовления плоских металлических изделий типа зеркал.

Таким образом, иссык-кульские каменные шары утратили столь привлекательную загадочность, но зато пополнили коллекцию орудий труда древних скотоводов, о которых ранее было известно чрезвычайно мало.

Маленькая гостья из сказочной страны

Такие находки не прогнозируются. Они всегда неожиданны, а в условиях подводных работ при илистом дне — почти невероятны. Речь пойдет о прекрасной крупной черного халцедона бусине, которую, конечно же, нашла единственная в сезоне 1986 г. женщина-аквалангист Раиса Носова. Бусина была так хорошо отполирована, что на ней не смогли неслоиться придонные отложения. Она была целой и блестящей. Казалось, что ее совсем недавно уронили в озеро. На самом деле возраст ее исчисляется тысячелетиями.

Бусина представляет собой длинный цилиндр с небольшим утолщением к середине. Особенностью ее был орнамент — по черному полю белые волнистый зигзаг и цепочка кругов.

В древности такие бусы с орнаментом в большом количестве производились в Индии. Оттуда они распространялись во все концы ойкумены. В Средней Азии их находят не так уж и редко [18]. Однако на Иссык-Куле наша бусина — первая находка. Она указывает на экономические связи древних скотоводов с далекой Индией.

Секрет нанесения орнамента на камень, да так, что он кажется вполне естественным, природным рисунком, раскрыл нам великий мыслитель средневековья ал-Бируни. В одном из своих трудов он отметил: «На камнях для перстней, [выточенных] из сердолика, пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым» [19].

Великий хорезмиец записал забавную историю о применении технологии нанесения надписей на камень мусульманскими проповедниками с целью не столько укрепления веры, сколько наживы. Один из шиитских шейхов долго приставал к ал-Бируни и наконец выпытал секрет письма на самоцветах. «И вот он надписывал на них (камнях. — *Авт.*) слова: Мухаммад, Али и тому подобные, не заботясь о тщательности и красоте письма. И выдавал он их за природные, [говоря], что они добыты в таком-то месте. И таким образом он получил за них у шиитов [много] денег» [20].

В наши дни этот древний рецепт упрощен. Для подобных упражнений пользуются простым раствором пищевой соды.

Сарыбулунская бусина является первым свидетельством экономических связей Прииссыккулья с далекой Индией. Едва ли они были регулярными в I тысячелетии до н. э., но уже были.

Современная техника и подводные поиски изделий из металла

Ночное небо над безветренным Иссык-Кулем кажется декорацией. Знакомые созвездия, яркие и блестящие, неправдоподобно близкие, отражаясь в тихой глади, создают впечатление, что небо везде, а ты — в космосе. Жаль только, что вполне

земные комары быстро возвращают востсрженного созерцателя из благодушной космической эйфории в реальный археологический лагерь, обитатели которого, как и положено, сидят у голубого экрана. Только наш телевизор включен не в розетку (электролиний здесь нет), не присоединен к системе батареек — он работает на солнечных батареях. Небольшая площадь ее за один солнечный день аккумулирует столько энергии, сколько нужно для работы не только телевизора, но и электробритвы, и даже электрочайника.

Большая удача для каждого коллектива, временно отторгнутого от городских удобств, иметь такого сотрудника, как Виктор Волчанский. Чего только нет в его необъятном рюкзаке. Оказался там и дистанционный зонд — прибор, который помог подводным археологам за один лишь месяц работ найти более десятка металлических изделий. Такого еще не бывало. Внешне прибор очень прост: небольшой металлический круг на длинной ручке. Но какая в нем сложная начинка, если он подобно миноискателю мгновенно подает звуковой сигнал за метр-полтора до всякого предмета из любого металла — будь то на земле, под землей или под водой. С его помощью в сезон 1986 г. было найдено большинство древних изделий из бронзы. Прибор, к которому до начала работ относились скептически, сразу был признан археологами «чудом современной техники на службе гуманитарных наук». Таковым бы он и остался, если бы не Болот Дуйшеев. Порывшись в своих толстых папках, он достал вырезку из газеты и при свете костра громко прочел: «Группа египетских специалистов в сотрудничестве со своими коллегами из США впервые в археологических работах применила современное электронное оборудование, в том числе компьютеры. Не прибегая к ручным работам, эта группа, проводя поиски в районе южнее храма Карнак, обнаружила под землей остатки двух гигантских статуй Аменхотепа III» [21]. Это сообщение несколько поубавило восторги по поводу нашего «чуда». Однако оптимисты остались в уверенности, что Волчанский, если достанет схему, вполне осилит изготовление прибора не хуже американо-египетского.

Первые изделия из металла на городище Сарыбулун были найдены не с помощью нашего «чудо-прибо-

ра» и не археологами. Прекрасной сохранности бронзовые кинжал-акинак и полусферическое навершие булавы высокохудожественного литья случайно нашли юные краеведы средней школы № 31 г. Фрунзе, руководимые преподавателем истории М. К. Синусовым. Эти находки стали знаменитыми еще за два года до открытия самого подводного городища Сарыбулун: в июне 1983 г. и акинак, и навершие булавы экспонировались на выставке «Памятники культуры и искусства Киргизии» в одном из величайших музеев мира — в Государственном Эрмитаже.

Кинжал (длина 26,5 см) отлит из бронзы. Клинок прямой с продольным ребром, в сечении ромбовидный. Рукоять с брусковидным навершием и с тремя продольными ребрами несколько расширяется к клинку. Гарда бабочковидная, шириной 7,5 см [22]. Бронзовые кинжалы идентичной формы были широко распространены у кочевников-саков в VI—III вв. до н. э. от Семиречья до Тувы, а на Иссык-Куле это уже третья находка. Показательно, что все три кинжала были подняты со дна озера[23].

Навершие булавы — уникальное произведение скифо-сибирского звериного стиля, тоже было найдено на городище Сарыбулун. Оно полушаровидной формы с отверстием в верхней части. На внешней стороне рельефная фигура свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (тигр?). Голова крупная, пасть оскаленная, широкое ухо, глаз круглый с выпуклым зрачком. Мощные когтистые лапы. Хвост тонкий и длинный, на конце свернут в кольцо. Свирепый хищник подмял под себя сразу двух сайгаков, горбоносые головы которых видны под головой и грудью животного [24].

Мотив животного, свернувшегося в кольцо, широко распространен в искусстве обитателей гор и степей Евразии. Известен он и в Прииссыккулье [25]. Но сарыбулунский хищник — явление уникальное. Точных аналогий ему нет. По ряду деталей (когтистые лапы, круглый глаз, загнутый в кольцо кончик хвоста, оконтуренная валиком оскаленная пасть) он очень напоминает древнейшие изображения свернувшихся кошачьих хищников, в частности, знаменитого тигра из кургана Аржан в Туве. М. П. Грязнов датировал его VIII—VII вв. до н. э. [26] Однако имеющиеся различия и осо-

бенно композиция из трех животных — хищника и его жертв, ранее не встречавшаяся при изображениях свернувшихся зверей, хотя и не исключают сарыбулунскую булаву из круга памятников искусства аржано-черногоровского типа, но не позволяют считать ее синхронной аржанской бляхе. Скорее всего, она несколько моложе и отлита в VII—VI вв. до н. э. На наш взгляд, на сарыбулунской булаве изображена одна из древнейших в скифо-сакском мире сцен терзания хищником травоядных животных. Сцена еще далека от классических образцов, представленных скифо-сибирским искусством в V—III вв. до н. э. Тем не менее, смысл ее тот же: по мнению Е. Е. Кузьминой, это графическое отражение астрального явления смены на небосклоне созведий Плеяд (Быка) и Кассиопеи (Оленя) созвездием Льва. Именно в это время — время весеннего равноденствия — в Месопотамии начинались посевные работы. Здесь возник миф, по которому лев, как и положено, побеждал оленя и быка, что несло всеобщее благо. Этот астрально-космогонический миф был воспринят многими народами, в том числе и саками [27]. Последние заменили незнакомого им льва вполне знакомым тигром, а быка и оленя — двумя сайгаками. Таким образом, сцена, изображенная на сарыбулунской булаве, скорее всего, передавала языком символов победу солнца над тьмой в начале весны, что означало наступление Нового года — Ноуруза.

Вот о чем рассказала находка юных археологов, поднятая со дна Тюпского залива. Находка кинжала и булавы — ценный вклад в археологию Киргизии ныне покойного краеведа Михаила Константиновича Синусова.

По роду своей деятельности местный охотовед Г. И. Журавлев не один десяток раз бороздил на лодке отмель, где расположено городище. Ему, человеку любознательному и с разносторонними интересами, удалось собрать здесь солидную коллекцию изделий из бронзы. По его словам, она включала: кинжал, целый наконечник и втулку от наконечника копья, несколько наконечников стрел, серповидный предмет и котел. К сожалению, постоянно меняющиеся сотрудники Пржевальского краеведческого музея, не пожелали приехать в с. Маяк и принять коллекцию, в результа-

те она утрачена. Большинство бесценных для науки бронзовых изделий древних мастеров затерялось при переезде Г. И. Журавлева из одного села в другое. При встрече он передал нам только котел и втуклу от наконечника копья, которые мы доставили в институтский музей, где они экспонируются среди других изделий сакского времени.

Котел бронзовый, полусферический, с отогнутой закраиной, на коническом поддоне. К тулову котла прикреплены две горизонтальные петлевидные ручки, между ними — рельефная тамга (знак мастера?) в виде двух сомкнутых концентрических полуовалов, напоминающих изображение месяца рожками вниз. Высота котла 56,8 см, ширина устья 56 см [28].

Подобные котлы были широко распространены в Семиречье и за его пределами во второй половине I тыс. до н. э. В Прииссыккулье на суше и на дне озера их найдено более десятка [29]. Конечно же, в таких котлах едва ли готовили пищу на одну семью. Эти громадные емкости — немые свидетели былых грандиозных шумных пиров родовых коллективов древних скотоводов на праздниках в честь своих божеств. Одним из самых популярных празднеств, как полагает Е. Е. Кузьмина, был Ноуруз — день весеннего равноденствия, когда приносилась жертва солнцу. В таких котлах варили мясо жертвенного коня и, собравшись вместе, съедали его. Этот акт должен был гарантировать всеобщее благополучие. По-видимому, не только ритуальная пища, но и сам котел наделялся магическими свойствами [30].

Более скромно выглядит вторая переданная нам находка Г. И. Журавлева: втулка наконечника копья, бронзовая, литая, усеченноконической формы, со следами двух отверстий для крепления к древку. Высота сохранившейся части 4,5 см, диаметр втулки 3,5 см. Бронзовые втульчатые наконечники копий хорошо известны археологам по находкам в Семиречье, в том числе и в Прииссыккулье, где они датируются V—III вв. до н. э. [31]

Таким образом, краеведами обнаружены на дне Тюпского залива и сохранены для науки редкие, а иногда и уникальные изделия древних сарыбулунцев, которые при более тщательном изучении, особенно спе-

циалистами-металлографами, еще много поведают о древней истории Киргизии.

В сезон 1985 г. на городище Сарыбулун подводным археологам не удалось найти ни одного изделия из металла. Зато сезон 1986 г. (благодаря прибору Волчанского) условно можно назвать «бронзовым сезоном». И все-таки самая первая находка из металла была поднята со дна озера близ острова руководителем группы аквалангистов С. С. Прапором. Это был целый серповидный нож отличной сохранности, покрытый, правда, тонким слоем известкового налета. У тупого конца — отверстие для крепления к рукоятке, которая, скорее всего, была деревянной. Позже, уже с помощью прибора, были обнаружены еще три таких же серповидных ножа (один целый и два обломка), но куда им было до самого долгожданного — первого!

Однолезвийные серповидные ножи имеют три варианта: с подкошенной рукоятью, со сплошной рукоятью и с прямой спинкой. Они хорошо известны в Фергане, в Хорезме (литейная форма из Якке-Парсан), в Ташкентском оазисе, где они датируются XI—IX вв. до н. э. Однако устоявшиеся формы серповидных ножей жили едва ли не больше тысячелетия. Они известны и для раннесакского времени. Обломок такого серповидного ножа найден даже на усуньском поселении Актас-2 в Казахстане (рубеж н. э.) [32]. Таким образом, первые бронзовые однолезвийные серповидные ножи, найденные в Прииссыккулье, невозможно датировать в пределах одного-двух столетий.

Слабым утешением является то обстоятельство, что все серповидные ножи были найдены поблизости от неказистого, на первый взгляд, бронзового кружочка, который, как оказалось, относится к строго определенной эпохе. До сих пор непонятно, как в придонном иле можно найти такую миниатюрную вещь, притом не блестящую, как после очистки, а покрытую плотным *слоем серого известкового налета. Бронзовый кружок* оказался ажурным. В него был вписан ромб со слегка прогибающимися внутрь сторонами и с отверстием в центре. Этот знак — символ солнца — был хорошо известен в евразийских степях в VIII—VII вв. до н. э. и изображался на изделиях начального этапа сакской культуры в Туве, Казахстане и на Памире. Очень часто

ромб с точкой в центре наносили на детали конской сбруи. В могильнике Уйрагак (низовья Сырдарьи), например, найдено сразу пять бронзовых изделий с подобным знаком и все они украшают металлические детали конской узды [33]. На наш взгляд, это обстоятельство еще раз подтверждает ассоциативную связь в религиозных воззрениях саков (массагетов) солнца и коня. Солнце почиталось как быстроконное божество. Возможно, что и сарыбулунский солярный амулет был деталью конского снаряжения. Наиболее близкие по форме аналогии сарыбулунскому амулету находят даже не в низовьях Сырдарьи, а далеко от Иссык-Куля — в степях Северного Кавказа и Причерноморья [34] Не исключено, что бронзовые серповидные ножи, найденные поблизости от солярного амулета, тоже принадлежали к раннескифской (VIII—VII вв. до н. э.) эпохе. Однако с полной уверенностью принять эту датировку не представляется возможным, так как волны Иссык-Куля за те почти 3 тысячи лет, когда серпами уже не жали, а амулет не носили, могли «подстроить» любое мнимое совместное залегание любых хронологически несовместимых вещей.

Так случилось с первой и пока единственной находкой на территории Киргизии боевого кистеня (гиря на ремне). Он представляет собой цельнолитой бронзовый шар диаметром 6 см с трапециевидным ушком и найден был тоже у острова, неподалеку от серповидных ножей и амулета. Сохранность изумительная. Молодые археологи тотчас же объявили этот кистень самым древним в мире, а Прииссыккулье — родиной этого вида оружия ближнего боя. Если бы амулет с солярным знаком и бронзовый кистень были найдены в одном погребении либо в одном и том же культурном слое при раскопках городища, заключение это имело бы резон. Однако опытный археолог и здесь вел бы себя осмотрительно: нет ли подвоха? Дело в том, что во всей полосе гор и степей Евразии, где раскопаны тысячи курганов древних скотоводов, кистень ни разу не был найден. Не были кистени и на вооружении у южных соседей скифо-сакского мира — бактрийцев, персов, греков, фракийцев. Зато в той же полосе степей в средние века было найдено немало подобных боевых гирь как из бронзы, так и из железа. Следовательно, несмотря на то,

что на дне Тюпского залива солярный амулет VIII в. до н. э. и бронзовые серповидные ножи располагались рядом с кистенем, их весьма рискованно считать синхронными. Скорее всего, последний принадлежал к совершенно другой, гораздо более поздней, хронологической эпохе.

Заслуживает внимания и находка на городище Сарыбулун обломка бронзового кельта — тесла. Сохранились только его нижняя рабочая часть и очень незначительная часть втулки. Ширина рубящей рабочей части кельта 3 см, одна из сторон сработана заметно больше другой. Это уже вторая находка кельта времени древних скотоводов на территории Прииссыккулья. Первый совершенно целый экземпляр входил в состав клада, поднятого со дна озера у с. Каменка (ныне с. Джаркинбаево) [35] в 1954 г. Подобные орудия труда были распространены в Средней Азии и Казахстане в VII—V вв. до н. э. [36] Назначение их было достаточно разнообразным. Они служили для обработки дерева, использовались при земляных работах, а возможно, и в качестве оружия. В одном из курганов могильника Уйгарак найден кельт-тесло с остатками деревянной рукоятки, она представляла собой палку с коротко обрезанным сучком. Втулка кельта-тесла надевалась на остаток сучка так, чтобы он оказался под острым углом к рукояти [37]. Полностью снаряженный кельт-тесло очень напоминает современную среднеазиатскую тешу, которая и по сей день употребляется в домашнем хозяйстве киргизов.

Если бы не поисковый прибор, аквалангистам ни за что не удалось бы найти небольшие бронзовые шилья-проколки. Даже увидев их, не сразу понимаешь, что это орудия труда, к которым человек приложил руку. Внешне это обыкновенные мелкие речные камешки-окатыши.

Но прибор не ошибается (если не считать случая с керамическим котлом, когда он «правильно ошибся»), и окатыши были извлечены со дна озера. Когда осторожно разбили толстую скорлупу «окатыша», внутри увидели подвижный острый бронзовый стерженёк. Этого не ожидал никто. Разгадка «подвижности», «свободы» шильев возможна, если предположить (и это наиболее вероятно), что мелкие, легко теряющиеся и опас-

ные острые проколки хозяева помещали в чехлы из кожи или дерева. Оказавшись в озерной воде чехлы разбухли, потеряли первоначальную форму, а бронза начала окисляться. Со временем окислы пропитали материал чехлов, придав им субстанцию металла. Донные известковые отложения завершили метаморфозу, закамуфлировав деформированные чехлы под серые речные камни.

Есть основания для предположения, что сарыбулунцы сами плавили металл. На эту мысль наводит находка близ острова скопления обломков различных крупных бронзовых сосудов, которые ни на что не годились кроме переплавки. Здесь же найден небольшой слиток металла и, что является главным доводом в пользу металлопроизводства на городище, литник (заполнение подводящего отверстия литейной формы), представляющий собой небольшой бронзовый конус. Не исключено, таким образом, что какая-то часть металлических изделий, найденных на городище, даже уникальное навершие булавы с изображением разъяренного тигра, могла быть отлита на месте.

Изделия из рога

Найден рог джейрана, насквозь просверленный у основания. Выше — глубокий продольный срез. Функциональное назначение изделий подобного рода не известно. Одни исследователи называют их шилом-проколкой, хотя трудно представить, что можно проткнуть таким шилом, да кроме того, неясно, зачем столь обширное отверстие? Другие полагают, что таким рогом развязывались туго затянутые узлы на вьюках, юртах, конских сбруе и путах. Это, на наш взгляд, ближе к истине, так как скотоводы-кочевники постоянно имели дело с веревками и ремнями.

Приглашение к поиску

На городище Сарыбулун, таким образом, выявлен комплекс предметов материальной культуры, который определяет характерные черты поселения, его лицо, или, как говорят археологи, — его культуру. Наиболее распространенными из них, как мы уже знаем, были изделия из камня (зернотерки, молоты, песты и ступы, грузила, шары), керамики (круглодонные лепные сосуды) и металла (кинжал, котел, серповидные ножи). Значение открытия городища Сарыбулун за-

ключается не только в том, что впервые в Северной Киргизии найдено городище, начавшее функционировать в VIII—VII вв. до н. э. Выявленный здесь комплекс предметов создает прецедент для поиска одновременных поселений в других местах Прииссыккулья. Иными словами, если на побережье или на дне озера обнаружатся множество битых черепков грубой лепной посуды с округлыми днищами без орнамента, каменные зернотерки, грузила, шары, песты, а где-то рядом (чего только не бывает!) ядовито-зеленое специфическое изделие из бронзы, наверняка вы открыли былое поселение древних скотоводов, основанное более 2000 лет лет тому назад.

Что нам известно о поселениях древних скотоводов в Семиречье? Очень мало, хотя скудные сведения о них в литературе появились еще в конце 20-х годов. Тогда молодой еще археолог, а впоследствии один из виднейших советских скифологов А. И. Тереножкин обследовал памятники Чуйской долины. У села Аламедин ему удалось открыть остатки древнего поселения и собрать на нем фрагменты керамики, которые датировались временем древних кочевников-усуней [38].

Более определенные данные получены на другом поселении Чуйской долины — Карабалтинском, расположенном в пределах длинных стен крупного средневекового поселения Шиш-Тюбе, у современного города Кара-Балта. Открыто оно было в конце 50-х годов студентом исторического факультета КГУ М. Н. Оморовым (ныне доцент того же факультета), а изучено в 60-х годах археологом А. К. Абетековым. Поселение было сильно разрушено в результате хозяйственных работ, тем не менее здесь удалось раскопать овальное в плане глинобитное помещение, где были найдены очаг, многочисленные фрагменты керамики, зернотерка, грузило, пряслице от веретена, поделки из кости. Исследователь полагает, что Карабалтинское поселение было основано усунями и функционировало в I—III вв. н. э. [39]

Третье поселение в Чуйской долине было обнаружено археологом И. К. Кожомбердиевым, который в 1975 г. раскопал катакомбный могильник у села Кум-Арык, что в 20 км к юго-западу от г. Кара-Балта. Здесь же на большой площади пашни были собраны

многочисленные фрагменты керамики древних кочевников. Ю. А. Заднепровский, интерпретировавший находки, отнес это поселение к усуньскому времени [40].

Наиболее результативные раскопки поселения древних скотоводов были предприняты в какой-то сотне километров к северу от городища Сарыбулун в долине реки Кегень (Восточное Семиречье). Здесь казахский ученый К. А. Акишев изучал поселение-зимовку усуней Актас-2. Кроме орудий обработки земли (каменные мотыги) и уборки урожая (бронзовый серп) ученому удалось обнаружить остатки арыков и определить участки полей, орошаемых ими. Подобных поселений-зимовок было немало. В одном ущелье Курайлы их было шесть [41]. Факт весьма показателен. Он позволяет надеяться, что тщательная и целенаправленная разведка ущелий Кунгей и Терской Ала-Тоо выявит такие поселения-зимовки и в Прииссыккулье.

Анализируя итоги полевых работ Иссык-Кульского историко-археологического отряда в сезоны 1985—1987 годов, с учетом предыдущих поисков уже сейчас с достаточной определенностью можно указать на перспективные места для фиксации и исследования мест поселений древних скотоводов.

Дархан. Близ с. Дархан на дне озера случайно были обнаружены два бронзовых кинжала, котелок с носиком-сливом и фрагмент большого жертвенного котла. Все находки датированы VI—V вв. до н. э. В 1984 г. аквалангисты обследовали этот район и помимо большого числа средневековой керамики X—XII вв. нашли два фрагмента и одну целую зернотерку более древних времен. Они могут быть синхронными бронзовым изделиям, найденным здесь же.

Койсара. Здесь кроме уже упомянутого каменного шара найдены фрагменты зернотерек.

Курменты. В сезон 1986 г. капитан судна «Юнга» Н. С. Медведев на северном берегу Тюпского залива указал место, где, по его словам, находили много различных человекоподобных фигурок из камня. Местонахождение было обследовано лаборантом отряда М. В. Эктовым. На пашне с россыпью керамики сако-усуньского времени были найдены два песта, каменный шар, фрагмент зернотерки. Фигурки отыскать не удалось.

Колхоз Фрунзе. Южнее центральной усадьбы колхоза в 1985 г. на северном берегу Тюпского залива среди россыпи мелких фрагментов лепной керамики найдено шесть зернотерок, пест, а в 30 м от берега на глубине около 2 м — замечательной сохранности бронзовые удила со стремявидными концами. Удила относятся к раннесакскому времени — VIII—VII вв. до н. э.

Ананьево — Каменка. На дне озера в створе между селами Ананьево и Каменка Д. Ф. Винник в 1959 г. обнаружил зернотерку, бронзовый котел и обломок каменного серповидного ножа. Еще раньше здесь же рыбаки с. Каменка нашли клад бронзовых изделий V—III вв. до н. э., включавший кинжал, наконечник копья, кельт, зеркало и четыре экземпляра удил с кольцевидными концами. Севернее с. Каменка учитель истории средней школы с. Ананьево Н. Ф. Мирошниченко нашел и передал нам хорошей сохранности бронзовый кинжал с антенновидным навершием.

Долинка. Житель г. Чолпон-Ата Ю. И. Чалов, увлекавшийся подводным спортом, на дне озера южнее восточной окраины с. Долинка нашел целый лепной круглодонный сосуд, украшенный неглубокими пальцевыми вмятинами по тулову. Инструктор-подводник Пржевальской юношеской морской школы В. П. Савинов здесь же поднял целый бронзовый котелок, наполненный отходами бронзолитейного производства — отбитыми от отливки литниками и слитками металла. Ценная находка передана в Пржевальский краеведческий музей.

Обследование этого местонахождения нашим отрядом в 1986 г. дополнило отмеченные выше находки двумя фрагментами зернотерок, грузилами и пестом.

Тору-Айгыр. Еще в 1975 г. авторы этих строк при осмотре археологической коллекции средней школы с. Тору-Айгыр обнаружили три серповидных ножа, целый лепной круглодонный сосуд и несколько фрагментов сосудов сако-усуньского времени. Все они, по словам краеведов, были найдены на небольшом холме в предгорьях хребта Кунгей Ала-Тоо севернее села.

Этот перечень приведен нами с единственной целью: читатель должен знать, что городище Сарыбулун не было каким-то феноменом, рядом с ним существова-

ла сеть (пусть не такая уж густая) других поселений древних скотоводов. Надо помнить, однако, что часть этих древних поселений (Дархан, Койсара, Ананьево, Долинка) были перекрыты средневековыми культурными слоями и мало перспективны для дальнейшего изучения, так как волны озера сильно перемешали древние и средневековые материалы. В несколько лучшем положении находятся поселения Курменты и Фрунзе. На них, как представляется, не были основаны более поздние средневековые поселения. Однако оба поселения сравнительно недавно освободились из плена озера. Есть все основания подозревать, что архитектуре поселений не поздоровилось в этом плену. Наиболее перспективным для изучения является холмик, расположенный севернее села Тору-Айгыр, где местные краеведы нашли каменные серповидные ножи. Здесь и следует организовать масштабные раскопки.

Все перечисленные пункты, где обнаружены следы поселений древних скотоводов, ни по количеству остатков материальной культуры, ни по площади их рассеивания ни в какое сравнение не могут идти с городищем Сарыбулун, которое выделяется среди них, как сверкающая снегами вершина Тянь-Шаня среди покатых пригорков Сухого Хребта.

Теперь мы знаем точную датировку эпохи затопления древних поселений на побережье озера Иссык-Куль, что имеет большое теоретическое значение.

А. В. Шнитников

ХРОНОЛОГИЯ

Даже беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в ее хронологию свидетельствует о долгой жизни подводного городища Сарыбулун. Определение времени его зарождения, расцвета и гибели связано с большими трудностями, которых не знает традиционная археология. Да и само изучение подводных памятников неизмеримо сложнее, так как нет возможности проследить взаиморасположение культурных наслоений и датирующих предметов материальной культуры в них. Известный английский археолог Леонард Вулли, лишь до определенной степени испытавший положение подводного исследователя при изучении нижних слоев древнего города Алалаха в Сирии, что было вызвано быстрым подъемом грунтовых вод, пишет, что сначала он просто растерялся и прекратил работы. Позже Л. Вулли применил кессон для предохранения стен раскопа от обвалов и продолжил раскопки в воде. Вот как он об этом рассказывает: «С точки зрения археологии положение было отнюдь не удовлетворительным. Обычные правила научного ведения археологических раскопок неприменимы, когда приходится в ведрах поднимать почти жидкую грязь. Невозможно было изучить что-либо in situ из-за подступающей снизу воды, люди в лучшем случае оказывались по щиколотку, а иногда по пояс в некоем гороховом супе, в котором ничего нельзя было разглядеть» [1]. А каково аквалангисту, когда он не по щиколотку и даже не по пояс, а весь в воде, когда неосторожное прикосновение к донному илу не то что лопатой, а кончиком ласты, поднимает такую «тучу» ила, что в этом месте надолго устанавливается нулевая видимость?

Но если способ ведения раскопок лопатой, обычный в традиционной археологии, неприменим под водой, то

метод относительной хронологии, суть которого в послойном изучении памятников от верхних (наиболее молодых) к подстилающим (самым древним) слоям, остается неизменным. Выявление этих слоев при подводных изысканиях — дело невероятно трудное, требующее немалой технической вооруженности (как минимум, специальный корабль, эжектор или землесосную установку) и больших средств [2]. Подводные раскопки с целью определения толщины культурного слоя для выявления стратиграфии пока малоэффективны и потому, что еще нет возможности вскрывать большие площади. Так, стратегический раскоп, заложенный В. Д. Блаватским в затопленной морем части Фанагории площадью около 17 га, был всего в 16 кв. м и глубиной от уровня дна чуть больше метра.

У нас же не было и этой техники. На городище Сарыбулун подводные археологи работали только в самом верхнем слое, который в течение многих сотен лет не раз «перемывало» озеро, и в результате непрерывной работы волн в верхнем культурном слое городища оказались находки из нижних наслоений. Исследователю при этом остается единственный метод определения времени жизни городища — сравнение сарыбулунских находок с хорошо датированными вещами, добытыми при раскопках иных археологических памятников на суше (метод аналогии).

В настоящее время по ряду ярких и характерных только для одного хронологически четко очерченного периода материалов можно выделить следующие периоды обживания городища Сарыбулун: раннесакский (VIII—VI вв. до н. э.); сако-усунский (V в. до н. э. — рубеж н. э.); позднесредневековый (XIV—XV вв.).

Самые древние находки на городище — каменные серповидные ножи, которые представляют собой надежный индикатор древнеземледельческих культур эпохи поздней бронзы (XII—VII вв. до н. э.). Такие ножи хорошо известны по раскопкам на поселениях Восточного Туркестана, Ферганы и юга Средней Азии. Ближайшими к иссык-кульским являются поселения чустской культуры в Фергане, хорошо изученные ленинградским археологом Ю. А. Заднепровским. При сравнении материалов Сарыбулуна и Ферганы выясняется, что наряду с каменными серповидными ножа-

ми население иссык-кульских и ферганских поселений пользовалось и другими однотипными орудиями труда: зернотерками, молотами, пестами, бронзовыми серповидными ножами, а также частично схожей керамикой, особенно сосудами с носиком-раструбом [4]. Перечисленные предметы материальной культуры нейтральны в отношении определения хронологии, то есть они могли быть как одновременными с каменными серповидными ножами, так могли принадлежать и к более позднему времени.

Находки каменных серповидных ножей на северном побережье озера в районе Ананьево — Каменки и Тору-Айгыра свидетельствуют в пользу того, что поселения эпохи поздней бронзы могли быть и на северном берегу Иссык-Куля. Заманчиво было бы сделать предположение, что в Северной Киргизии, в благодатном Прииссыккулье, в эпоху поздней бронзы существовала высокоразвитая древнеземледельческая цивилизация, которая подобно ферганской или бактрийской имела свой «столичный» центр с мощными крепостными стенами, цитаделью правителя, храмами и домами горожан. Вокруг «столицы» по рекам и речушкам, впадающим в озеро расположились более мелкие поселения с возделанными полями, садами, виноградниками, огородами... Предположение заманчивое, но на современном уровне археологической изученности Прииссыккулья преждевременное. Нам пока не известны находки второго (после каменного серповидного ножа) индикатора древнеземледельческой культуры Ферганы — парадной керамики, расписанной черной краской по красному фону. Да и шансы найти такую керамику минимальны, так как даже в Фергане ее не так уж много. Даже в «столичном» центре Ферганы — на городище Дальверзин из почти 70 тысяч фрагментов сосудов было только чуть больше 800 (или всего 1,2 процента) расписанных [5].

Следует учесть и тот факт, что в Прииссыккулье одновременно с древнеземледельческой чустской культурой в Фергане существовала иная культура поздней бронзы, связанная с пастушескими племенами Казахстана и Южной Сибири, которые, что не исключено, уже к IX в. начали вести скотоводческое хозяйство, освоили местные меднорудные богатства, создали особый

производственный центр в рамках семиреченского очага металлообработки [6].

Вероятнее всего, что каменные серповидные ножи чустского типа в прииссыккульские поселения проникли в самый последний период существования чустской культуры — в VIII—VII вв. до н. э. А это время в периодизации истории степей называется раннесакским.

Раннесакский период (VIII—VI вв. до н. э.). Он представлен изделиями из металла: амулетом с солярным знаком, навершием булавы, а также, скорее всего, обломком кельта-тесла и кинжалом. Столь ранний этап истории древних кочевников еще не выделен в археологии Киргизии, так как до сих пор не были найдены и раскопаны курганные погребения того времени, не говоря уже о поселениях. Начальный этап сложения культуры древних скотоводов Киргизии пока представлен только случайными находками.

Показательно, что некоторые из них, причем самые выразительные, найдены в ближайших окрестностях городища Сарыбулун. Так, в районе Тюпского залива в начале 80-х годов XIX в. был найден клад, состоящий из 20 предметов набора бронзовых деталей узды. Он включал удила, псалии, ворворки, пряжку, тройники, круглые бляхи. Некоторые из них украшены изображениями животных, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Весь комплекс относится к VII—VI вв. до н. э. Клад был исследован и опубликован выдающимся советским археологом А. Н. Бернштамом, который первым выделил культуру саков на Тянь-Шане [7]. Почти через сто лет в районе Пржевальска случайно найдены и переданы Д. Ф. Виннику две массивные бронзовые бляхи, изображающие свернувшегося в кольцо хищного зверя [8]. Бляхи своеобразны, точно таких нет во всем скифо-сакском мире. Поза зверя в деталях отлична от самых древних образцов, известных по находкам в Зивие (Иран) и Аржане (Тува), в частности, сомкнутыми передними и задними лапами и резко выступающим ухом. Иссык-кульские бляхи в этом отношении наиболее близки к подпружной пряжке в виде свернувшегося хищника из могильника Уйгарак [9]. По-видимому, иссык-кульские бляхи, как и уйгаракская, относятся к VII—VI вв. до н. э.

Близ северного берега Тюпского залива на дне озера в сезон 1985 г. найдены бронзовые удила со стремячковидным концом, имеющим дополнительное отверстие [10]. Как курьез отметим, что большой мастер подводных работ А. Д. Курманенко, нашедший удила столь хорошей сохранности, и помыслить не мог, что он держит в руках вещь, сделанную примерно 2600—2700 лет тому назад. Он использовал их первоначально как рычаг для добычи фрагментов керамики, заглубленных в донный песок.

Раннесакские бронзовые наконечники стрел ромбической формы с втулкой были найдены на трассе Большого Чуйского канала. Некоторые из них идентичны аржанским, то есть самым древним наконечникам стрел саков. Они были отлиты в VIII—VII вв. до н. э. [11]

Сако-усуньский период (V в. до н. э. — рубеж н. э.). Этот период представлен основной массой керамики и прежде всего сосудами с ручками в виде выступающих уплощенных или конических налепов. Подобные ручки характерны для восточно-ферганских поселений шурабашатской культуры [12]. Нередко их находят в курганах сакского времени и в Семиречье, в том числе в Прииссыккулье. Заметны связи сарыбулунской керамики и керамики из Восточного Казахстана. Росписной узор на чаше из Сарыбулуна идентичен мотивам росписи сосудов из могильников так называемого кулажургинского этапа (III—I вв. до н. э.) культуры древних скотоводов [13]. По всей видимости, это было время расцвета городища Сарыбулун. Из металлических изделий к этому периоду относятся бронзовые котлы на коническом поддоне, втулка наконечника копья, золотая полусферическая нашивка на одежду.

Позднесредневековый период (XIV—XV вв.) Особенностью обживания городища является большой хронологический разрыв (около 1500 лет) между последним и вторым хронологическим периодом. Материальная культура последнего периода представлена весьма скромно: несколько донец хумов и венчиков котлов, два фрагмента керамики с голубой глазурью и бронзовый кистень. Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и три каменных цилиндрических молотильных катка (молоташи).

Таким образом, городище Сарыбулун, возникнув в VIII—VII вв. до н. э., просуществовало вплоть до рубежа нашей эры. Тогда площадь зеркала озера Иссык-Куль была намного меньше современной. После длительного перерыва, вызванного, скорее всего, колебаниями уровня озера, то есть его наступлением на сушу (трансгрессией) и отступлением (регрессией), на месте городища возникло небольшое позднесредневековое поселение.

Что же известно историкам о народах, населявших Прииссыккулье в I тыс. до н. э.? Какое место они занимали в истории Средней Азии? На эти и другие вопросы можно получить ответ в древних сочинениях.

По ту сторону Яксарта живут скифские племена. Персы вообще называют их саками.

Плиний Старший

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Древние скотоводы, населявшие Среднюю Азию, не оставили своих исторических сочинений. Сведения о них можно отыскать в трудах античных авторов. Больше других о среднеазиатских скотоводах писали древние греки. Однако из древнегреческих авторов мало кто сам побывал в столь отдаленных областях, поэтому сведения их, представляющие громадный научный интерес, не просто скупы и разрозненны, но противоречивы и туманны. Не одно поколение ученых анализировало эти сведения, однако по многим вопросам истории древних скотоводов степей Евразии так и не сложилось общего мнения.

Саки. Не вызывает сомнения факт, что Среднюю Азию с VIII в. до н. э. населял многочисленный народ, именовавшийся скифами или, что одно и то же, саками. Он делился на ряд племен (или, точнее, союзов племен). Наиболее известными из них были массагеты, даи, исседоны, аримаспы. В VIII в. до н. э. степь «пришла в движение». Аримаспы потеснили исседонов, те—массагетов, массагеты в свою очередь — скифов, а скифы — родственных им киммерийцев. Последние, спасаясь, сметая все на своем пути, в 20-х годах VIII в. до н. э. вторглись в государства Ближнего Востока и Малой Азии. Здесь с кочевыми завоевателями впервые познакомились древние греки. Великий Гомер не раз упоминал их в своей «Илиаде» под именем «доителей кобылиц». Примерно через 50 лет вслед за киммерийцами туда же устремились скифы. Они разгромили потомков беглецов, установив почти на 100 лет скифскую гегемонию в Передней и Малой Азии. Впоследствии скифы были разбиты, но не вернулись в Среднюю Азию. Проследовав через Кавказские горы, сначала заняли междуречье Кубани и Дона, а затем покорили все Северное Причерноморье [1]. Именно эти скифы в VI в. до н. э. принесли в южнорусские степи свою неповторимую куль-

туру, сложившуюся еще в Средней Азии, но уже с заметным переднеазиатским налетом.

А что же оставшиеся в Средней Азии скифские племена, которых в отличие от причерноморских собратьев именовали саками? Вспомним «отца» истории Геродота: «Саки... они же скифы ...персы всех скифов зовут саками». Точно трудно установить, какую именно территорию подразумевали античные авторы под «страной саков». Но, по всей вероятности, по их представлениям, она охватывала горные массивы Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Фергану и Ташкентский оазис.

Так вот, какая-то часть саков, заняв после миграции горы и оазисы Средней Азии, стала вести оседлый образ жизни, другая же продолжала кочевать. Саки долгое время упорно и успешно сопротивлялись натиску персидских царей из рода Ахеменидов, экспансия которых распространилась вплоть до Сырдарьи. Дальше персов не пустили. За Сырдарьей, в предгорьях и горных долинах Тянь-Шаня, в том числе и на территории современной Киргизии, жили саки, которых в V—IV вв. до н. э. называли «заречными» или «саками, которые за Согдом». Река надолго стала непреодолимым рубежом для завоевателей, даже слывших непобедимыми, каким был, например, Александр Македонский.

В глазах ученого мира Древней Греции река была и географическим рубежом. В античной литературе существовала устойчивая ошибочная традиция, по которой р. Сырдарья отождествлялась с р. Танаис (Доном). По географическим представлениям того времени р. Дон (а следовательно, и р. Сырдарья) рассматривалась как рубеж, разделявший два материка — Европу и Азию. Таким образом, саки, населявшие правобережье Сырдарьи и фактически обитавшие и на территории современной Киргизии, считались «европейскими». Этот географический парадокс надо иметь в виду при чтении трудов античных авторов. Сами саки называли реку Сырдарью Силис, а горы Тянь-Шаня, откуда она берет начало, Кроукасис, то есть «белые от снега». Греки именовали Сырдарью Яксарт или Танаис, а горы, ее породившие, — Парнас [2].

Какие же конкретные племена сакской этнической общности скрыты под обобщающим названием «саки,

которые за Согдом» или «заречные саки»? Кто же занимал степи и горы севернее порубежного Силиса — Яксарта? Археологические исследования в долинах рек Или, Талас, Чу, на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Кетмень-Тюбе и Фергане выявили самобытную, ярко выраженную сакскую культуру [3]. Случайные находки и раскопки курганов в Восточном Туркестане позволили Б. А. Литвинскому сделать вывод, что на западе, севере, в центральной части этого региона, то есть в районах, примыкавших к Тянь-Шаню и Памиро-Алаю, начиная с VIII—VII вв. до н. э. и почти до рубежа н. э., обитали ираноязычные кочевники-саки, являвшиеся органической составной частью обширной среднеазиатской группировки сакских племен [4].

Здесь за Сырдарьей вызрели те грозные силы скотоводов, которые во II в. до н. э. опрокинули прежде мощную Греко-Бактрию — самый восточный осколок мировой державы Александра Македонского. Древнегреческий историк и географ Страбон писал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно ассии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» [5].

Значительно подробнее о некоторых племенах кочевников, в частности, об ассиях и тохарах, сообщают древнекитайские исторические хроники, где они названы усунями и юэчжами [6]. Сокровища ценнейших и разнообразных сведений о древних народах Средней Азии, содержавшихся в древнекитайских исторических сочинениях, открыл миру русский ученый Никита Яковлевич Бичурин.

Опальный монах с крамольными четками

В начале мая 1853 г. в холодной келье петербургской Александро-Невской лавры одинокий и всеми забытый умирал первый крупный русский синолог, ученый с мировым именем — монах Иакинф. Он давно перестал принимать пищу и отвечать на вопросы послушника, добровольно за ним присматривающего. Накануне смерти больного посетил один из сослуживцев по Азиатскому департаменту. Выцветшие карие глаза старца были неподвижны. Казалось он не видел и не слышал посетителя. Наконец тот задал вопрос по-

китайски. Умирающий мгновенно преобразился, глаза заблестели, на резко выступающих скулах появился румянец. Он улыбнулся и заговорил. Говорил долго и непрерывно, как бы наслаждаясь языком, постижению тончайших нюансов которого отдал все свои силы. К утру его не стало. На скромном обелиске над могилой монаха, похороненного в ограде лавры, и сегодня можно прочесть иероглифы, гласящие: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

Обратимся хотя бы вкратце к вехам его незаурядной жизни и подлинно научного подвига.

Выдающийся русский ориенталист Никита Яковлевич Бичурин, известный миру под монашеским именем Иакинф, родился 29 августа 1777 г. в глухом чувашском селе в семье дьячка местной церкви. Блестяще закончив Казанскую семинарию, он в 1802 г. принял монашество и стал архимандритом иркутского Вознесенского монастыря. Однако за нарушение устава молодого архимандрита лишают должности и ссылают в Тобольский монастырь. Святейший синод остро нуждался в талантливых деятелях церкви. Поэтому в 1807 г. отца Иакинфа назначили начальником русской духовной миссии в Китае и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

Это назначение стало важным этапом жизни Н. Я. Бичурина. Именно здесь раскрылись его способности историка и языковеда. Все 14 лет пребывания в Китае с необычайной энергией и упорством он изучал китайский разговорный и письменный язык, исследовал и переводил на русский китайские исторические хроники, писал исторические труды. Архимандрита тяготили дела духовной миссии и монастырское хозяйство. Практически он не занимался ими, предоставив полную свободу действий своим помощникам. Как и следовало ожидать, хозяйство миссии пришло в такой упадок и запустение, что по возвращении в Россию в 1821 г. Иакинф был лишен сана и сослан в Валаамский монастырь.

Этот факт не обескуражил ссыльного. Казалось, что он сам стремится к отрешению от всех обременительных обязанностей, связанных с высокими церковными должностями. В уединенной келье монастыря он про-

должал беспрерывные бдения над вывезенными из Пекина китайскими книгами, число которых было столь велико, что в Россию их доставил караван из 15 сильных верблюдов.

Через четыре года из валаамской кельи его освободили по ходатайству крупного деятеля в Министерстве иностранных дел П. Л. Шиллинга фон Кронштадта и путешественника Е. Ф. Тимковского, которые высоко ценили уникальные синологические познания Иакинфа и надеялись найти им практическое применение. Царь Николай I указал причислить Н. Я. Бичурина к Азиатскому департаменту. Однако на службе нового чиновника почти не видели: он замкнулся в келье Александро-Невской лавры и продолжал свой подвижнический труд. За три года (1828—1830 гг.) Н. Я. Бичурин опубликовал шесть книг и множество различных статей в известных журналах. Пораженный мир жадно знакомился со страной, открытой опальным монахом как бы изнутри. Впервые в европейской литературе о Китае писали не как об отсталой экзотической стране с нищим и обездоленным народом. Иакинф сумел взглянуть на Китай не презрительным взглядом европейца, а глазами китайца, правдиво и уважительно отразить увиденное в своих трудах. В 1848 г. ученый резко выступил против грабежа Китая европейскими державами в результате «опиумной войны», за что был подвергнут критике реакционерами всех мастей и наций, расценивших акт защиты Китая как «наступление на европейскую культуру». Однако и оппоненты Н. Я. Бичурина не могли не отметить его уникальную работоспособность и энциклопедические познания в области синологии. Известный немецкий ученый Ю. Клапрот, постоянно полемизировавший с Н. Я. Бичуриным, писал: «Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

Н. Я. Бичурин никогда всерьез не относился к своему монашескому званию и был, как отмечали современники, атеистом. Он тесно связал свою судьбу с передовой русской общественностью и прогрессивной общественной мыслью. Известна его дружба с А. С. Пушкиным. В библиотеке поэта сохранились книги Н. Я. Бичурина с авторскими надписями. А. С. Пушкин исполь-

зовал их в своих исторических трудах, особенно в «Истории Пугачева».

В 1830 г. Н. Я. Бичурин совершает поступок, беспрецидентный для николаевской России. Через пять лет после восстания декабристов на Сенатской площади, когда еще даже имена ссыльных было опасно произносить, встречается в Забайкалье с одним из вождей декабристов Н. А. Бестужевым. О чем говорили ученый и революционер, осталось неизвестным. Однако о взаимном дружеском расположении их красноречиво говорят немые свидетели этой встречи. В Кяхтинском музее экспонируется портрет Н. Я. Бичурина, написанный Н. А. Бестужевым. Он же подарил монаху четки, сделанные из собственных кандалов. С этими крамольными четками опальный монах появляется в салонах и гостиных Санкт-Петербурга. Столь открытая демонстрация не осталась незамеченной. Монах становился опасным. И когда в 1831 г. Н. Я. Бичурин подал прошение о снятии с себя духовного сана, Синод, желая избавиться от беспокойного монаха, дал согласие. Тем не менее Николай I наложил на прошение резолюцию: «В 20 день сего мая (1832 г. — *Авт.*) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество».

Подвижничеством и научными знаниями Н. Я. Бичурин снискал глубокое уважение европейских и русских ученых. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1831 г.— членом «Азиатского общества» в Париже. Его книги были переведены на европейские языки. За свои труды Н. Я. Бичурин четырежды (в 1834, 1838, 1842 и 1851 годах) был удостоен полной Демидовской премии. Он был постоянным сотрудником почти двадцати периодических изданий. К концу жизни, почувствовав упадок сил, Н. Я. Бичурин отошел от всех общественных и текущих литературных дел, замкнулся в келье Лавры и принялся за написание главного труда своей жизни — трехтомного «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1846—1848 гг.).

В гуманитарной науке встречаются труды, сохраняющие свою актуальность 10—20 лет, редкими можно считать сочинения, не утратившие своего научного значения через 50 лет, и уж совсем уникальны-

ми — пережившие столетие. К последним с полным основанием можно отнести монументальный трехтомный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», к которому постоянно обращаются русские и советские ученые на продолжении вот уже почти 150 лет. «Собрание сведений» содержит огромный материал по истории народов Южной Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии со II в. до н. э. и до середины IX в., со знанием дела подобранный и переведенный из древних китайских хроник, недоступных не только рядовому читателю, но и ученым не синологам. Переводы сопровождены тщательно выполненными комментариями и древними китайскими картами.

Значение этого труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) для истории Средней Азии, в том числе Киргизии, переоценить невозможно. Благодаря ему стали известны имена племен, населявших Киргизию в древности и средневековье, основные моменты их политической истории, сведения о династических, этнических и торговых связях. Источники, впервые введенные в научный оборот Н. Я. Бичуриным, сделали возможными ныне существующую периодизацию истории древней и средневековой Киргизии и привязку к ней основного археологического материала. В соответствующих разделах всех четырех изданий «Истории Киргизской ССР» широко и критически использованы материалы, приведенные «в Собрании сведений» [7].

Этническая атрибуция археологических материалов, добытых под волнами Иссык-Куля на поселении Сарыбулун, вынудила нас по примеру многих исследователей также обратиться к бесценным сведениям, оставленным для потомков в трудах нашего прославленного синолога.

Усуни

Речь пойдет о народе усуней. Немногие среднеазиатско-казахстанские этнонимы имеют столь длительную историю. Появившись на исторической арене во II в. до н. э., усуни сохранили свое самоназвание и в VI в. н. э. Упоминания о владениях усуней имеются в источниках X—XII вв. И, наконец, под родоплеменным названием «уйсун, уйшун» потомки их в XV—XVI вв. вошли в состав киргизской и казахской народностей [8].

Согласно китайским летописям, раньше усуни обитали где-то на Востоке, а во II в. до н. э. подчинили саков и заняли Семиречье, Джунгарию и Центральный Тянь-Шань. Здесь они создали одно из древнейших государств на территории современной Киргизии, именовавшееся в источниках терминами «Усунь-го» («усуньское государство»), «Син-го» («кочевое государство») и редко — «Бу-цзу» («племя, племенной союз»). Во главе государства усуней был правитель с титулом кунбаг (гуньмо, гуньэр) с правом наследственной власти. Столица-ставка кунбага, располагавшаяся в Прииссыккулье, именовалась Чигучен (Город Красной долины). Правителя окружала знать — родственники, высшие чиновники, родовая аристократия и вассальные князья. Согласно истории «Ханьшу», всего усуней насчитывалось свыше 630 тысяч. Для отражения врага они якобы могли выставить армию численностью в 188800 воинов. Это означает, что практически каждый третий житель страны был мужчина в возрасте от 15—16 до 40—50 лет. Понятно, что число воинов явно завышено. Не исключено, что в состав всех вооруженных сил государства усуней включались и воинские контингенты зависимых от усуней народов, а именно: части племен саков и тохаров, а также хюсюнь, гуаньду, уш и др.

Внутриполитическая история усуней — это история постоянных усобиц и борьбы за верховную власть между высшей аристократией, в которую вмешивались ханьские императоры и гуннские правители (шаньюи). Только во время правления кунбага Цылими (45—14 гг. до н. э.) в землях усуней «настала... глубокая тишина и мир», так как он «поступал с твердостью» [9]. В конце концов и Цылими пал жертвой заговора — он был зарезан одним из притворно подчинившихся ему удельных князей.

Между бедными и богатыми усунями уже была пропасть имущественного неравенства. Основным критерием богатства было наличие лошадей, которые, как следует из ханьской династийной истории, находились уже в частной собственности отдельных людей. «В Усунь много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре — пять тысяч голов лошадей» [10]. Из этого сообщения следует, что имущественная дифференциация у

усуней достигла развитых форм. Оказывается, среди них имелись «самые богатые», что предполагает наличие и «просто богатых». Огромными богатствами располагал сам гуньмо, который в качестве калыма за одну из своих жен мог отдать тысячу голов лошадей [11]. На другом полюсе имущественного неравенства находилась усуньская беднота. Этнографы подсчитали, что для ведения скотоводческого хозяйства, которое могло бы обеспечить лишь пропитание для одной семьи, необходимо было стадо скота в 25 условных лошадей (1 лошадь=шести овцам) [12]. Отсюда ясно, что «самые богатые» семьи усуней имели скота минимум в 160, а то и в 200 раз больше, чем семья рядового скотовода.

По обычному праву, существовавшему у всех скотоводческих обществ, хозяин скота был фактическим хозяином и пастбищ. Владение пастбищами закреплялось сооружением зимовки и захоронениями предков, над которыми насыпались хорошо заметные курганы. Площади зимних пастбищ соответствовали количеству скота. Практика определила, что для зимовки одного коня необходимо 8—10 га естественных пастбищ среднего качества [13]. Таким образом, полярные размеры пастбищ во владении разных по достатку семей были от 200—250 га до 32—50 тыс. га.

В I в. до н. э. у усуней, видимо, появляются земли, которые находились только в распоряжении верховного правителя. Так, кунбагу Цылими «обнародовал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах» [14]. Обычно этот важный акт трактуется как свидетельство начала формирования частного землевладения. Однако не исключено и другое объяснение. На пастбищах, принадлежавших кунбагу, и до обнародования указа едва ли безнаказанно мог выпасаться чужой скот. Скорее всего, в этом акте можно видеть попытку формирования государственных коруков — запретных, заповедных пастбищ. Такие коруки распространены в поземельной практике западнотюркских каганов. Один из них был в местности Минбулак (Таласская долина), где в естественных заповедных условиях обитали стада маралов. Второй — в восточной части Чуйской долины — описан средневековым арабским историком Табари: «У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для

войны. Продолжение луга — 3 дня и горы — 3 дня (пути)» [15]. Такие заповедные земли всегда оставались непотравленными скотом и использовались для откорма боевых коней и нагула отар на случай военных действий.

Сведения письменных источников о резкой имущественной дифференциации общества усуней вполне подтверждаются археологическими материалами. Богатых и знатных хоронили с большой пышностью: в широкие и глубокие ямы, перекрытые бревнами, вместе с покойным клали большое количество принадлежавших ему вещей, среди которых были золотые и привозные из далеких стран. Над ямой насыпали величественные курганы — высотой более 10 м. Рядом с этими степными пирамидами только опытный глаз археолога различает едва заметный холмик, под которым покоился прах рядового общинника. Как бы не горевали родственники покойного бедняка, но в «дальнюю дорогу на вечные небесные пастбища» могли выделить ему только один, от силы, два сосуда с молоком или мясным отваром с просом. Эти погребения были настолько убоги, что первые исследователи таких курганов близ с. Чельпек (в Прииссыккулье) М. В. Воеводский и М. П. Грязнов принимали их не за могилы рядовых скотоводов, а за жалкие погребения их рабов [16]. Формирование классового общества сопровождалось народными волнениями, бунтами, откочевками, заговорами, которые приводили даже к убийствам кунбагов [17].

Соседние владетели считались с государством усуней. Иногда послов усуней принимали с бо́льшим почетом, чем китайских; кунбаги женились на гуннских и китайских принцессах. Ханьский Китай стремился установить дружественные отношения с государством усуней, чтобы использовать их силы в борьбе с гуннами.

Этническая принадлежность усуней до сих пор не ясна. Одни исследователи полагают, что усуни — одно из скифских племен и говорили они на восточноиранском языке. Другие утверждают, что усуни входили в круг гуннских племен и говорили по-тюркски. Крупный русский дореволюционный востоковед Н. А. Аристов писал (правда, излишне категорично), что усуни — прямые предки современных киргизов, и что народное

самоназвание усуней всегда было «кыргыз» [18]. Но то, что как саки, так и усуни вошли компонентами в конгломерат древнетюркских племен, из которых формировалась киргизская народность, учеными принимается безоговорочно [19].

Черепа из погребений усуней, раскопанных в Киргизии, в основном европеоидные и похожи на черепа саков, но с большим процентом монголоидной примеси [20].

В конце первой половины I тыс. н. э. усуни теряют свое былое могущество. Их поглотили западнотюркские племена. Но это новая, местами также еще загадочная страница истории Киргизстана. От этих времен сохранились каменные скульптуры древних тюрков — местного этнического пласта, на базе которого позже, в XV—XVI *вв., сформировалась киргизская народность.* Каменные истуканы не спешат открывать тайны своего происхождения даже специалистам.

Они суровы и жестоки,
Их бусы — грубая резьба.
И сказок камня о Востоке
Не понимают ястреба.

Стоит с улыбкою неподвижной
Забытая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом [21].

(В. Хлебников)

Саки, пастухи овечьи, скифского рода,
Живущие в Азии, пшеницей обильной.

Херил Самосский

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Строки, вынесенные в эпиграф, принадлежат автору поэмы «Персика» — древнегреческому поэту с острова Самос. Несмотря на то, что поэма, написанная в V в. до н. э., дошла до нас в фрагментах, немного найдется стихотворных строф, которые бы столь лаконично и ёмко поставили два основных спорных вопроса реальной истории саков, которые так долго были предметом дискуссий современных историков. Первый постулат Херила — «саки... скифского рода» — убедительно доказал еще в XIX в. видный русский ориенталист В. В. Григорьев в труде, который был озаглавлен слегка перефразированной строкой из Херила [1]. Научный мир сразу принял тождество «саки = скифы», хотя и находились упрямцы, по-прежнему отвергавшие его. Сложнее обстоит дело со вторым постулатом — «пастухи овечьи... в Азии, пшеницей обильной». Как толковать Херила? Имел ли он в виду, что саки пасли овец в Азии, где другие народы возделывали обильные хлеба, или сами саки-пастухи выращивали ещё и пшеницу? Вопрос очень важный для историка, так как речь идет о типе хозяйства саков: чистые скотоводы или скотоводы и земледельцы? Этот же вопрос актуален и в отношении хозяйства усуней.

Древнегреческие авторы очень ярко рисовали непривычный для них кочевой быт саков (скифов). Здесь и тяжелые крытые повозки, которые являются передвижными домами, и громадные отары овец, табуны коней, стада быков, и хозяева этого скота — вооружённые тугими луками лихие всадники, настолько «сросшиеся» с конем, что и ходить-то почти разучились на своих кривых ногах, и специфический напиток кочевников — кумыс, и ещё множество других экзотических подробностей, которые будоражили воображение оседлых жителей греческих полисов — земледельцев и мастеровых.

То же самое, независимо от греков, писали древнекитайские хронисты об усунях и гуннах для рисоводов и шелководов долины реки Хуанхэ, запуганных частыми набегами кочевников.

В земледельческих цивилизациях складывался стереотип кочевника-номада — вечного пастуха бродяг, странствовавшего на необозримых просторах степей и гор и не знавшего своей родины. Он был зачат в одном месте, рождён в другом, а вскормлен далеко и от первого, и от второго. Ошеломляющий выход кочевников на историческую арену, в частности, вторжение киммерийцев и среднеазиатских скифов в Переднюю и Малую Азию, обусловил рождение легендарного образа кентавра — коня с торсом человека, который как олицетворение кочевника-скотовода вошел в мифологию многих народов.

Моральный облик кочевников, если судить по античным сочинениям, конечно же оставлял желать лучшего. Степнякам ничего не стоило организовать конные разбойничьи отряды для набегов на земледельческие оазисы, сжечь поселения, перебить мужчин, а женщин угнать в плен. Из черепов убитых врагов они делали чаши, из которых пили на пирах, вытирая при этом бороды скальпами, снятыми с этих же голов. Кочевники пили вино, не разбавляя его водой, и напивались допьяна. А если и разбавляли, то только собственной кровью при заключении важных дружественных союзов. Преклонных старцев кочевники убивали, а потом лакомились их мясом. Подобными былями и небылицами пестрят произведения древних авторов как с побережья Средиземного моря, так и с берегов Хуанхэ. Есть, однако, между ними и разница.

Древнегреческие авторы, описывая саков и скифов, изображают странных, непонятных, суровых, но справедливых, умных и деятельных людей. На страницах их произведений нашлось место для повествования о мудрости скифа Анахарсиса, которого объявили одним из семи мудрецов мира, изобретателем трута, якоря, гончарного круга, и для описания неотразимого обаяния царицы саков Зарины, и для рассказа о патриотизме простого пастуха Ширака, отдавшего жизнь за свободу родной земли [2].

Ничего подобного мы не встретим в трудах древнекитайских авторов, где кочевники представлены как хищники, не признающие человеческих законов, не имеющие стыда и совести, помыслы которых направлены только на убийства ради грабежа. «Как дикие звери и птицы», — характеризуются кочевники в летописи «Ханьшу» [3].

Итак, довольно суровый, но привлекательный образ кочевника, созданный на страницах произведений греческих авторов, становится отталкивающим, звероподобным, если опираться только на китайские древние хроники. Это лишь один из примеров тенденциозности древних сочинений, правда, проявившейся наиболее рельефно и сразу бросающейся в глаза. Не можем же мы и впрямь предположить, что кочевники были одними по отношению к грекам и совершенно другими в контактах с китайцами. Ларчик открывается просто. Греки и их колонии в Причерноморье находились в постоянных преимущественно дружественных торговых и культурных связях с соседями-скифами. Большую симпатию у греческих авторов вызывала успешная борьба скифов и саков с извечным врагом Древней Греции — Ираном. Идилий в отношениях греков и скифов не было, тем не менее они редко перерастали в открытую вражду. В Центральной Азии все было наоборот. Древний Китай и кочевники вели между собой длительную, с переменным успехом, борьбу — борьбу за выживание, в которой не считались зазорными обман, коварство, удары из-за угла и в спину, ложные клятвы и заверения. Древнекитайские империи, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к «варварам», воспитывали ненависть и пренебрежение к ним, подчеркивая изначальную дикость и извечную отсталость степняков, лишая их общечеловеческих качеств. Без такой официальной пропаганды едва ли стали бы возможными мобилизации громадных людских ресурсов на походы в глубь степей и, особенно, не строительство Великой Китайской стены, а также стратегических военных дорог к ней.

В древнегреческой литературе наблюдается явная идеализация кочевников. Цель: оздоровление греческого общества. Метод оздоровления: возвращение к образу жизни героических предков. Для наглядности нра-

вы воспитанных в суровых и вольных естественных условиях «варварской» жизни степняков противопоставляли утонченным и испорченным нравам в греческих полисах. Эта идеализация достигла апогея в жизнеописании скифского царевича Анахарсиса, сына царя Гнура и дяди царя Иданфирса, разгромившего полчища персидского царя Дария (514 г. до н. э.)[4]. Характерно, что в XVIII в. образ того же Анахарсиса использовали Руссо и писатели его круга для общественного порицания безоглядной роскоши и мотовства французского двора и подражавшей ему аристократии.

В Центральной Азии идеализация не была в чести. Здесь жили «реалисты». И если ханьцы официально проповедовали номадофобию, то северные «варвары» своей знатью воспитывались в том же духе по отношению к ханьцам. Показательно, например, что аварская (жуань-жуаньская) принцесса, вышедшая замуж за китайского императора, окружила себя большой группой соплеменников, которые вели себя при дворе дерзко и вызывающе. Сама «степная амазонка», став императрицей, прославилась только тем, что «ни разу в жизни не сказала ни одного слова по-китайски»[5].

Однако и «идеалисты» и «реалисты» единодушно, хотя и по разным причинам, в своих сочинениях выпячивали только одну сторону сложного хозяйства соседей — кочевое скотоводство. Сведения о других отраслях трудовой деятельности редки и неконкретны. Так, в китайских династийных хрониках формула «бродят в поисках травы и воды» стала трафаретной для характеристики хозяйственной деятельности всех степных народов с древнейших времён до XIX в. включительно. О других занятиях, по мнению хронистов, и говорить не стоило.

Даже серьёзные историки XIX—XX вв. не всегда критически воспринимали многократные и недвусмысленные сведения античных авторов о кочевом скотоводстве как единственном типе хозяйства степняков в древности. Отсюда и хозяйственно-демографические расчёты, которые диктовали неверные политические выводы. Действительно, писали эти историки, для выпаса скота, сколько бы его не было, нет нужды в большом количестве пастухов. Значит в аилах сосредотачивалось большое количество свободного от активной

трудовой деятельности населения, которое легко было сколотить в конные отряды для набегов на соседей. Объектом для нападения кочевников были не столько степняки, у которых кроме скота и взять-то нечего и которые, как правило, могли достойно постоять за себя, а города и поселения земледельцев. Здесь за глиняными стенами (не такая уж и непреодолимая преграда!) находились столь желанные для скотоводов зерно, ткани, высококачественные изделия из металлов, драгоценные украшения и, наконец, люди, которые не обладали ратным искусством степняка. Этих людей можно было пленить, а затем продать в рабство.

Итак, волки — степняки и овцы — земледельцы. Отсюда недалеко и до вредной и неверной теории об извечной, непримиримой вражде степи и оазисов, скотоводов и земледельцев, до деления на цивилизованные и дикие, на исторические и неисторические народы.

На самом деле все не так просто и однозначно. Благодаря трудам советских археологов в Причерноморье, Казахстане и в Средней Азии были открыты как крупные, так и небольшие поселения древних скотоводов, свидетельствующие о развитии в их среде земледелия и ремёсел [6].

Поселения усуньского времени найдены и в пределах Семиречья, включая северные районы Киргизии. Однако еще до открытия этих поселений некоторые учёные, исходя из материалов раскопок усуньских курганов, выразили обоснованное сомнение в том, что усуни занимались исключительно кочевым скотоводством. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов в 1928—1929 гг. в окрестностях городов Токмак и Пржевальск раскопали ряд курганов усуньского времени. В погребениях были найдены зернотёрки, обугленные зёрна пшеницы, шелуха проса и большое количество хрупкой и тяжелой керамической посуды, не пригодной для частой транспортировки. Отсюда вывод: хозяйство усуней было скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства [7].

С этим выводом со временем согласились практически все археологи, но отметили, что он не вытекает из материалов раскопок, а явился только правильным теоретическим предположением. Действительно, о чём го-

ворят находки остатков зерна? Только о том, что оно употреблялось в пищу, и ни слова о том, каким путем получено. Зерно усуни могли выращивать сами, но могли и обменивать его на скот или продукты скотоводства в земледельческих областях Ферганы или, например, Восточного Туркестана, с которыми имели тесные политические связи. О чём говорит находка зернотёрки? Исключительно о том, что полученное неизвестно как зерно превращали в муку и крупу [8]. Третий довод — многочисленная керамика в погребениях — заслуживает более детального анализа.

Мало что дали в строго научном доказательстве развития земледелия в усуньском обществе раскопки поселений первых веков нашей эры Луговое (А. Н. Бернштам) и Карабалтинское (А. К. Абетеков). [9]. Находки зернотёрок даже в комплексе с остатками глинобитных жилищ ещё не являются неоспоримыми фактами, свидетельствующими о занятиях населения, их оставившего, земледелием.

Нужны были находки орудий труда, которыми обрабатывают землю, — мотыг, и орудий, которыми убирают урожай, — серпов. Неплохо бы найти и остатки соломы злаковых (но это уже почти из области фантастики). Случайные находки серпов и мотыг, относящихся, как позже выяснилось, к сако-усуньскому времени, были сделаны в Чуйкой долине, но они мало что проясняли, так как не имели ни точной хронологии, ни привязки к тому или иному типу памятников [10]. Впервые в Семиречье усуньские каменные мотыги и обломок бронзового серпа в комплексе с зернотёрками и характерной круглодонной керамикой были найдены К. А. Акишевым в 1962—1963 гг. на берегу р. Кегень при раскопках поселения Актас-2. Здесь же были выявлены дополнительные данные (правда, не во всем достаточно убедительные), свидетельствующие, что земледелие было как богарным, так и поливным, практиковались также огородничество и садоводство. Тут сомневаться уже не приходилось. Гипотетические выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве усуней получили убедительную фактологическую базу [11].

Наши работы на подводных городищах не только расширили эту фактологическую базу территориаль-

но, но позволили сделать ряд дополнительных наблюдений относительно Прииссыккулья:

1. Время возникновения занятий земледелием на берегах оз. Иссык-Куль остается ещё не выясненным, тем не менее уже сейчас есть все основания утверждать, что земледелие не возникло в усуньское время. Здесь обрабатывали землю и сеяли злаковые культуры гораздо раньше. Если поселение Актас-2 и Карабалтинское поселение датируются их первооткрывателями I—III вв. н. э., то серповидные каменные ножи чустского типа, свидетельствующие об уже развитом земледелии, найденные на иссык-кульских поселениях, относятся ко времени не позже VIII—VII вв. до н. э., то есть ко времени начального этапа формирования культуры саков.

2. Весь облик материальной культуры городища Сарыбулун (особенно керамика, орудия труда из камня, бронзовые серповидные ножи) очень близок к облику материалов древнеземледельческих поселений I тыс. до н. э. Ферганы, Ташкентского оазиса и Восточного Туркестана. Представляется, что развитие культуры земледелия Прииссыккулья находилось в постоянных связях с древнеземледельческими культурами перечисленных выше регионов, особенно Ферганы.

3. Поселения Прииссыккулья в 1 тыс. до н. э. были очагами не только земледелия, но и ремесленных занятий. Часть каменных орудий (а именно: одна из зернотёрок и десятка полтора шаров) использовались для обработки и обогащения медной руды в пределах городища Сарыбулун. Плавка обогащённой руды и металлического лома осуществлялась, по всей видимости, здесь же. На городище Сарыбулун, например, найден небольшой слиток бронзы (меди) и несколько фрагментов крупных сосудов из металла, годных лишь к переплавке. Здесь же найден и прямой свидетель местной плавки — литник, который относится к отходам бронзолитейного производства. Подобная находка была сделана и южнее с. Долинка. В водах озера найден медный котелок, наполненный отходами литья. Среди них выделяются странной грибовидной формы (с конической головкой и тонкой ножкой) остатки литейного производства. Эти медные «грибы» когда-то заполняли отверстия в литейной форме — так называемые литни-

ки. Отверстия эти напоминали воронки: широкий раструб и узкий круглый в сечении канал, по которому расплавленный металл заливали в форму. Когда жидкий металл застывал и отливка могла сохранять свою форму, на ней оставались минимум два грибовидных нароста, повторяющих форму литников. Их обрубали у самого основания и опять пускали в переплавку. Эти находки, сделанные юными водолазами Пржевальской морской школы, — неоспоримые доказательства местного производства каких-то крупных, судя по размерам литников, изделий из бронзы [12].

Специальное изучение образцов металлических изделий сакского времени Прииссыккулья в научных лабораториях Москвы раскрыло некоторые производственные секреты и технологические приёмы древних металлургов. Аналитическое изучение сакского металла, найденного на территории Иссык-Кульской котловины, позволило прийти к некоторым интересным выводам относительно технологических особенностей изготовления древних изделий [13]. Эти выводы носят сейчас в известной мере условный и предварительный характер в связи с малочисленностью исследованных образцов. Спектроаналитическому исследованию подвергнуто 20 предметов, структурному — 14.

Для отливки инвентаря использовались главным образом металлургически «чистая» медь и оловянная бронза. Из меди изготавливали котлы, котелки, а из оловянной бронзы — преимущественно оружие, орудия труда, а также предметы конской упряжи (кинжалы, наконечники копий, удила, долота). Концентрация олова в составе этих предметов была сравнительно невысокою — от 1,8 до 9%. В единичных (двух) случаях для отливки кинжалов использовалась оловянно-мышьяковая бронза (с содержанием олова 4,5—8%, мышьяка — 3,5—5,0%). Два изделия (наконечник копья и котел) отлиты из мышьяковой бронзы (содержание мышьяка 5,0—5,5%).

Довольно единообразными были и технологические схемы изготовления металлических предметов. Котелки, исследованные методом структурного анализа, отлиты в глиняных или шамотных литейных формах, без последующего деформирующего воздействия на металл. Оружие (кинжалы, наконечники копий) также отлива-

лось в двусторонних литейных формах, после чего лезвийная часть подвергалась незначительной доработке ковкой по холодному металлу. Доработочные операции при этом были направлены преимущественно на заострение лезвийной кромки. Таким образом, технологическая схема изготовления оружия может быть сведена к следующему: литьё и слабая доработка лезвия ковкой (степень деформации 20—40%). Удила изготовлены по схеме: отливка одного звена в двусторонней литейной форме, слабая доработка холодной ковкой с устранением пороков литья, формовка кольцевого окончания этого звена в глину и двустороннюю литейную форму, доливка второго звена.

Вот, пожалуй, и все «секреты» древних металлургов, которые удалось разгадать ученым. Их мало. Однако изучению сакской металлургии Прииссыккулья уже положено начало. Нет сомнения, что дальнейшие металлографические и спектроаналитические штудии приведут нас к обстоятельным знаниям технологии древних литейщиков и кузнецов, населявших территорию Киргизии в I тыс. до н. э.

Есть основания предполагать, что оседлые поселения Прииссыккулья в те далёкие времена были очагами не только металлургического, но и гончарного производства. Нам еще не удалось найти бесспорных свидетельств (каковыми, например, являются бракованные сосуды, керамические шлаки или остатки обжигательной печи), что на открытых нами поселениях трудились древние гончары, но об этом говорят косвенные данные. Важнейшими из них являются технологическое единство производства и стандартизация форм керамики, найденной в кочевнических курганах и на оседлых поселениях. Они настолько схожи, что практически невозможно различить целые экземпляры сосудов, найденных на городище Сарыбулун и, например, в расположенных от него в 30 км могильниках Каракол и Чельпек.

Как уже отмечалось, еще М. В. Воеводский и М. П. Грязнов обратили внимание на большое количество керамических сосудов в усуньских курганах Прииссыккулья. Тяжёлые и хрупкие, они мало подходили к подвижному быту кочевников-скотоводов, которые предпочитали посуду из кожи и дерева. Керамическая

посуда гораздо больше соответствует оседлому образу жизни. Следовательно, заключили ученые, усуни должны были вести не только кочевое, но и земледельческое хозяйство. Доводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова оспаривал А. Н. Бернштам, утверждавший, что сферическая форма керамики усуней не говорит о занятиях земледелием. Она прекрасно приспособлена к кочевому образу жизни, так как шарообразная форма лучше всякой другой сопротивляется на сжатие [14]. Более внимательно к наличию большого числа керамических сосудов отнеслись казахстанские археологи. Так, Г. А. Кушаев полагает, что большое количество керамики в курганах Семиречья объясняется двумя причинами: 1) влиянием культуры древнеземледельческого населения Средней Азии и 2) оседанием части усуней и переходом их к занятиям земледелием, начиная с I в. н. э. и позже [15].

К. А. Акишев отметил, что большое количество керамических сосудов в погребениях Семиречья в усуньское время является бесспорным свидетельством оседлого образа жизни. Он видит в этом также показатель высокого социального ранга погребённых, так как, по его наблюдениям, большое количество керамики (до 17 сосудов в одном погребении) появляется сначала в курганах знати и лишь на завершающем этапе развития общества усуней (в III—V вв.) и в курганах рядового населения. Отсюда вывод: на раннем этапе развития усуней (в II в. до н. э. — III в. н. э.) «оседлость была в большей степени присуща родовой и племенной знати и крупным владельцам стад». Более широкие слои населения переходили к оседлости и земледелию позже знати. Иными словами, оседлый бай был древнее оседлого бедняка [16].

На территории Прииссыккулья тоже раскопаны курганы с большим набором различных керамических сосудов. В могильнике Каракол их было найдено 17, в могильнике Джергес — 5, а в могильнике Соколовка — 15 сосудов в одной могильной яме [17].

На наш взгляд, наличие большого количества сосудов в курганных погребениях говорит не столько об оседлости и занятиях земледелием, сколько о тесных экономических связях скотоводов с близко расположенными поселениями, где было развито гончарное

ремесло. Эта керамика не случайно имела сферическую форму с округлым дном. Такие сосуды явно были рассчитаны на подвижный, кочевой образ жизни их владельцев. Шарообразная форма сосудов, как заметил А. Н. Бернштам, является самой прочной на сжатие, а значит — наиболее пригодной для транспортировки. К тому же, как мы знаем, кочевники-киргизы успешно перевозили на большие расстояния даже очень хрупкие тонкостенные сосуды из фарфора и фаянса, упаковывая их в специальные футляры (чыныкап). Нам не известны подобные приспособления в культуре древних кочевников, но зато известны факты, когда целые экземпляры круглодонной керамики сакского времени находили за многие сотни километров от места её производства. Так, расписанные красной краской сосуды ферганского производства были найдены в курганах в высокогорных долинах Памиро-Алая, Кетмень-Тюбе и даже близ города Фрунзе.

И ещё одна деталь. Все авторы отмечали рост числа сосудов в погребениях только для позднеусуньского времени, то есть начиная с III в. н. э.[18] Однако в настоящее время известны факты, указывающие на то, что этот процесс начался ещё в сакское время, предшествовавшее усуньскому. Достаточно сказать, что в знаменитом кургане Иссык IV—III вв. до н. э., раскопанном близ Алма-Аты, оказалось свыше 30 сосудов[19]. Это однозначно свидетельствует, что оседлость (а следовательно, земледелие и гончарное ремесло) начала развиваться в Семиречье задолго до позднеусуньского времени.

В свете археологических данных, полученных при исследовании городища Сарыбулун, можно по-новому осветить вопросы, касающиеся экономики саков и усуней Прииссыккулья.

Письменные источники позволяют предположить, что климат Семиречья в I тыс. до н. э. мало чем отличался от современного. «Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная (с точки зрения уроженца Китая. — *Авт.*). На горах много хвойного леса»[20]. Климат и географическая среда Прииссыккулья и в наши дни больше благоприятствуют скотоводству. Лишь в восточной части есть хорошие условия для занятия земледелием.

Скотоводство в условиях близости высокогорных пастбищ (джайлоо) от речных долин (кыштоо) с VIII—VII вв. до н. э. могло развиваться только как полукочевое со стационарным жильём на зимовках. Близ зимовок древние скотоводы засевали поля и огороды, разводили сады. Кроме зимовок появляются крупные поселения с металлургическим, гончарным и другими ремёслами. Некоторые из них, например, Чигу, обносятся крепостными стенами и становятся административно-политическими центрами. Такое хозяйство можно назвать комплексным скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства. В усуньское время, как полагают ученые, земледелие достигает таких успехов, что «каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом мукой, зерном, а растительная пища всегда входила в рацион питания» [21].

Действительность, документированная археологическими материалами, в значительной мере корректирует сведения письменных источников о хозяйстве древних скотоводов — оно было комплексным.

Ключом ко всякой науке является вопросительный знак.

О. Бальзак

САРЫБУЛУН — ЧИГУ?

Сарыбулун — единственное известное археологам крупное поселение I тыс. до н. э. на территории Иссык-Кульской котловины. Письменные источники упоминают название только одного населённого пункта на этой же территории — ставку усуньского правителя Чигу. Возникает вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами исторического Чигу? Обратимся к древним хроникам.

Наиболее ранние сведения о Чигу вошли в «Шицзи» («Исторические записки») со слов китайского путешественника поневоле Чжан Цяня. Сведения его бесценны. Он единственный из информаторов, кто лично посетил усуньского владыку в его ставке — городе Чигу.

История жизни Чжан Цяня напоминает приключенческий роман. Честолюбивого, умного и энергичного молодого человека, обладавшего, к тому же, склонностью к авантюрам и недюжинной физической силой, давно тяготило положение мелкого чиновника без протекции, а следовательно, и без видимых перспектив продвижения по службе. Для карьеры нужен был случай, и он представился.

Династия Хань решилась нанести удар по усилившимся на севере кочевникам-гуннам. Но для этого нужен мощный союзник. Таким союзником в тот момент могли быть только сильные племена юечжей, претерпевшие от гуннов много кровных обид. Император Вуди поручил подобрать достойную кандидатуру на почётную роль посла, который сумел бы склонить юечжей на довольно-таки рискованный политический акт. Бидные ханьские чиновники не спешили занять эту престижную должность, так как при удаче они мало что приобретали, а при неудаче теряли всё, ибо путь к юечжам лежал через владения враждебных Китаю гуннов. Чжан Цяню нечего было терять. Он доброволь-

но вызвался возглавить опасную миссию и, за отсутствием конкуренции, двор удовлетворил его просьбу.

В 138 г. до н. э. посольство Чжан Цяня пересекло северную границу Китая и тотчас было задержано разъездами гуннов. Шаньюй (хан) кочевников смекнул, что послы Китая к юечжам несут «не мир, а меч». Он задержал послов в орде, вполне резонно заявив: «Юечжи от нас на севере; по какому же праву Дом Хань отправляет туда посланника? Если бы я захотел отправить посланника в Юе (владение в Южном Китае. — *Авт.*), то Дом Хань согласился бы на моё желание?» [1]. Слова и дела шаньюя свидетельствуют о его дипломатической дальновидности, основанной на отличном знании политических методов династии Хань. Но шаньюй не знал Чжан Цяня и поэтому допустил грубый промах, предоставив ему полную свободу, разумеется, в пределах своей орды. Шли годы. Неудачливый посол стал как бы меньше ростом. Серым, незаметным. Изучил речь степняков, их обычаи, нравы. Стал лихим наездником. Стрелял без промаха из лука. Он даже женился на кочевой красавице, которая родила ему сына. Казалось, китайский дипломат совсем смирился с жизнью в орде. Однако это только казалось. Чжан Цянь надежно припрятал знаки достоинства посла и держал поблизости от себя всех членов своей миссии. Он ждал случая. Случай представился через десять лет, и китайцы бежали в Фергану.

В то время земли Средней Азии совершенно не были известны в Китае. Чжан Цянь и члены его посольства с удивлением смотрели на многоводные каналы, прекрасно возделанные сады и поля, большие и богатые города с высокой и своеобразной культурой, с собственной системой письма и разнообразными ремёслами. Здесь жили люди, совсем не похожие на китайцев: у них были широко раскрытые глаза и длинные густые бороды. Больше всего чужеземцев поразили здешние красавцы-аргамаки с лебедиными шеями и тонкими длинными ногами с маленькими копытцами. Фергацы говорили, что эти кони небесного происхождения, потеют «кровавым потом», им нет равных в резвости и выносливости. Но ещё больше пришельцев поразила виноградная лоза и приятный сок винограда, после употребления которого легко кружилась голова, появля-

лась приятная истома и даже чужие бородатые ферганцы, наполнявшие белые глиняные чаши, расписанные красными узорами, казались милыми и близкими людьми. Гостеприимные ферганцы и не подозревали, что рассказы этого бродяги о чудесах Средней Азии настолько возбудят алчность китайского императора, что через несколько лет за прекрасными аргамаками и виноградной лозой будут посланы сотни тысяч китайских солдат. Они дойдут до Ферганы. Возьмут десяток — другой лошадей, несколько сотен виноградных побегов. Только в Китай вернутся немногие из них: пятеро из каждых шести, погибнут в борьбе с населением «Западного края», добывая скромные трофеи.

Больше года странствовал Чжан Цянь по среднеазиатским владениям. Политическая ситуация в Центральной Азии за долгие годы его плена в корне изменилась. Юечжи, завоевав богатую Бактрию, и слушать не хотели о войне с гуннами. Владетели среднеазиатских государств с интересом воспринимали рассказы о богатствах Китая, но не желали воевать за чуждые им интересы. Чжан Цянь решил вернуться в Китай через земли тибетцев и снова был схвачен гуннами. Через год (126 г. до н. э.), воспользовавшись очередной междоусобицей, резней и смутой в орде, Чжан Цянь опять бежал.

Печальным было его возвращение на родину. Поручение императора не было выполнено, а из сотни с лишним человек, составлявших посольство, через тринадцать лет возвратилось лишь двое. Однако географический кругозор китайцев неизмеримо расширился. Чжан Цянь поведал, а чиновники записали диковинные сведения о новых экзотических странах Запада: Фергане, Кангюе (Средняя Сырдарья), Согде, Бактрии, Хорезме, Усуни и других среднеазиатских владениях. Многие современные исследователи считают, что путешествие Чжан Цяня положило начало широкой межконтинентальной торговле по Великому шелковому пути.

Для историков Киргизии важны первые сведения об усунях и их ставке Чигу, полученные Чжан Цянем, скорее всего, в Фергане: «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (Ферганы. — *Авт.*), на северо-восток» [3]. В своем комментарии к этому тексту Н. Я. Бичурин

вполне справедливо отметил, что здесь под термином «усунь» разумеется ставка владетеля — «городок Чигу» [4]. По его мнению, этот «городок» располагался где-то на террритории между северо-восточной оконечностью озера Иссык-Куль и южным берегом р. Или [5]. Но на своей исторической карте, составленной в 1851 г., учёный располагает Чигу на южном берегу Иссык-Куля несколько западнее р. Тосор [6].

Нужно отметить, что Н. Я. Бичурин некритически относился к расстояниям, указанным в китайских источниках, и принимал их на веру при идентификации тех или иных топонимов. Настораживает факт, что те же 2000 ли фигурируют при определении расстояния не только между Ферганой и Чигу, но и между Ферганой и Кангюем, Кангюем и Янцаем, Ферганой и Бактрией и т. д., то есть имеются все основания полагать, что эта цифра была трафаретной для даваньских информаторов и лишь весьма примерно отражала действительные расстояния между Ферганой и ставками сопредельных государств.

Более конкретные материалы для локализации Чигу приведены в «Цзяньханьшу» («История старшей династии Хань»). Здесь отмечено расстояние до ставки усуней от точно фиксированного пункта — Чанъани — старой столицы застенного Китая: «Правление усуньского большого гуньми (верховного вождя. — *Авт.*) в городе Чигу, от Чанъань в 8900 ли» [7]. Относительная точность указанной цифры проверяется другими данными, содержащимися в той же хронике: «Правление аксуского владетеля в городе Выньсу (современный Аксу. — *Авт.*) от Чанъань в 8350 ли... на север до усуньского Чигу 610 ли» [8]. Как видим, расхождение между цифрами составляет лишь 60 ли, то есть всего 30 км. Самой важной для локализации Чигу является цифра, фиксирующая его удаленность от Аксу. Указанное расстояние (610 ли, т. е. 305 км) выводит исследователя, если учесть, что караванные пути шли через перевал Бедель, прямо к юго-восточному побережью озера Иссык-Куль. Однако доверие к знаниям китайскими историками действительных расстояний между отдельными географическими пунктами серьезно подрывает более поздняя хроника «Бейши» («История северных династий»). Расстояние от тогдашней столицы Китая до

Чигу оказалось, если верить «Бейши», не на 610 ли больше, чем до Аксу, а на 410 ли меньше [9].

В «Цзяньханьшу» имеются существенные детали, позволяющие создать представление (правда, весьма туманное) о внешнем и внутреннем облике усуньской ставки в I в. до н. э. Сам владетель предпочитал жить «в круглой хижине, обтянутой войлоками» [10]. Значит ли это, что владыка усуней жил в разборной юрте? [11] По-видимому, нет, так как юрта в полном смысле этого слова, т. е. жилище кочевников с разборным решетчатым остовом, появилась гораздо позже. Исследователи архаичных жилищ кочевников установили, что «изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой» [12]. Скорее всего, усуньский владетель обитал в крытом войлоком круглом неразборном жилище гуннского типа. Остается неясным, было ли такое жилище сезонным или в нем жили круглый год.

Наличие войлочных неразборных жилищ ставки усуней не исключало сооружение построек из глины или камня. Такие постройки раскопаны археологами на поселениях усуней близ города Кара-Балта (Киргизия) и в долине реки Кегень (Казахстан). Нельзя исключить и срубные деревянные постройки, известные пока только по облицовкам могильных ям [13]. В Чигу были и капитальные вместительные сооружения. Известно, что для китайской принцессы, выданной замуж за усуньского владыку, и ее придворного штата в Чигу был выстроен дворец [14]. Дворец принцессы, скорее всего, был не дворец в полном смысле слова, а богатая усадьба, построенная по образцу ханьских жилищ состоятельных людей. Терракотовые модели таких усадеб известны по археологическим находкам в Китае. Они представляли собой несложные каркасные бесфундаментные сооружения, включавшие жилой дом, помещение у ворот, амбар, кухню, башню и другие хозяйственные постройки, образующие замкнутый четырехугольник, иногда разделенный внутренней стеной. Двускатная черепичная крыша опиралась на две внутренние деревянные колонны [15]. До наших дней от такого дворца могут дойти лишь остатки плоской и полуцилиндрической черепицы, а также каменные базы для двух несущих колонн. О сооружении дворцового типа

на иссык-кульском поселении Сарыбулун свидетельствует находка в воде на глубине 1,5 м монолитной каменной базы для колонны. База представляет собой невысокий цилиндр, расположенный на неправильной формы пятиугольном плоском основании. По своей форме сарыбулунская база отдаленно напоминает современные железные наковальни, однако едва ли была таковой, так как легко могла расколоться при ударе молотом.

В китайских источниках название усуньской ставки буквально передано как «Чигучэн», где термин «чэн» означает укрепленное стенами поселение. В «Цзяньханьшу» при описании смуты во владениях усуней упомянуто, что гарнизон Чигу выдержал многомесячную осаду превосходящих сил противника [16]. Последнее обстоятельство позволяет предполагать наличие если и не неприступных, то вполне солидных фортификационных укреплений вокруг города.

Никаких других сведений о Чигу в письменных источниках нет. Все ранее предполагаемые локализации Чигу страдали одним существенным недостатком — они были связаны с конкретным археологически памятником, относящимся к античному времени. Письменные источники достаточно определенно указывали на район Юго-Восточного Прииссыккулья—от р. Тосор до р. Тон. Точную локализацию затрудняла путаница в древних картах, на которых Чигу были отмечены кроме Иссык-Куля и в Кочкорской и даже в Чуйской долине. С. Умурзаков, специально исследовавший этот вопрос, полагает, что на древних картах, видимо, нет путаницы. Разнобой был вызван тем, что на картах обозначался не сам «Город Красной долины», а различные ставки усуньских кунбагов, местопребывание которых в разное историческое время менялось, но название ставки по традиции оставалось прежним. Заслуживает пристального внимания попытка С. Умурзакова связать Чигу с известными по источникам городами Кункат и Багкат [17]. Это отождествление, как представляется, требует более убедительной системы доказательств.

В связи с открытием крупного поселения I тыс. до н. э., лишь частично освобожденного из подводного плена озера Иссык-Куль, мы вправе поставить вполне

резонный вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами так долго и безуспешно разыскиваемого города Чигу?

В пользу правомерности предлагаемой нами идентификации можно выдвинуть следующие аргументы:

1. Городище Сарыбулун расположено на юго-восточном побережье оз. Иссык-Куль, где, согласно письменным источникам, и должен был находиться исторический Чигу. Прежние поиски учеными развалин этого города не выходили за границы треугольника Тюп — Пржевальск — Тосор.

2. Большая площадь распространения и плотная насыщенность ее остатками материальной культуры свидетельствуют в пользу того, что здесь была расположена не заурядная зимовка, а крупный по тем временам населенный пункт, среди построек которого были капитальные сооружения. Письменные источники, как было сказано выше, упоминают только один относительно крупный населенный пункт в стране усуней — Чигу.

3. Косвенным подтверждением гипотезы Сарыбулун=Чигу может служить этимология термина Чигу — «Красная долина». А. Н. Бернштам в свое время придавал решающее значение этой этимологии. Он предложил искать Чигу в районах выхода горных пород красного цвета — от Джеты-Огуза до ущелья Джууки [18]. Ровная долина, на которой расположено ранее затопленное поселение Сарыбулун, тоже красная. Красный цвет ей придает обильно растущая здесь невысокая разновидность полыни (верблюжья пустынка) не зеленого или седого, а действительно красного цвета. О причинах необычайной метаморфозы с цветом растений на бывшем дне озера еще скажут специалисты. Для нас важно то, что долину, как в наши дни, так и в древности, вполне можно назвать красной. Следовательно, можно предположить, что и поселение, расположенное на ней, могло именоваться «Город Красной долины». По сути дела, современный киргизский топоним Сарыбулун (желтый угол) тоже относится к разряду цветовой топонимики, по законам которой цвет «сары» (желтый) находится в одном ряду с «кызыл» (красный). Оба термина равнозначны, известны варианты топонимов с их взаимозаменой.

Привязка исторического Чигу к определенному городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города-ставки усуньских кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но прочную фактологическую базу, покоящуюся на беспристрастных и многочисленных археологических материалах. Отождествление городища Сарыбулун с Чигу уже сейчас, на предварительной стадии обобщения археологических материалов, позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историко-познавательное, но и политическое значение. Важнейшие из них:

1. Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н. э., как это представлено в некоторых современных трудах зарубежных ученых. Он уже существовал и только впервые упомянут в китайских летописях в связи с событиями этого времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше этого первого упоминания, что позволяет предполагать местоположение здесь ставки еще раннесакских вождей.

2. Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.

3. Культура оседлого населения Прииссыккулья в I тыс. до н. э. была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений и прежде всего Ферганы.

2 ВЕРХНИЙ БАРСХАН

Когда б из Хытая не быть караванам,
Привез ли бы кто-нибудь ткани шелка нам?
И если б торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить!

Юсуф Баласагунский

НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Иссык-Куль — жемчужина Тянь-Шаня

Купцы и путешественники вот уже свыше двух тысячелетий не только проходили по его берегам в поисках барышей и знаний, но, что очень важно, оставили восторженные и деловые записи о своих маршрутах.

Одним из самых любопытных и интригующих в исторической литературе является сюжет о романтике странствий — Великом шелковом пути, одной из своих ветвей пролегавшем по Иссык-Кулю. Караваны, флегматичные верблюды с вьюками шёлка на спинах, с колокольчиками на шеях, пески, пустыни, оазисы с холодной родниковой водой, высокогорные перевалы, разбойники за каждым поворотом...

Здесь разворачивались трагедии и фарсы, а иногда и настоящие детективные сюжеты, когда смельчаки дерзко обходили закон, каравший смертью всех, кто попытается вывезти коконы шелкопряда за пределы Китая. Помните хитрого монаха, который презрев жестокие законы, под страхом смерти похитил коконы шелкопряда, спрятал их в выдолбленный посох и, обманув бдительную стражу, доставил главный ремесленный секрет Китая в Византию?

Известен и иной вариант, согласно которому иноземный принц, сыграв на легкомыслии своей юной невесты—дочери китайского императора—лишил Китай монополии на шелк. Прием, который применил жених, был банальный, но неотразимый и в наши дни. Между будущими мужем и женой якобы состоялся диалог примерно следующего содержания:

— Как вы прекрасны в этом шелковом наряде!

— Ах!... (На нежном личике счастливая улыбка) — Какая досада, что в моей стране нет шелковичных червей и вам придется довольствоваться платьем из грубых тканей.

— Ох!... (На нежном личике искреннее огорчение). — А не спрятать ли вам всего несколько коконов в вашу чудную прическу, тогда только для вас мы будем шить платья из шелка. Все дамы при моем дворе просто умрут от зависти.

— Ух!... — сказала дочь императора с мужской решимостью на нежном личике, спрятала коконы шелкопряда в свою пышную прическу и укатила в другую страну.

Эту легенду (или быль?) французский экономист, специалист по научной разведке Жан Бержье считает классическим примером промышленного шпионажа в глубокой древности, но, увы, далеко не первым. (Первым, вероятно, был шпионаж с целью раскрытия секрета добывания огня) [1].

Позже на трассах Шелкового пути охотились за секретами «греческого огня» — этакого напалма средневековья, за тайнами пороха, фарфора... На неискушенный взгляд, древняя торговая трасса представляла собой сплошную романтику купеческих похождений с детективным уклоном. На самом деле повседневная реальность на Великом шелковом пути была не романтичной и не детективной. Была гигантская торговая артерия, функционировавшая полтора тысячелетия, которая тесно связывала исторические судьбы многих стран и народов, был бесперебойно действовавший ретранслятор не только товаров и технологий, но и идей, религиозных и философских систем. Главной фигурой на Шелковом пути был не обаятельный принц или простушка-принцесса, а купец, воин и монах, за которыми стоял труд многих и многих поколений простых людей.

Возникновение Великого шелкового пути во II в. до н. э. связывают с путешествием Чжан Цяня, о котором мы уже знаем. Но это не совсем верно. В Китае, Средней Азии и на Переднем Востоке с древнейших времен складывались локальные системы торговых путей, например, «базальтовый путь» в Передней Азии. В нео-

литическое время системы торговых путей Передней и Средней Азии связал мостик так называемого «лазуритового пути», по которому знаменитый бадахшанский самоцвет попадал в Египет, Шумер, Аккад и другие месопотамские государства. На Китайской равнине в Центральной Азии и Южной Сибири тысячелетиями формировались свои традиционные пути. Великий шелковый путь стал самим собой лишь тогда, когда между двумя уже сложившимися системами торговых взаимосвязей, территориально разделенных горами Памира и Тянь-Шаня, был перекинут соединительный мост. Это знаменательное событие в истории культуры человечества произошло во II в. до н. э.

Шелковый путь, названный по основному товару транспортировки и торговли, начинался в центральных районах Китая и вел на запад к Дуньхуану. Здесь он раздваивался на северный и южный. Северная ветвь пролегала через Турфан, Кашгар, Фергану, Самарканд, Мерв, южная — через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. В Мерве обе ветви Шелкового пути соединялись и далее на запад караваны шли через Нису, Исфаган, Багдад и далее к портам Средиземного моря. Протяженность этой первой мировой трансконтинентальной торговой трассы превышала 7000 км. Основное направление Шелкового пути не менялось никогда, но локальные изменения на равнинах происходили довольно часто. Практически неизменными были горные дороги, пролегавшие по ущельям, перевалам и высокогорным сыртам. Как известно, горы далеко не везде проходимы, что лишало караванщиков возможности выбирать дорогу по своему усмотрению.

Значение Шелкового пути стало катастрофически падать в связи с началом великих географических открытий и прокладки мировых морских трасс в XIV в., да так стремительно, что к XVI в. он уже практически утратил свое прошлое экономическое и культурное значение.

Города на трассе былого процветания, в том числе и в окрестностях Иссык-Куля, пришли в упадок, многие из них были покинуты жителями и стали обиталищем сов и лихих людей. Другие значительно сократили свою площадь и численность населения. Застой в экономике неизбежно повлек за собой консервацию об-

щественных отношений и культурной жизни. Восток стал отставать от быстро развивающегося Запада. То, чего не могли сделать многочисленные войны за преобладание на Шелковом пути, то, что не могли уничтожить даже кровожадные орды Чингисхана, шутя совершил нарождающийся европейский капитализм. Стремительно развивающееся морское судоходство сделало караванную торговлю по суше экономически невыгодной. Парусные многомачтовые суда даже против ветра шли быстрее верблюдов.

Где же конкретно трасса Шелкового пути пересекала территорию Киргизии? Да и как можно определить направление Шелкового пути? Не мостили же камнем древние дороги для караванов, состоящих из верблюдов и мулов? На этот вопрос ответили еще ученые XIX в., изучавшие средневековые сочинения, и археологи XX в., исследовавшие древние города и погребения.

Мощеных дорог в древности действительно не было, поэтому ученые не могут указать совершенно точно и безапелляционно: «Вот на это место ступила нога верблюда средневекового торгового каравана». Да такая точность и не нужна. Общее направление торговых трасс определяют несколькими методами в зависимости от географического положения исследуемого региона. Легче всего в густо населенных местах, которые были только в зонах земледелия. Сохранились средневековые сочинения, так называемые «дорожники», которые поочередно называли цепочку городов на Шелковом пути и даже расстояние между ними. Остается взять эти сочинения, изучить китайский, арабский, персидский языки, отождествить упоминаемые в дорожниках пункты с современными, соединить их на карте одной линией, и трасса того или иного участка мировой торговой трассы восстановлена.

А как быть, если вы, изучив все древние письмена и языки, в одном из сочинений весьма почтенного возраста читаете: «От Тараза до Кавакета 7 фарсахов. Оттуда до местопребывания царя кимаков 80 дней пути, на который берут (с собой) провизию» [2]. По письменным источникам мы знаем, что Тараз — современный город Джамбул, Кавакет — развалины к северо-востоку от него, царь кимаков в IX в. (время написа-

ния источника) жил на берегах среднего течения р. Иртыш. Можно ли в таком случае соединять на карте город Джамбул и Павлодарское Прииртышье прямой линией для представления о торговой трассе? Увы, нельзя. Так мы можем вынудить торговый караван пересечь озеро Балхаш «аки по суху».

В таких случаях на помощь приходит археология. В источнике ясно сказано, что к кимакскому царю путь ведет по местам малонаселенным, где нет земледельческих городков, так как караванщикам рекомендуется запасаться провизией. Там можно встретить только кочевников, которые сами охотно купят у караванщиков муку, крупу, сладости, фрукты и овощи. В обмен кочевники из съестного могут предложить только скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские купцы везли к кимакам ценные ткани, сосуды из серебра и бронзы, зеркала, женские украшения и особенно много бус из сердолика, горного хрусталя, агата и стекла. Многие из этих товаров оседали по пути к кимакам в кочевьях скотоводов. Их покупали, получали в подарок, взимали как плату за то, что пропускали караваны по своим землям. А при случае кочевники и грабили малочисленные караваны. Владельцы привозных вещей ценили свои сокровища не только при жизни. После смерти бусы, зеркала, сосуды и другие ценные вещи клали вместе с покойными в могилу. В наши дни их находят археологи. Если нанести на карту археологические находки привозных вещей, то окажется, что наибольшей густота их встречаемости будет как раз вдоль трассы торгового пути.

А как же в пустыне, где даже древних курганов либо нет, либо очень мало? В пустыне, как и в горах, торговый путь менялся очень редко — он должен был вести только от колодца к колодцу. Вторым индикатором торгового пути в пустыне являются кости павших животных, а нередко и людей. Они скапливались за многие сотни лет, и теперь места их нахождения, как пунктиром, обозначают былой трудный путь торговых людей в далекие страны.

Поразительные возможности для установления истинных торговых путей с точностью до сантиметра позволяет современная техника, о чем свидетельствует опыт американских ученых, о котором рассказывала,

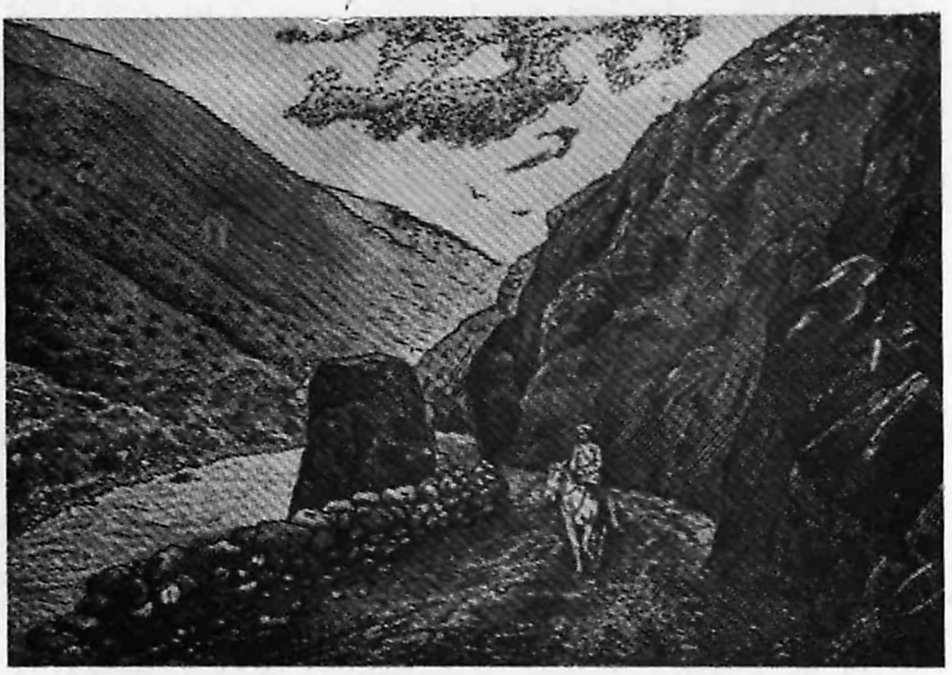

Рис. 1. Дорога
в Боомском ущелье.
XIX — нач. XX в.

Рис. 2. Н. Я. Бичурин
в китайском костюме.

Рис. 3. П. П. Семенов-Тян-Шанский
во время путешествий по Иссык-Кулю
(1856—1857 гг.).

Рис. 4. Находки средневековой керамики на дне озера близ с. Дархан.

Рис. 5. Котел XIII—XV вв., найденный на дне озера близ с. Улахол.

Рис. 6. Раскопки
усуньского кургана у г. Рыбачье.

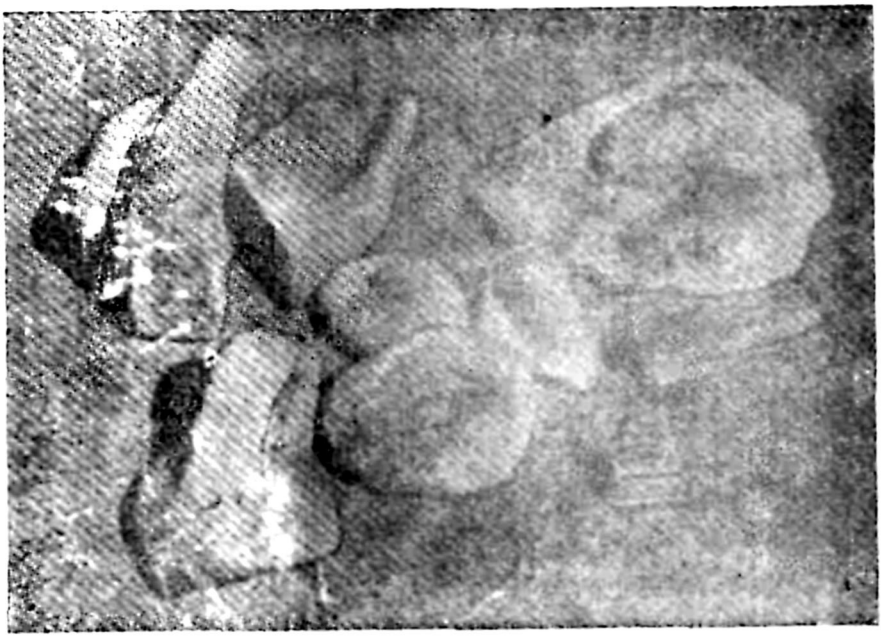

Рис. 7. Средневековые фрагменты керамики
и каменные орудия труда, найденные на дне озера
близ турбазы «Улан» (с. Тору-Айгыр).

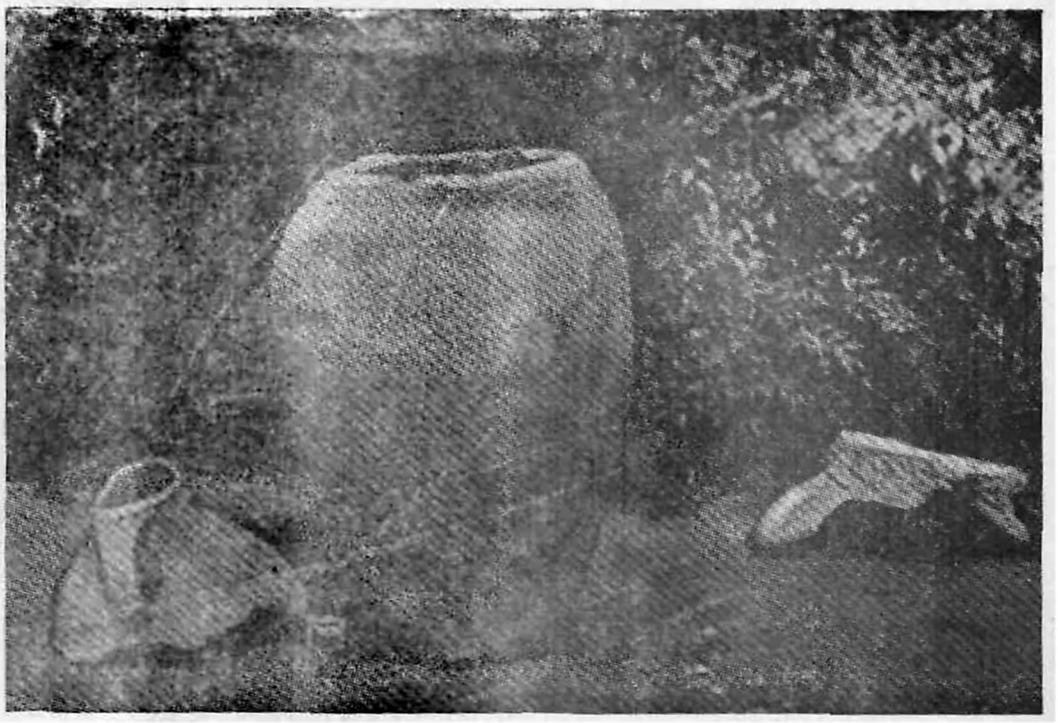

Рис. 8—9. Средневековые хумы и часть кувшина со дна озера близ турбазы «Улан» (с. Тору-Айгыр).

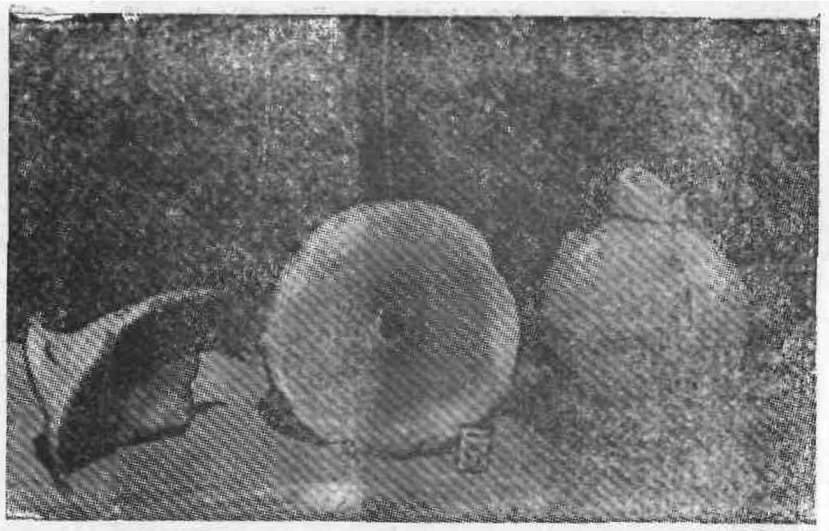

Рис. 10. Часть жернова и керамика со дна озера близ турбазы «Улан» (с. Тору-Айгыр).

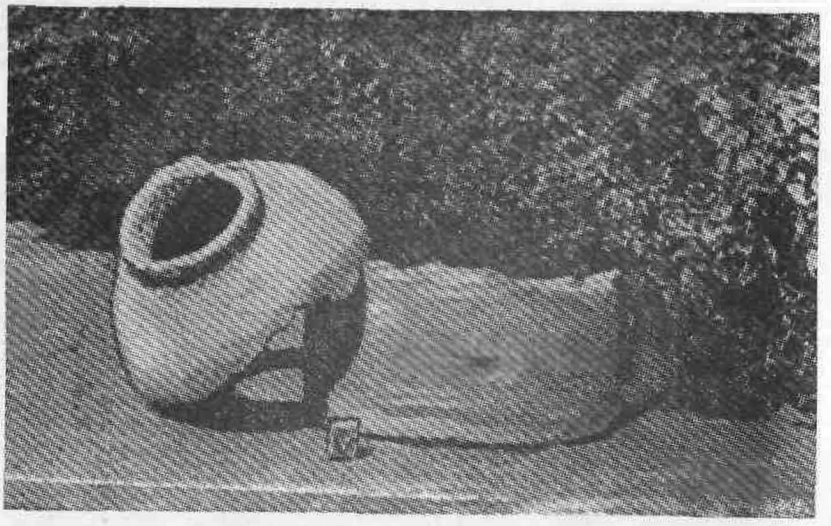

Рис. 11. Средневековая керамика со дна озера близ турбазы «Улан» (с. Тору-Айгыр).

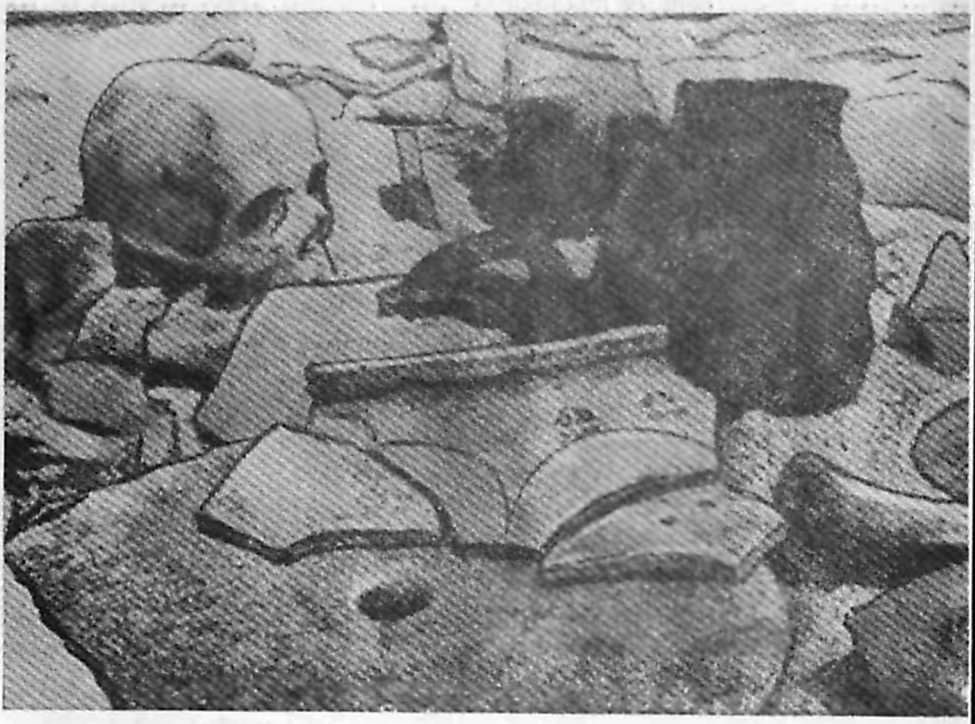

Рис. 12. Находки на дне озера близ с. Долинка.

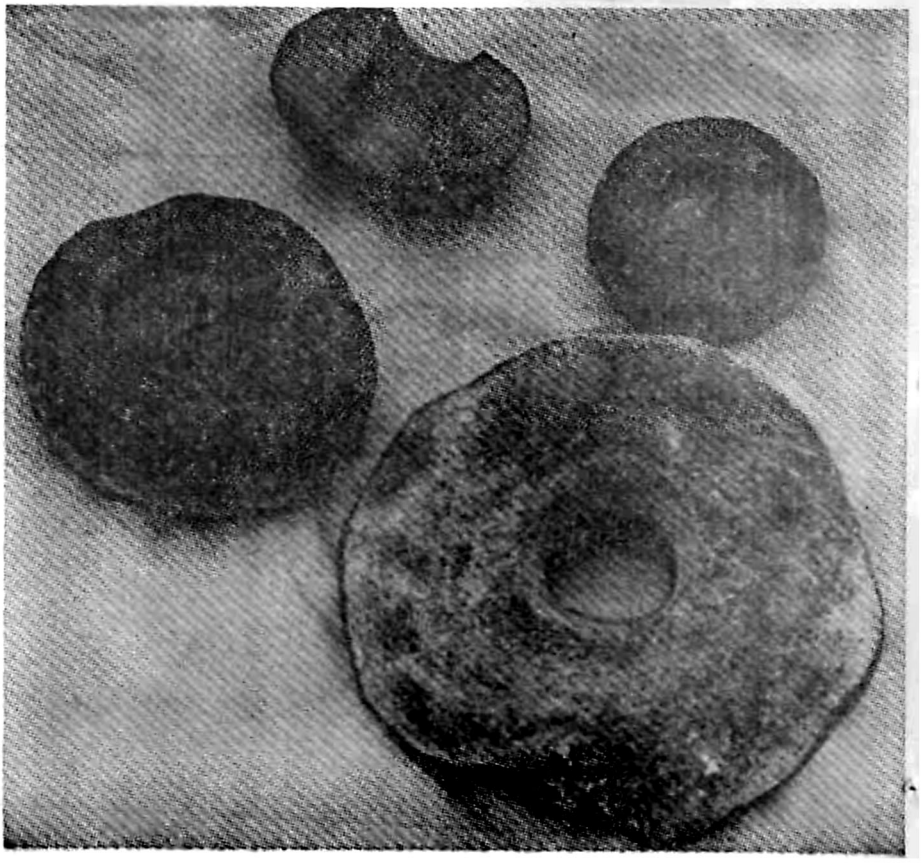

Рис. 13. Аквалангисты после

Рис. 14. Инициатор первых подводных археологических исследований на Иссык-Куле Г. А. Колпаковский.

Рис. 15. Средневековые изделия из камня со дна озера Иссык-Куль.

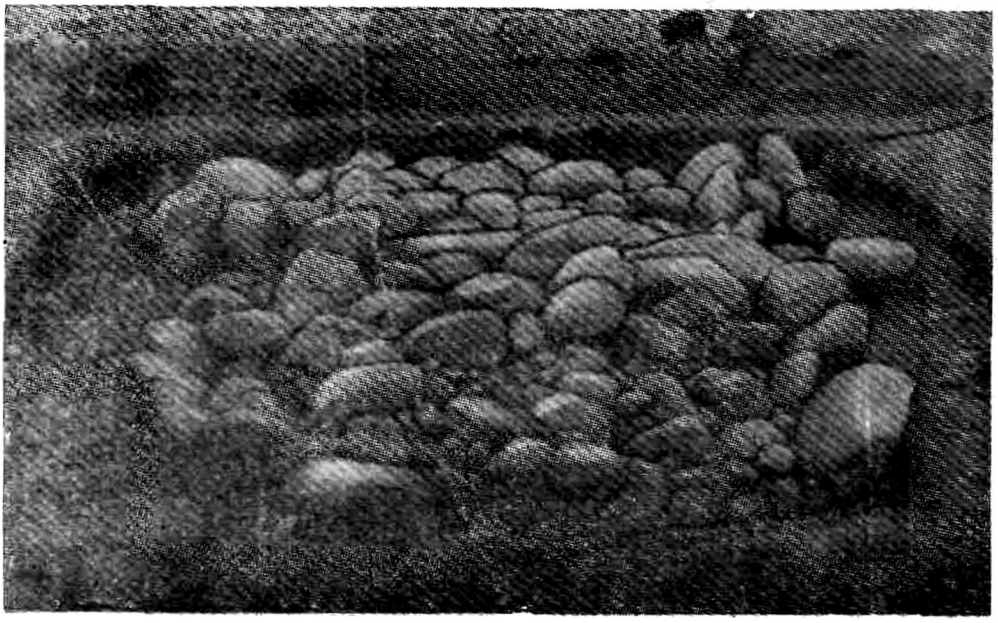

Рис. 16. Расчистка рядового погребального сооружения кочевника.

Рис. 17. Внешний вид рядового погребального сооружения на месте отступившего озера (Тюпский залив).

Рис. 18. Керамика городища Сарыбулун (I тыс. до н. э.).

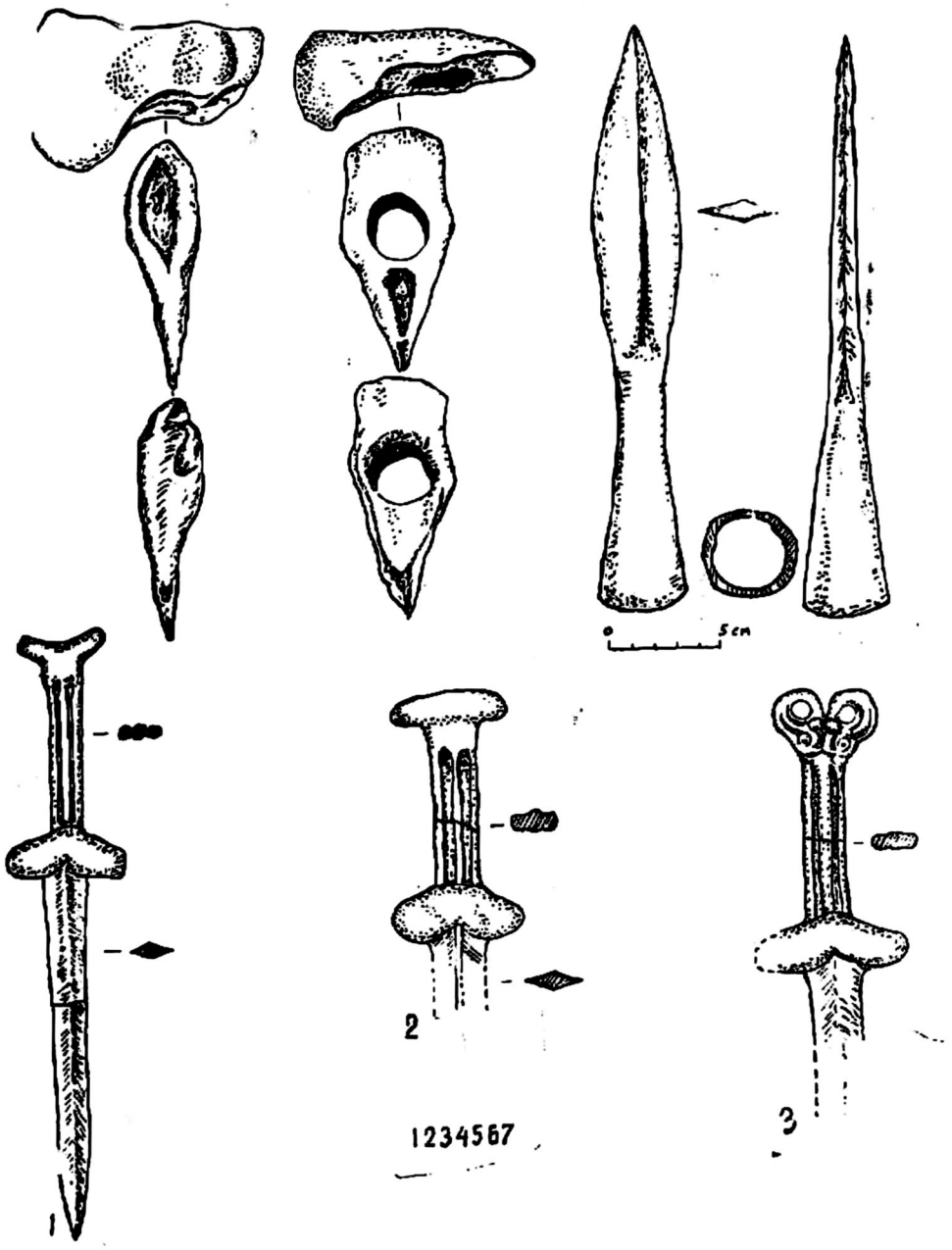

Рис. 19. Предметы вооружения саков Прииссыккулья (бронза).

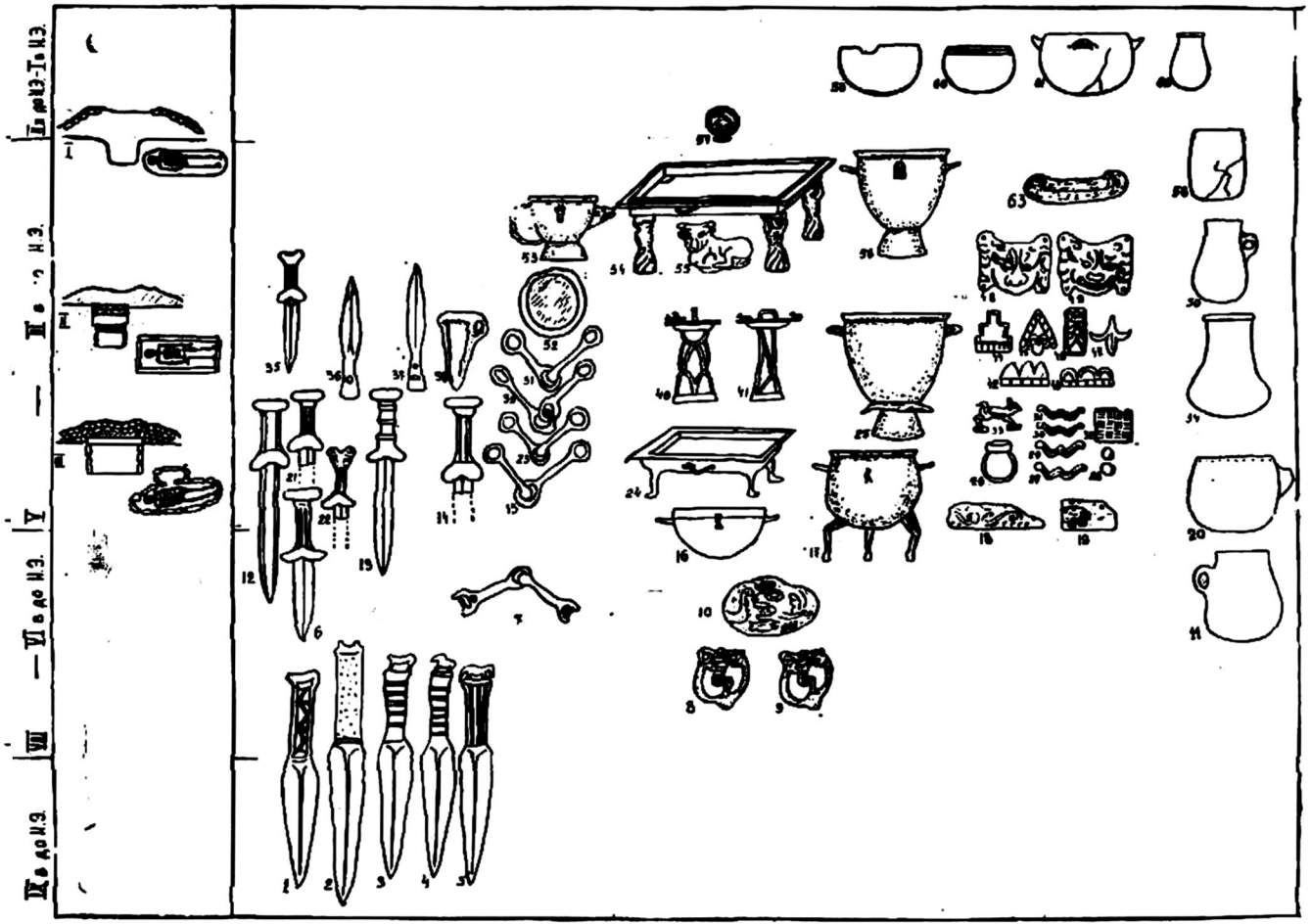

Рис. 20. Хронологическая таблица материальной культуры древних скотоводов Прииссыккулья.
11, 20, 34, 50, 58—62 — керамика;
18—19 — кость;
26—33 — золото; остальное бронза.

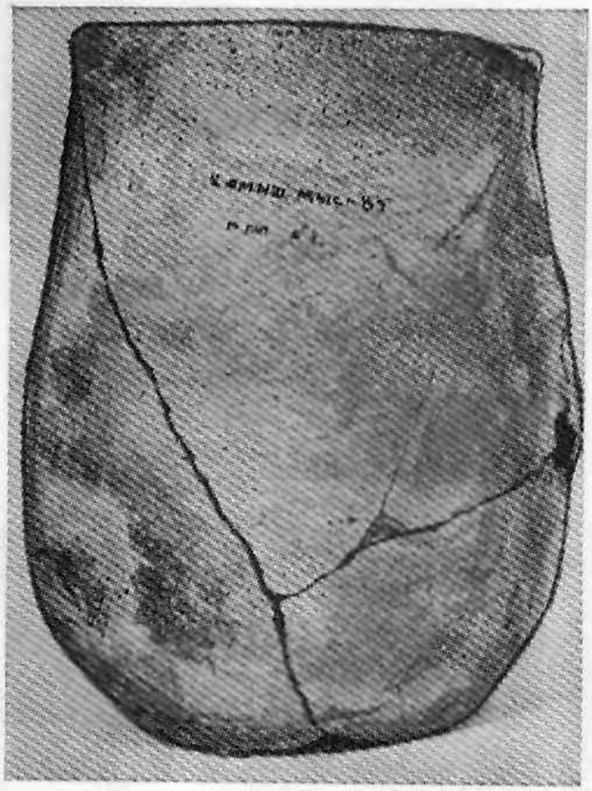

Рис. 21. Керамический сосуд (городище Сарыбулун).

Рис. 22. Каменный и бронзовый серпы (городище Сарыбулун).

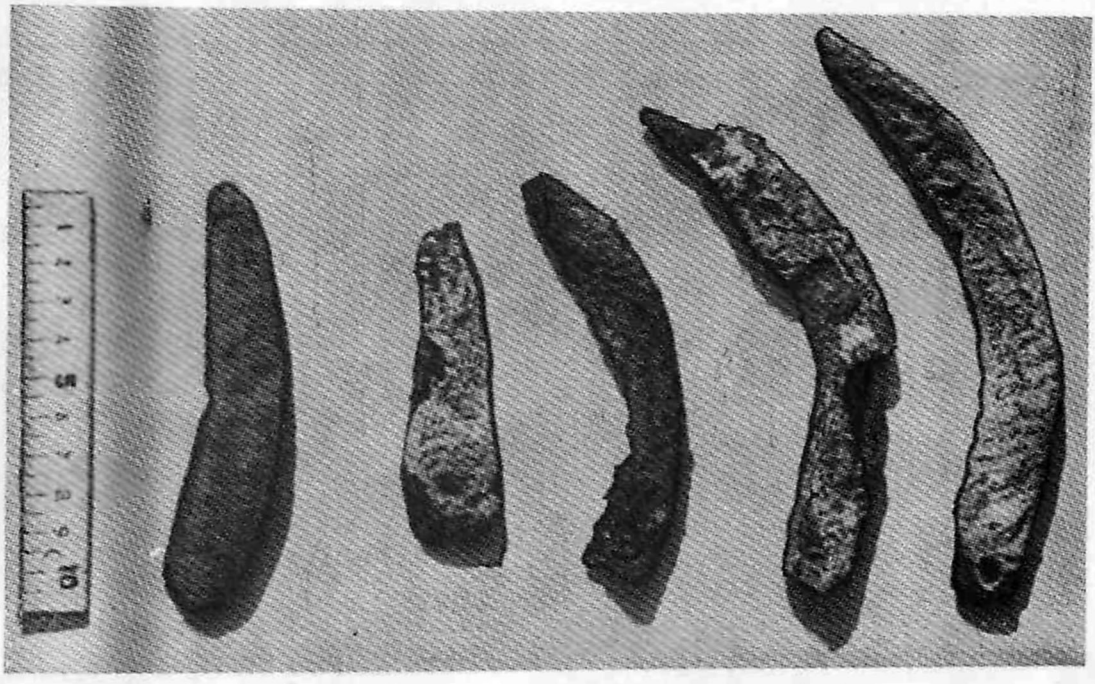

Рис. 23. Керамический
котел
(городище Сарыбулун).

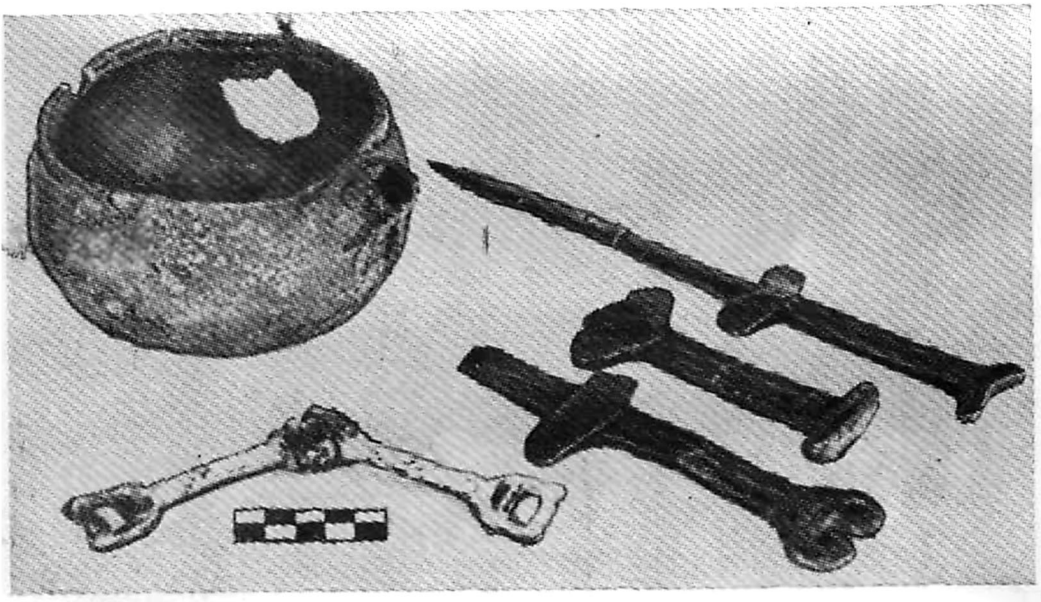

Рис. 24. Предметы
из бронзы,
найденные
на дне озера.
VII—V вв. до н. э.

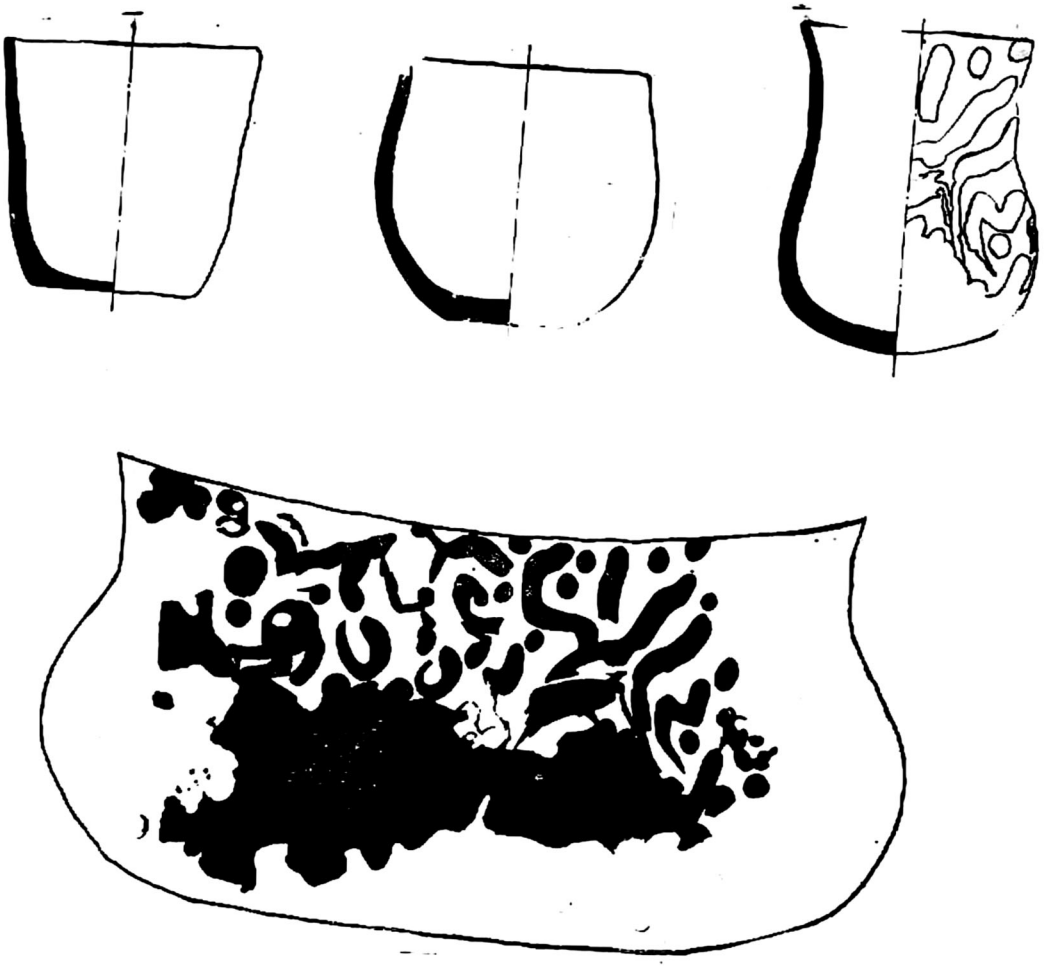

Рис. 25. Профили
и мотив росписи сосудов
(городище Сарыбулун).

Рис. 26. Расписной сосуд (городище Сарыбулун).

Рис. 27. Керамика
(городище Сарыбулун).

Рис. 28. Керамика
(городище Сарыбулун).

Рис. 29. Находки после шторма
у кромки озера близ с. Тору-Айгыр.

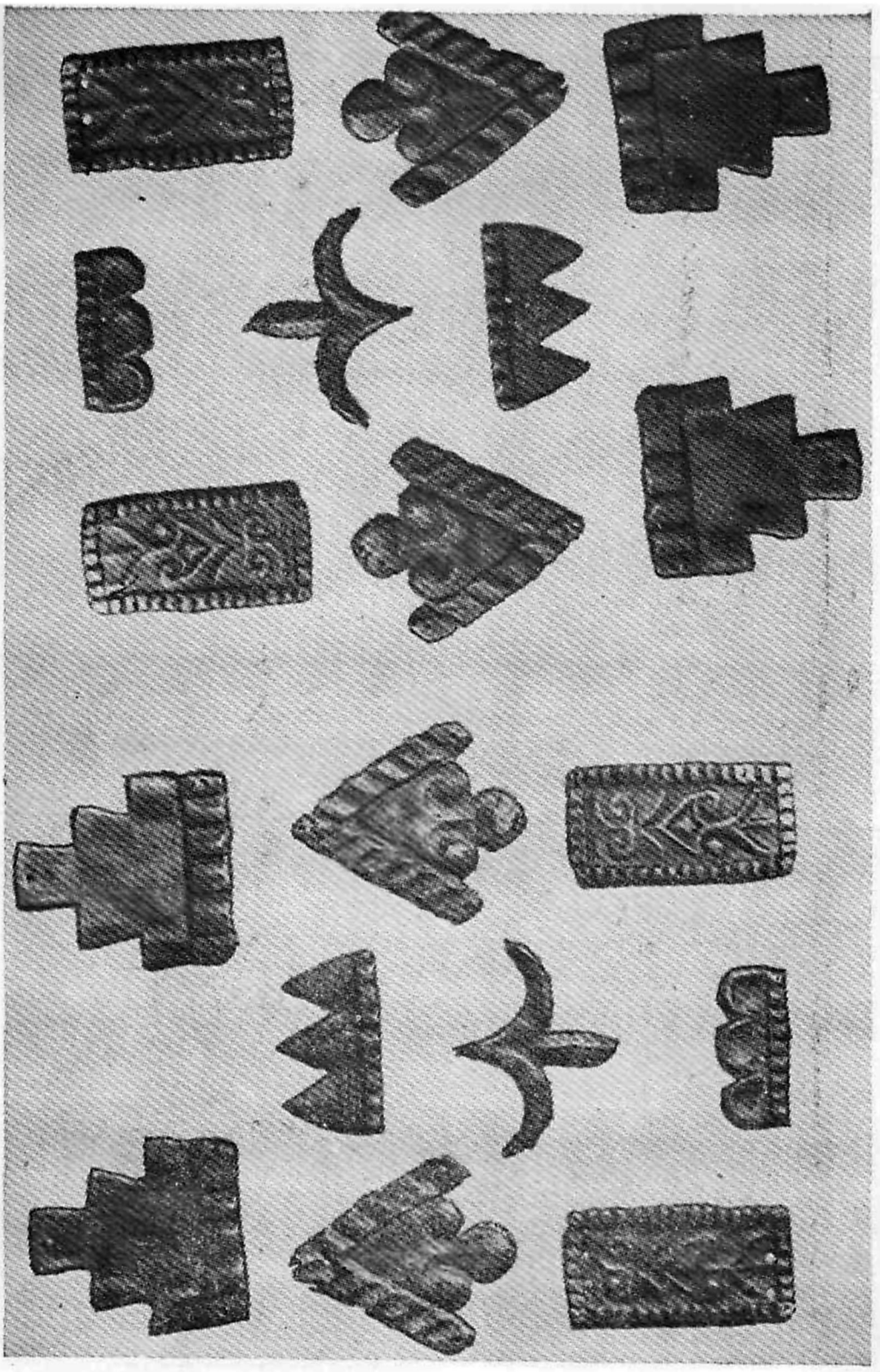

Рис. 30. Бронзовые нашивные бляшки на одежду.
Барскоунский клад. IV—III вв. до н. э.

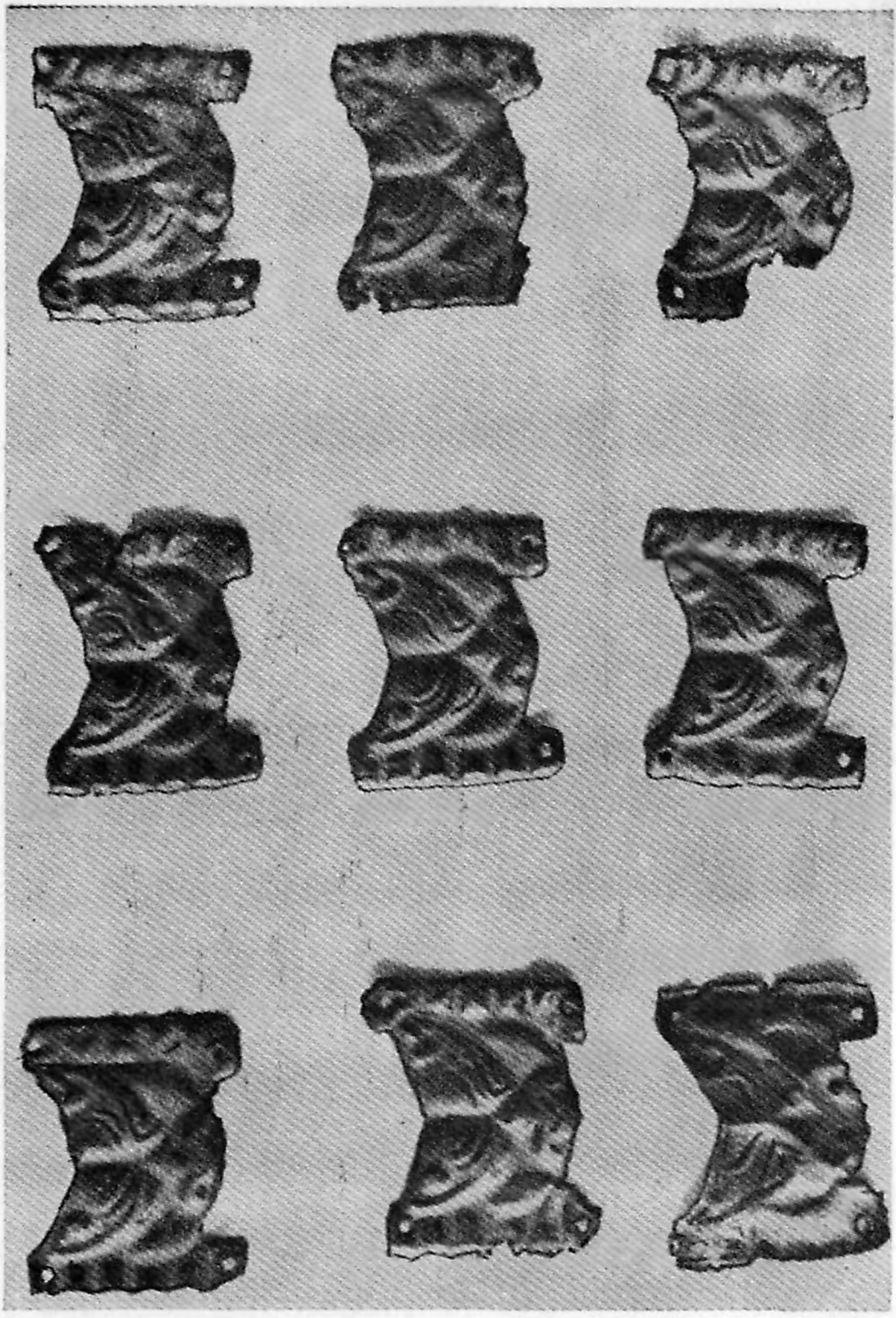

Рис. 31. Бронзовые нашивные бляшки на одежду.
Барскоунский клад. IV—III вв. до н. э.

например, канадская газета «Глоб энд мейл». С помощью телеметрического оборудования, установленного на спутнике «Лэндстат IV» и самолетах, летающих на больших высотах, удалось обнаружить тропинки у доисторических индейских поселений на северо-западе Коста-Рики. Эти тропинки были скрыты не только джунглями, но и мощным слоем вулканического пепла толщиной в несколько метров. Тропинки соединяли отдельные селения древних индейцев и густой сетью покрывали пространство вокруг каждого из них. Оказывается, что отдельные дорожки были протоптаны к родникам, каменоломням, кладбищам, ритуальным местам [3].

Выявление трассы Шелкового пути в средневековом Киргизстане определялось первым из указанных нами методов. И она вырисовывается довольно отчетливо. Установлено, что северная дорога на территории Киргизии делилась на две ветви: Ферганo-Алайскую и Чуйско-Иссыккульскую. Перед караванщиками, вышедшими из Самарканда, возникала дилемма: каким же путем следовать дальше? Механизм выбора не совсем ясен для нас: известно, что караваны следовали по обеим ветвям. В Ферганской долине путь вел по предгорьям, где было много цветущих селений, пока путники не прибывали в город Ош. Из Оша недалеко было до городка Медва (современное с. Мады), а оттуда караванам предстоял нелегкий путь через перевал Талдык, Алайскую долину, Иркештам в Восточный Туркестан.

Другая ветвь пересекала Ташкентский оазис и вдоль северных отрогов Киргизского хребта вела в Чуйскую долину в богатые города Невакет (близ современного с. Красная Речка) и Суяб (развалины у современного г. Токмак). Отсюда было уже рукой подать до озера Иссык-Куль, где располагались тоже значительные торговые центры на Великом шелковом пути [4].

Однако на Иссык-Куле исследователей ждет неприятный сюрприз: средневековые города и поселения, через которые проходила торговая трасса, со временем по ряду причин оказались на дне озера. Это обстоятельство делает непригодными названные выше методы определения направления торговых путей (кроме, вероятно, космического, но который еще не применялся в нашей стране). Нужен был подводный поиск, и он

был начат. Киргизские археологи, взяв на вооружение современные акваланги и в помощники московских энтузиастов подводного плавания пришли на Иссык-Куль. Прежде чем приступать к подводным работам, нужно было хотя бы примерно знать, где же их начинать? Неоценимую помощь при ответе на этот вопрос оказали свидетельства средневековых письменных источников.

Ещё род людей есть, кто знаньем богат,—
Их знанья звездой путеводной горят.
Любезен, учтив будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.

Юсуф Баласагунский

ГОРОДА ПРИИССЫККУЛЬЯ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Сюань Цзан на Иссык-Куле

Восьмого месяца 629 г., смешавшись с толпой слуг, сопровождавшей большой торговый караван, из западных ворот древней столицы Китая Чанъань вышел молодой человек в скромном платье буддийского монаха. С ним было два верных друга — крепкий бамбуковый посох, помогавший не отставать от ходко шагающих верблюдов, и медная чаша для сбора подаяний — единственная его кормилица. Бросая в чашу горсточку проса или кусок лепёшки, караванщики и не подозревали, что их нищенствующий спутник является одним из самых светлых умов танского Китая. Весть о нем будет лететь быстрее самых быстрых дромадеров. Монаха с почетом будут принимать владетельные князья и правители городов. Даже гордый и всесильный каган тюрок с уважением выслушает горячие проповеди монаха и с почтением проводит из своей роскошной столицы Суяб на р. Чу. Через пустыни и оазисы, через горы и реки путник преодолеет многие тысячи километров, дойдет до Индии, впитает всю буддийскую премудрость и через семнадцать лет вернется на родину в зените славы и всенародного обожания. После его смерти даже надменный «сын неба» император Гао Цзун (правил в 650—683 гг.) выделит на его похороны государственные средства и скажет: «Наша страна лишилась сокровища» [1]. Но это будет потом...

Один из величайших землепроходцев Сюань Цзан, имя которого современные ученые ставят в один ряд со знаменитыми Марко Поло, Гильомом Рубруком и Плано Карпини, родился в 602 г. близ Лояна (ныне

провинция Хэнань). Любознательный, не по годам серьезный и замкнутый мальчик рано пристрастился к наукам, особенно к буддийской философии. В тринадцатилетнем возрасте он уходит в монастырь, где своей ученостью вскоре превзошел всех местных мудрецов. Обладая феноменальной памятью, юноша без труда выучил наизусть и без запинки пересказывал все важнейшие буддийские сутры, чем поразил и изумил не только монастырских собратьев, но и всю округу. Шутя завоеванная популярность претила Сюань Цзану. Он ее просто не замечал. Искренне верующего монаха почти физически мучили многие противоречия и спорные вопросы буддизма, которые быстро заметил его острый ум, но разрешить которые еще не позволяли знания. Сюань Цзан решил продолжить образование на родине буддизма — в Индии и обратился за разрешением на выезд к императору. Тот не разрешил. Тогда монах положился на судьбу и отправился без разрешения. Путь его в желанную Индию лежал через пустыню Такла Макан, через высочайшие перевалы Тянь-Шаня, южный берег Иссык-Куля, Чуйскую и Таласскую долины, через Ташкент, Самарканд, Кабул.

Как показали исследования, Сюань Цзан большую часть своего пребывания в Индии провел в монастыре Ниланда (княжество Магадха), где шлифовал свое образование под руководством девяностолетнего главы мира буддийской учености Шилабхадры [2]. После пяти лет обучения с громадным количеством книг и кумиров, которые с трудом поднял сильный слон, Сюань Цзан отправился в обратный путь. Его возвращение было триумфальным. Учитывая это, император Тай Цзун (правил в 627—649 гг.) не только обласкал ослушника, но даже задним числом выдал разрешение на путешествие, из которого он уже вернулся. До конца своих дней (умер в 664 г.) Сюань Цзан проделал титаническую работу: он перевел на китайский язык семьдесят четыре буддийских сочинения, восстановил на санскрите по старым китайским переводам в то время уже утерянную в Индии одну из основополагающих сутр, перевел на санскрит главное сочинение даосов и т. д. Но главным его трудом стали не многочисленные религиозные книги, а единственное светское сочинение, продиктованное одному из собратьев по вере, в кото-

ром он поведал о западных странах. Его путешествие произвело столь сильное впечатление на современников и потомков, что яркую личность религиозного деятеля Сюань Цзана затмил образ героя-землепроходца Сюань Цзана [3].

Следует особо отметить, что путешествия Сюань Цзана и его последователей значительно обогатили культуру средневекового Китая. До сих пор китайские археологи не устают удивлять научный мир сенсационными открытиями вещественных свидетельств таких путешествий. Недавно при расчистке фундамента рухнувшей древней пагоды в подземном склепе было обнаружено богатейшее собрание уникальных художественных ценностей. Среди находок выделяются позолоченный сосуд в виде спящей черепахи, лакированная посуда, шелковые одеяния с богатым орнаментом. Как утверждают эксперты, среди сокровищ были обнаружены кости пальцев, будто бы принадлежавших основателю буддизма принцу Шакьямуни. Каждая косточка хранилась в футляре, отделанном золотом, серебром, нефритом, хрусталем и благовонным сандаловым деревом. Они были привезены из Индии и переданы храму в танскую эпоху, то есть в ту же эпоху, когда жил Сюань Цзан [4].

Путешественник Сюань Цзан оставил свой след и в истории Киргизии. Ему принадлежит заслуга первого описания северной ветви Великого шелкового пути, городов, обычаев, населения, нравов при дворе западнотюркского кагана Тон-джабгу (правил в 618—630 гг.), оленьего заповедника Мин-Булак в Таласской долине и многого другого. Сюань Цзану принадлежит и приоритет описания озера Иссык-Куль.

Пройдя через города Восточного Туркестана, которые путешественник подробно описал, он через перевал Бедель достиг высокогорных долин Центрального Тянь-Шаня, где, казалось, не ступала нога человека. Суровый край. Здесь зимой и летом сохраняются первозданной чистоты льды и снега. Тропы труднопроходимы. Свирепый ветер бросал в лицо путникам хлопья снега вперемешку с песком и камнями. На глазах паломника несколько верблюдов вместе с поклажей сорвались в пропасть. Гибли и путники. «Трудно сохранить жизнь», — констатирует Сюань Цзан [5]. Наконец,

пройдя 400 ли (около 200 км), путник вышел к южному берегу озера Иссык-Куль.

Сюань Цзан приводит сразу три названия озера и все три точно, как удачные эпитеты, характеризуют его сущность: Прозрачное море, Горячее море, Соленое море. Далее следует довольно верное описания его размеров и очертаний: «В окружности его (Иссык-Куля.— *Авт.*) 1000 с небольшим ли (около 500 км. — *Авт.*), с запада на восток длинно, с севера на юг узко. Со всех сторон окружено горами, множество потоков [стекает в него]. Цвет воды зеленый, а вкус горько-соленый; воды его бушуют и вздымаются в виде огромных валов. Драконы и рыбы живут в нем, и время от времени всплывают необыкновенные чудовища. Поэтому путешественники, проезжающие здесь, молятся о благополучном окончании путешествия. Хотя водная фауна богата, рыболовством никто не занимается» [6].

Описание озера Сюань Цзаном, точное и конкретное в своей основе, несколько смущает современного читателя упоминаем о драконах и других чудовищах, якобы обитавших в пучине озера. Скорее всего, и сравнительно точные размеры озера, и правильные его очертания сообщили путешественнику местные жители, обильно разбавив свои рассказы легендами. Стоит ли удивляться склонному к чудесам и экзальтации буддийскому монаху VII в., поверившему в иссык-кульских чудовищ, если в наши дни серьезные ученые устанавливают новейшую электронную аппаратуру на дне озера Лох-Несс в Шотландии, чтобы сфотографировать динозавра Несси, якобы дожившего до эры компьютеров?

Покинув берега Иссык-Куля, Сюань Цзан пришел в Чуйскую долину, описание которой он начал с повествования о городе «генерала» Пэйло, подробного рассказа о Суябе (городище Ак-Бешим близ Токмака) и десятке других городов.

А что же города Прииссыккулья? Почему великий землепроходец, описав города Восточного Туркестана и Чуйской долины, ни разу не обмолвился о лежащих между ними иссык-кульских городах и поселениях? Можно ли допустить, что Сюань Цзан, помнивший слово в слово большинство длиннейших сутр, забыл о них? Маловероятно. Может быть он, зорко подметив-

ший даже цвет воды озера и качество тканей, из которых были сшиты одеяния кагана Тон-джабгу, просто не заметил городов Прииссыккулья? Абсолютно исключено. Отсюда вывод: в первой трети VII в. на северной трассе Великого шелкового пути между Восточным Туркестаном и Чуйской долиной на территории Тянь-Шаня и Прииссыккулья никаких городов не было. Одни исчезли раньше, другие появились позже. А когда же? На этот вопрос мы можем ответить довольно точно — вскоре после того, как здесь побывал Сюань Цзан. Уже в описании дорог VII в. упоминаются город Дуньдо, где-то в Центральном Тянь-Шане, и города Дун, Хэле, и Ечжи, которые располагались вдоль южного побережья Иссык-Куля [7].

Очевидно, китайский дорожник составлялся по данным второй половины VII в. Именно это время можно считать началом средневековой урбанизации (развитие городской культуры) Прииссыккулья. У читателя может возникнуть вполне закономерные сомнения: в первой трети VII в. городов не было, а через каких-то 20—30 лет их стало четыре? Города и поселения в древности и средневековье строились поразительно быстро. Историки походов Александра Македонского упоминают строительство бесчисленных городов, названных Александриями в честь завоевателя, которые росли, как грибы. Вот что писал Квинт Курций Руф о постройке Александрии-Эсхаты (Дальней) на р. Сырдарье: «Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу» [8]. А площадь города по тем временам была довольно большой. Тот же Квинт Курций отметил, что стены города имели длину в 60 стадиев, т. е. 10—11 км. В раннем средневековье строители были не менее расторопны, чем в древности. В начале VIII в. арабы захватили славный и богатый город Бухару и, как повествовал историк Мухаммед Наршахи, стали заставлять жителей города принять мусульманскую веру. Те не захотели. Тогда завоеватели приказали всем, кто не желал сменить веру отцов на ислам, покинуть город. Богатые дихканы (в VII—VIII вв. так именовали не крестьян, как позже, а согдийскую родовитую знать) и

купцы тотчас же выехали за пределы стен Бухары и неподалеку от нее стали строить замки для своих семей. К удивлению арабов, постройки росли прямо на глазах и вскоре здесь вырос новый хорошо укрепленный город, каждый дом которого был небольшой крепостью.

Едва ли иссык-кульские строители городов были менее квалифицированы. Нужно помнить и то, что часть из них были переселенцами из Согда, и даже, не исключено, из самой Бухары. В китайских письменных источниках, кроме названий, об иссык-кульских городах больше нет сведений. Да и не могло быть. В 751 г. на реке Талас китайские войска были разбиты объединенными силами арабов и тюрок-карлуков. Вскоре после этого в Китае началась кровопролитная затяжная гражданская война. Китайцам стало не до Средней Азии, в том числе и не до городов Прииссыккулья.

Среди арабских путешественников первым упомянул города Прииссыккулья Темим ибн Бахр, который лично посетил их во второй половине VIII в. Он отметил, что здесь было четыре больших и четыре малых города. В одном из них было до 20 тысяч воинов [9]. Это первое, на наш взгляд, упоминание области Верхний Барсхан как вполне сложившейся территориальной единицы. Что представляла собой эта средневековая область?

Верхний Барсхан

Все проезжающие по автотрассе по южному побережью озера Иссык-Куль восточнее курорта «Тамга» могут прочитать дорожный указатель «река Барскоун». К югу от автотрассы поближе к горам вольготно раскинулось большое село Барскоун. Мало кто знает, что эти названия являются одними из самых древних на территории Киргизии. Для сравнения можно отметить, что топоним «Барсхан» был зафиксирован в письменных источниках несколько раньше, чем топоним «Киев». Впервые его упомянул в своем труде арабский аристократ персидского происхождения начальник почты багдадских халифов ал-Мутамида и ал-Мутадида Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (годы жизни примерно 820—890 гг.). Его книга «Китаб алмасалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») в свое время стала этапной. Она открыла блестящую серию

средневековых арабских географических сочинений [10]. В труде Хордадбеха предельно сухо и официально описаны все известные в мире того времени торговые пути, города и селения, лежащие на густой сети этих путей, с указанием расстояний между ними. Вот как, например, описана ветвь Великого шелкового пути, пересекавшая с запада на восток Северную Киргизию: «До Асбары 4 фарсаха, до большого села Нузката 8 ф., до большого села Харанджавана 4 ф., до Джула 4 ф., до большого села Сарига 7 ф., далее до столицы (города) хакана тюргешей (ат-туркаши) 4 ф., до Навакета 4 ф., до Кубала 3 ф., затем до Верхнего Барсхана, где проходит граница ас-Сина, 15 дней караванного пути по пастбищам, а почта тюрок (ат-турк) преодолевает это расстояние за три дня» [11].

Ученые давно и неоднократно пытались отождествить данные Хордадбеха с известными развалинами средневековых городов. В большинстве своем они спорны. В настоящее время можно согласиться только с четырьмя идентификациями: Асбара — городище на левом берегу р. Аспары близ с. Каинда; Навакет — комплекс развалин на восточной окраине с. Красная Речка, Кубал (он же средневековый Суяб) — развалины Ак-Бешим близ г. Токмак, Верхний Барсхан — юго-восточное побережье озера Иссык-Куль.

Согласно Хордадбеху, в Верхний Барсхан вела еще одна дорога. Она начиналась в Узгене, пересекала Центральный Тянь-Шань и выводила к Верхнему Барсхану. Позже эти же сведения с небольшими вариациями повторяли многие средневековые географы.

Текст Хордадбеха не позволял с достаточной определенностью представить, что скрывалось под топонимом Верхний Барсхан — город или целая область с многими городами и селениями? Судя по тому, что в округе средневекового Тараза (современный город Джамбул) багдадский начальник почты называет городок Нижний Барсхан, можно полагать, что и Верхний Барсхан — тоже какой-то конкретный населенный пункт. Арабский географ X в. Кудама ибн Джафар, повторив сведения Хордадбеха о пути в Верхний Барсхан, отметил, что он состоял из целой группы поселений — четырех больших и пяти маленьких [12]. Это сообщение, перекликаясь с данными Темима ибн Бахра, позволя-

ет полагать, что здесь речь идет не столько о городе, сколько об области с девятью населенными пунктами. В 982—983 гг. неизвестным автором было написано замечательное географическое сочинение «Китаб Худуд ал-Алам мин ал-Машрик ила-Магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»). В нем упомянуты и города южного побережья озера Иссык-Куль. «Тонг и Талхиза — два селения, расположенные между горами, на самой границе между чигилями и халлухами (карлуками. — *Авт.*), поблизости от озера Иссык-Куль. Жители воинственные, смелые и доблестные.

Барсхан — город на берегу озера, благоустроенный, богатый. Правитель его из халлухов, однако население держит сторону тогуз-гузов». Тот же неизвестный автор впервые упоминает город на северном побережье озера: «Город назывался Сикуль» (Иссык-Куль). Это был «большой город», «населенный» и «богатый торговый пункт» [13].

Наиболее полные сведения относительно городов Прииссыккулья сообщил персидский историк XI в. Абу Саид ал-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи. В своем сочинении «Зайн ал-ахбар» («Краса повествований») он не только перечисляет, но и приводит краткое описание городов южного побережья озера. Сразу после выхода из Боомского ущелья в котловину озера находилось селение Яр. Оно могло выставить воинский контингент в 3000 человек. В окрестностях Яра (или даже в нем самом?) располагались шатры предводителя тюрков-джикилей. Предводитель этот имел титул «тексин». Далее Гардизи описывает само озеро Иссык-Куль, правда, не столь эмоционально, как Сюань Цзан, но довольно точно: «По левую сторону от дороги находится озеро, которое называется Иссык-Куль; оно простирается на 7 дней пути; в это озеро Иссык-Куль впадает до 70 речек; вода в нем соленая». От Яра до селения Тон было расстояние 5 фарсахов (30 км), а между Тоном и Барсханом — 3 дня пути. Между этими городами, видимо, больше не было населенных пунктов. «По дороге встречаются только шатры джикилей,» — констатирует Гардизи. Дальше историк приводит очень краткие, но столь же важные сведения: «Барсханский дихкан носит титул манак. Барсхан выставляет 6000 вооруженных. Все окрестности Иссык-

Куля заняты джикилями. По правую сторону от Барсхана находятся два горных перевала; название одного — Пейгу, название другого — Озар. [Там же] есть река, которую называют Тефсхан; она течет по направлению к востоку, в китайские пределы. Перевал очень высок, так что птицы, прилетающие со стороны Китая, не могут перелететь через него» [14].

Уникальные сведения Гардизи позволяют выйти на новый уровень научных представлений об иссык-кульских городах. Прежде всего, мы можем определить сравнительно точное количество населения в таких городах, как Яр и Барсхан. Историки давно установили строгую количественно-пропорциональную зависимость между общим числом народонаселения и числом боеспособных мужчин. Оно равняется 5:1, то есть каждые пять человек жителей города или аила (с учетом женщин, стариков, малолетних и калек) могут выставить лишь одного воина. Отсюда следует, что в самом западном селении Прииссыккулья — Яре — насчитывалось до 15 тысяч жителей, а в Барсхане — вдвое больше.

Много это или мало? Иными словами, какое место занимали города Прииссыккулья в системе средневековых городов Средней Азии, расположенных на Великом шелковом пути? Если отбросить такие города-монстры, как Самарканд или Мерв, которые в X—XII вв. насчитывали от 100 тысяч до 150 тысяч человек населения и занимали площадь до 150 га, то придется признать, что Яр, а тем более Барсхан были очень крупными поселениями для своего времени [15]. Яр по численности своего населения приближался к таким известным торгово-ремесленным городам, как Отрар, население которого, по подсчетам казахских археологов, колебалось между 15 тысячами и 17 тысячами человек, они занимали площадь в несколько десятков гектаров [16].

Главный город Прииссыккулья Барсхан по численности населения не уступал некоторым столицам периферийных областей. Уж насколько известным был богатый центр Ташкентского оазиса славный город Бинкент, а в нем проживало, по подсчетам одного из самых скрупулезных исследователей О. Г. Большакова, около 23—25 тысяч человек, то есть столько же, сколько и в Барсхане. Бинкент вместе с садами и виноград-

никами занимал площадь в 1350 гектаров. Очевидно и площадь города Барсхана была в пределах этой величины.

Если для сравнения взять ближайшие к Иссык-Кулю крупные города Чуйской долины, то Яр по количеству жителей был близок к древним поселениям, известным ныне под названиями Шиш-Тюбе, Степнинское, Ак-Бешим, Сокулукское, а Барсхан — к средневековому Невакету (Краснореченское городище) [17].

Большой интерес вызывает титулатура правителей иссык-кульских селений. Если в селении Яр находились шатры *тексина* (скорее всего, *тегина*, т. е. царского сына, принца) скотоводов-джикилей, то наверняка и все селение находилось в его власти. Тегины были правителями и в других городах Семиречья. Так в городе Беклилиг, который находился к северу от перевала Ксатек, правил некий Йинал-тегин [18]. Гораздо сложнее обстоит дело с загадочным титулом правителя Барсхана — *манак* (или *манаф* — согласно чтению одного из крупнейших русских востоковедов В. Ф. Минорского).

Здесь есть над чем подумать. Дело в том, что титул манак (манаф) очень напоминает киргизский феодальный титул *манап*, который распространился у киргизов в конце XVIII — начале XIX в. и который не был известен у других тюркских народов. Информацию к размышлению могут дать и следующие факты. Еще в середине VI в., в период становления Тюркского каганата, видную роль в проведении его внешней политики играл согдиец Маниах. Имеются обоснованные суждения, что он же был правителем согдийской колонии в Семиречье, а Маниах — не имя, а титул этого правителя [19]. Таким образом, в VI, XI и XVIII—XIX вв. греческие, персидские и, наконец, русские письменные источники фиксируют титул, не известный у других тюркских народов: *маниах — манаф — манап*. Как объяснить столь загадочное явление? Глубокая преемственность? Исторический курьез? Случайность? Дальнейшие научные изыскания (главным образом тюркологов-лингвистов) должны пролить свет на происхождение загадочного титула.

Текст Гардизи позволяет поставить вопрос не только о количественном, но и о национальном составе населения иссык-кульских селений. В Яре, как уже упо-

миналось, стояли шатры тегина джикилей. Вместе с ним, надо полагать, жили и его домочадцы, слуги, дружина, чиновники со своими семьями, т. е. можно говорить о том, что в селении Яр была какая-то прослойка тюркского населения. Видимо, такая прослойка была и в других иссык-кульских селениях, о чем убедительно свидетельствует древнетюркская руническая надпись, найденная на городище Койсары.

Анализ легенды, приведенной Гардизи для объяснения этимологии топонима «Барсхан», позволяет предполагать там ираноязычное, возможно, согдоязычное население. Иранский историк прямо указывает: «Жители Барсхана происходят от персов, именно жителей Фарса». Далее повествуется пространное предание о том, как Александр Македонский, покорив Иран, взял в знатных персидских семьях заложников, дабы предотвратить вполне возможные мятежи. Отправляясь в поход на Китай, Александр увел и заложников, однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить ставших обузой знатных персов на берегах Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь города на манер городов Фарса, а «местности дали название Барсхан, т. е. повелитель Фарса» [20].

Едва ли историческая действительность была столь древней и романтичной. Тем не менее следует заметить, что легенда базируется на вполне реальной исторической основе. Приток иранского и согдийского населения во второй половине VII—VIII вв. в Туркестан — факт известный. Эмиграция части населения, в основном знати, из Ирана и Согда была вызвана арабскими завоеваниями. Весьма показательно, что иссык-кульские города возникли, как отмечено выше, никак не раньше второй половины VII—VIII вв. Именно на VII—VIII вв. как время возникновения города Барсхан указывает еще одна красноречивая деталь легенды, приведенной Гардизи: для постройки города кроме мастеров по изготовлению кирпича и плотников вельможные заложники наняли и живописцев, которые должны были украсить их жилища. Археологические работы в Согде, Уструшане и Тохаристане показали, что в доарабской Средней Азии не только интерьеры храмов и дворцов, но и стены домов горожан были

сплошь расписаны полихромными многоярусными панно [21].

Легенда об основании Барсхана, как представляется, возникла на Иссык-Куле в среде ираноязычных поселенцев, которые ко времени Гардизи, по истечении более чем 300 лет, еще помнили свои этнические корни, но напрочь утратили память о реальных исторических событиях, вызвавших переселение.

Сведения о Барсхане дошли и до выдающегося среднеазиатского мыслителя Абу-р-Райхана Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Бируни. В своем «Минералогическом трактате», анализируя таинственный сплав «харсини», секрет которого тщательно хранили китайские мастера, ал-Бируни писал: «...харсини — это тот металл, из которого отливаются колокола в Кашгаре и котлы в Барсхане, расположенном на берегу Иссык-Куля, то есть горячего озера, а также и другие сосуды, очень грубые, но это зависит от мастеров и их искусства, так как то, что из него вырабатывается в Китае, крайне изящно и тонко» [22].

Эпизод, приведенный великим хорезмийцем, несколько приоткрывает завесу времени над жизнью барсханских ремесленников-металлургов. Они вместе с кашгарцами раскрыли тайну сплава, начали выпускать продукцию, которая стала известной на мировом рынке. Беда только, что она не могла конкурировать с изделиями китайских мастеровых. Качество барсханских изделий явно оставляло желать лучшего из-за низкой квалификации ремесленников.

Письменные источники донесли до наших дней сведения только о двух выдающихся выходцах из Барсхана. Люди они разноплановые, но как один, так и другой, были известны не только в мусульманском мире, но и далеко за его пределами. Один из них — Себуктегин Насир ад-дин ва-д-дауля. Это был обыкновенный юноша из тюркского племени барсхан, которое кочевало в Прииссыккулье. Он был взят в плен и продан на невольничьем рынке в Хорасане. Купил его видный полководец (спехисалар) Али-тегин, который тоже был тюркского корня. Молодой барсханец стал гулямом (рабом-воином). На этом поприще он проявил выдающиеся способности и вскоре обошел по службе многих своих сотоварищей. После смерти Али-тегина ко-

варный и дальновидный барсханец всеми правдами и неправдами устранил конкурентов и 20 апреля 977 г. был провозглашен эмиром Газны. Он только номинально подчинялся правителю Бухары. Однако этому солдату было мало маршальского жезла в ранце. Оказалось, что в нем нашлось место и для короны. После того, как Себук-тегин одержал ряд блестящих побед в Афганистане и Индии, он совсем перестал считаться со своим ослабевшим сюзереном — эмиром из династии Саманидов. Вскоре караханидские ханы нанесли ряд тяжелых ударов по державе Саманидов и взяли их столицу Бухару. Себук-тегин воспользовался этим и объявил Хорасан, Афганистан и часть Индии отдельным государством. Простой неверный тюрк, пленный, гулям стал царем. Столицей его была прекрасная Газна. Отсюда и династия, основанная Себук-тегином, стала называться Газневидской. Воцарившийся барсханец никогда не скрывал своего происхождения и даже гордился им. Он часто рассказывал приближенным о своем пленении, о частых и нещадных порках, которым подвергал его работорговец, о тяжком пути на невольничий рынок в город Нишапур. Тем не менее и тогда нашлись историки, которые доказывали, что генеалогия этого сына иссык-кульского пастуха беупречна. Он был объявлен благородным потомком и законным наследником древнеперсидских царей. Как знать? Может быть, немалую роль в системе этих лжедоказательств сыграла иссык-кульская легенда о знатном происхождении барсханцев, которую рассказал Гардизи? Умер Себук-тегин в 997 г. Похоронен в Газне [23].

Другим знаменитым барсханцем был один из величайших ученых средневековья — Махмуд Кашгарский. Правда, он не совсем барсханец. В Барсхане родился его отец. Но Махмуд настолько привержен был «земле предков», что на своей известной круглой карте мира озеро Иссык-Куль и прилегающие к нему регионы обозначил как центр обитаемой земли. К сожалению, мы почти ничего не знаем о жизни ученого. Главный труд всей жизни Махмуда — энциклопедический «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), написанный в Багдаде в 1072—1074 гг. Он явился плодом его долгих путешествий по всем землям тюркских народов. Книга Махмуда и сейчас является первокласс-

сным источником для изучения филологии, географии, истории, этнографии средневековых тюрков [24].

Барсханцы были неробкого десятка и могли постоять за свою независимость. Державу караханидских ханов раздирали постоянные распри. Дело дошло до того, что в борьбу за ханскую корону вмешались женщины. Одна из них, жена Богра-хана, недовольная тем, что наследником престола был объявлен не ее любимый сын, отравила самого Богра-хана и его ближайших родственников. По ее приказу брат Богра-хана, Арслан, был задушен, а главнейшие приближенные и военачальники зарезаны. После этого, как рассказал историк Ибн-ал-Асир, она возвела на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Эти события произошли в 1047/48 году. Однако «тянь-шаньской леди Макбет» было мало крови. В конце концов ханша уничтожила и своего любимца: она отправила сына «с войском к городу, называемому Барсхан, владетелем которого был Йинал-тегин. Йинал-тегин победил и убил его, а войско Ибрахима бежало к его матери» [25].

Сказанным выше почти полностью исчерпываются известия письменных источников о раннесредневековых городах Прииссыккулья. Их нет сейчас, но они были. В них жили тюрки и иранцы, которые совместными усилиями разгадывали секреты иноземных мастеров, растили хлеба и сады, торговали, писали книги, защищали свой край. Даже те крохи сведений о Барсхане и барсханцах, которые история донесла до сегодняшнего дня, вызывают у нас вполне законное чувство гордости и уважения к их деяниям, закладывавшим основы современной цивилизации в центре Небесных гор.

К концу XVI в. оседлоземледельческая культура в Прииссыккулье, а следовательно, города и селения, приходят в упадок и исчезают. По крайней мере, историки походов Железного хромца — Тимура, скрупулезно перечисляя даже сколько-либо известные урочища или речушки, где проходили войска этого «гения коварства и жестокости», ни разу не упомянули даже небольшое селение.Исключение составляют г. Иссык-Куль и дворец тюрка на острове. Оригинальным источником является так называемая Каталонская карта, составленная в 1375 г. На ней на северном побережье озера

обозначен Иссык-Куль с припиской, что там расположен монастырь «армянских братьев» — монахов.

Больше о городах Прииссыккулья средневековые авторы не писали.

Рожденному — смертный приходит черед:
Поднятое ввысь непременно падет!
Где взлет — там паденье, где высь — там закат,
Где радость — там горе, где сладость — там яд.

Юсуф Баласагунский

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Лихолетье лихолетью рознь. В начале XIII в. цветущие города и селения Прииссыккулья пришли в упадок. Владетель кочевников-найманов Кучлук, не выдержав борьбы с Чингисханом в монгольских степях, бежал на запад. В Семиречье беглец явился как бедный проситель убежища для себя и своего народа. Он получил его. Отдышавшись и осмотревшись, коварный Кучлук воспользовался слабостью местного правителя и захватил верховную власть. Положение узурпатора было незавидным. Страшный Чингисхан лишь на время оставил его в покое, так как был занят завоеванием Китая. С запада найманам угрожала мощная держава Хорезмшахов. Кучлук понимал, что в таких тисках он — «калиф на час», и вел себя соответственно своему положению. Произвол и грабежи не прекращались, резня и насилия тоже. Но и этого было мало. Кучлук, желая опустошить не только мошну, но и душу горожан, запретил мусульманское богослужение. Стон и плач стояли над Семиречьем и Кашгаром.

Монгольский отряд под командованием отважного Чжебе, как всегда, нагрянул нежданно-негаданно. Кучлук бежал, но был настигнут в Сарыколе и обезглавлен. Голова найманского владыки стала ключом к воротам любого ранее подвластного ему города. Стоило монголам лишь показать защитникам голову узурпатора, как ворота твердыни распахивались перед ними. К тому же, Чжебе оказался умным политиком и восстановил мусульманское богослужение. О грабежах и бесчинствах победителей не было и речи, так как армия монголов в то время отличалась строжайшей дисциплиной. Вполне естественно, что семиреченские и

кашгарские горожане считали антинайманскую акцию Чингисхана «милостью божией» [1].

Но радоваться было рано. Монгольские нойоны, как и большинство кочевых феодалов, считали земледелие блажью, а ремесло и торговлю — занятием недостойным. Желая расширить свои земельные угодья, особенно в таких благодатных для животноводства местах, как Семиречье, кочевники часто превращали пашни, сады и виноградники в пастбища для овец. Только весной 1269 г. на всемонгольском курултае в Таласе трезвый и расчетливый политик Хайду навязал потомкам Чингисхана решение «жить в горах и степях, не брать с жителей ничего, кроме законных податей» [2]. Однако было уже поздно. Процесс деградации городов Семиречья, в том числе и Прииссыккулья, зашел настолько далеко, что стал необратимым. Многие из них были покинуты жителями, в других жизнь едва теплилась. Перефразируя известную английскую пословицу, можно сказать, что «овцы съели семиреченские города».

Если в Таласской и Чуйской долине до наших дней сохранились величественные средневековые развалины, свидетельствующие о былой мощи и высокой городской культуре, то от большинства крупных иссыккульских городов не осталось и этого. Лихолетье, вызванное стихией, по своим последствиям оказалось еще более страшным, чем лихолетье нашествий. Очередная трансгрессия озера поглотила многие руины и населенные пункты, расположенные на берегах озера Иссык-Куль. В настоящее время от них остались лишь едва заметные следы.

Койсары

Русские крестьяне старых переселенческих сел Липенка и Богатыровка были довольны обжитыми местами в урочище Койсары, расположенном на восточном побережье озера. Тут тебе и обильные пашни, и богатая рыбалка. А фазаны, как куры, только ночуют не на насесте, а в зарослях джерганака (облепихи). Была у них и своя диковинка — «кирпичный завод», который не требовал ни разработки глиняных карьеров, ни сооружения печей, ни заботы о топливе. Нужно было только взять лодку, отплыть от берега с полверсты и нагрузить ее кирпичом прямо со дна залива. И всего трудов! Обширные русские печи с лежанками и полатями в Бога-

тыровке и Липенке были сложены из этого кирпича. Качество его было отменным, намного лучше, чем выпускал маломощный кирпичный заводик в городе Каракол. Поэтому даже каракольские мещане иногда покупали у богатыревцев и липенцев воз — другой «морского кирпича». От русских крестьян не отставали и местные киргизы-скотоводы, которые добывали кирпич для постройки намогильных склепов (гумбезов) знатных и богатых сородичей. Один из таких гумбезов осмотрел В. В. Бартольд по дороге из Пржевальска в деревню Сливкино (ныне районный центр с. Покровка)[3]. Вот так стихия и человек объединили свои усилия и разрушили славный средневековый город, важный перевалочный и ремесленный центр на северной ветви Шелкового пути.

Развалины на дне озера близ Койсары стали известны не только в научных кругах, но и широкой общественности России и всего мира. Сведения о них были включены в такие авторитетные издания, как энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, а также в словарь Гранат[4]. А колониальная администрация области и уезда и пальцем не пошевелила для предотвращения варварского разрушения ценнейшего памятника.

В настоящее время озеро полностью освободило город из плена. Там, где были улицы, кварталы и архитектурные ансамбли, — ныне песчаная равнина, местами густо поросшая джерганаком, местами заболоченная, кое-где в камышовой оправе блестят зеркала крохотных озер, возвышенные места покрыты щетками чия. Не так уж часто, но можно различить бугорки и валы, бывшие крупные строения и оборонительные стены. Значительная площадь восточной части городища распахана. На полях, особенно после полива или дождя, можно собрать солидную коллекцию керамики. Попадаются в основном фрагменты толстостенных сосудов (хумы, котлы). Изредка на пашне блеснет мелкий фрагмент парадной глазурованной посуды белого, зеленого или коричневого цветов, характерных для семиреченских городов X—XII вв. Фрагментов керамики голубого цвета, посуды так называемого монголо-тимуридского времени (XIV—XVвв.), которые отмечены

нашими предшественниками, в сезоны 1986—1987 гг. нам не посчастливилось найти.

Представление о былых размерах и топографии средневекового города, расположенного в урочище Койсары, в настоящее время могут дать только публикации П. П. Иванова и Д. Ф. Винника. Оба исследователя отмечают, что город по своему типу принадлежал к тем средневековым городам, площадь которых была окружена «длинными стенами». Остатки этих стен и сейчас видны, не только в тех местах, куда не смогла дойти всесокрушающая сила волн озера. Одна из них протяженностью в 6 км ограждает территорию от озера Кара-Куль до юго-западного угла урочища. Сохранившаяся высота ее от 1 до 2,5 м, ширина основания — 15—18 м. Другая стена, ломаной линией пересекая первую в районе с. Богатыровке, тянулась от края террасы до поймы реки Джеты-Огуз. Такого вида длинные стены известны вокруг крупных городов Таласской и Чуйской долин [5]. Они ограждали сады, огороды, пастбища для скота горожан. В пределах территории, защищенной длинными стенами, строили усадьбы, храмы, отводили площадь под городские кладбища. Одно из них находилось в северной части урочища и, судя по находкам двух каменных изваяний, принадлежало древним тюркам.

Особенностью развалин близ Койсары является включение в систему «длинных стен» отдельных довольно крупных поселений. В северной части городища П. П. Иванов описал вполне автономное поселение с цитаделью высотой до 9 м и окружностью до 150 м. У цитадели тогда были видны следы развалин различных построек. В настоящее время цитадель частично разрушена выборкой грунта для хозяйственных нужд. Это поселение с цитаделью по своей топографии напоминает согдийские поселения Чуйской долины. Не из таких ли отдельных поселений формировался Верхний Барсхан, о чем еще в X в. писал Кудама ибн Джафар?

Центральные развалины, т. е. собственно город, судя по остаткам густой застройки, располагался юго-западнее устья Черной Речки, соединявшей озерцо Кара-Куль с Иссык-Кулем. Они занимали значительную территорию площадью примерно в 3×2 км. Здесь же располагался и ремесленный центр города, где труди-

лись камнетесы и металлурги. На территории бывших ремесленных кварталов (как мы их условно назвали) найдено «большое количество каменных зернотерок, молотильных камней, больших слитков кричного железа, металлической и глиняной посуды и других материалов» [6]. Не исключено, что именно здесь, в северной части городища, трудились мастера, разгадавшие секрет сплава харсини, о чем было известно еще ал-Бируни.

О высокой санитарной культуре жителей города свидетельствуют частые находки кобуров — керамических труб, из которых составляли подземные трассы водопровода и канализации. В черте густой застройки П. П. Иванов отметил ниточку водопровода, состоявшую примерно из пятидесяти кобуров. Несколько целых экземпляров водопроводных труб опубликовал Д. Ф. Винник. Ему же удалось раскопать нитку водопровода, состоящую из тридцати составных частей. Глубина ее залегания достигала 1,5 м, исследованная длина — 10 м [7].

Развалины у Койсары — единственное из городищ, освобожденных озером, на котором были проведены научные археологические раскопки. Здесь в 1960 г. Д. Ф. Винник исследовал монументальное архитектурное сооружение из обожженного кирпича. Здание было квадратным в плане (14,2×14,2 м), по углам его украшали трехчетвертные колонны, в восточной стене был вход, толщина стен составляла 2,4 м. Функциональное назначение сооружения не вызывало сомнения — это была погребальная родовая усыпальница, гумбез. Внутри его было раскопано тридцать скелетов. Усыпальница была построена в XIV в.

Дархан

В настоящее время местность севернее современного села Дархан, где располагалось средневековое поселение, очень напоминает окрестности Койсары. Толстый слой песка, поросшего непроходимой стеной джерганака и барбариса. Кое-где бьют родники, места ниже них заболочены. Только на приозерной террасе, как и у Койсары, сохранились остатки пригородных сооружений — торткули. В 60-х годах их было восемь [8]. Сейчас сохранился только один. Группа торкулей, расположенная на левой надпойменной террасе р. Джуука, севернее

с. Дархан, в 1983 г. была срыта бульдозером. На их месте раскинулись поля пшеницы, среди которой можно найти большое количество фрагментов средневековой керамики и обожженных кирпичей.

Изделия из металла представлены только двумя экземплярами. Один из жителей Дархана нашел здесь целое бронзовое зеркало. К сожалению, он разломал его на части, так как полагал, что находка отлита из чистого золота. Убедившись, что это далеко не так, он отдал обломки археологам. Зеркало восьмилопастное с круглой шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято двумя парами противостоящих птиц (фазаны?). Птицы разделены цветочными побегами. Во внешнем поле, отделенном бортиком, в каждой из лопастей помещены стилизованные цветы (пальметы?). Внешний бортик ровный, высокий, узкий. Диаметр зеркала 12,5 см. Отливка некачественная. Орнамент расплывчатый, детали плохо различимы. Не исключено, что зеркало было отлито по китайскому оригиналу местными мастерами. Такие зеркала бытовали в VIII—IX вв. [9]

Другая находка из металла была заготовка для медно-свинцового дирхема караханидского времени. По данным нумизмата М. Н. Федорова, такие заготовки в XII—начале XIII в. имели обращение по принудительному курсу наряду с чеканной монетой. Обнаружена она была на дне озера в 30—35 м от современной береговой полосы совсем молодым и малоопытным аквалингистом чуть ли не при первом погружении. Опытные его коллеги считают, что это почти сказочное везение. При постоянно меняющейся ситуации на дне озера, когда волны непрерывно перемещают песок, временно обнажая одни участки дна и затягивая другие, даже учитывая феноменальную прозрачность иссык-кульской воды, такую крошечную пластинку металла заметить невероятно трудно.

За примером далеко ходить не надо. В 1984 г. опытный подводник А. Д. Курманенко здесь же на дне озера (глубина около 3—4 м) обнаружил до десятка человеческих склетов. Они лежали на спине в вытянутом положении, головой на север. Аквалангист понимал всю важность находки: открыто одно из размытых кладбищ городища Дархан. Оно дает возможность определить не только погребальный обряд, но и сделать

существенные демографические заключения: серия из десяти черепов позволит определить расовый тип горожан, среднюю продолжительность их жизни и, возможно, причины смерти. А. Д. Курманенко хорошо запомнил место и наметил на берегу створы. Через некоторое время аквалангисты и археологи, которые намеревались сфотографировать скелеты и изъять кости для исследования, нашли на этом месте лишь ровное песчаное дно без малейших признаков кладбища. Озеро умеет хранить свои тайны.

В прибрежной зоне и на дне озера найдены три каменных диска от ручных мельниц и фрагмент жернова, диаметр которого достигал 1,5 м. В 150 м от современной кромки озера в зарослях джерганака лежит цилиндрический молотильный камень. Наиболее частые находки на территории бывшего города — изделия средневековых гончаров.

Керамика собрана на поселении, расположенном к северу от с. Дархан, представлена подъемными сборами со дна озера Иссык-Куль и прибрежной зоны. Она очень фрагментарна, включает обломки лепных и станковых сосудов [10].

Судя по форме венчика и верхней части тулова, основная их часть принадлежала широкогорлым котлам (диаметр венчика 20—35,5 см) с округлым и горизонтально срезанным венчиком, который незначительно отогнут наружу или вытянут вверх, и шаровидным или сферическим туловом. Ввиду фрагментарности изделий, не представляется возможным установить, были они плоскодонными или круглодонными. Можно лишь отметить, что из 10 обнаруженных на памятнике плоских днищ от сосудов неизвестной формы лишь одно принадлежало большому толстостенному котлу с уплощенным дном. Встречены котлы, изготовленные как ручной лепкой, так и с доработкой на гончарном круге. Они сформованы из керамической массы с большим включением отощителя (непросеянный песок). Обжиг сосудов производился в окислительной среде, некоторые котлы прокалены не на всю толщину черепка (он в изломе трехслойный).

Фрагметы горшков немногочисленны. У них округлые, плавно отогнутые венчики, переходящие в невысокую шейку, и широкие плечики. На двух сосудах по

плечикам проходил горизонтально-линейный орнамент. У одного горшка плечики были украшены орнаментальным поясом из разомкнутых элементов зигзага (в виде прописной буквы Г). По всему кольцу венчика с внутренней стороны проходит неглубокий желобок, видимо, сосуд был с крышкой. Он украшен рядом вдавленных кружочков, нанесенных пунсоном. Горшки изготовлены из такой же керамической массы, что и котлы.

Хумы и хумчи предназначались для хранения продуктов. Они представлены единичными экземплярами. Хум слабо профилирован, с выпуклым туловом и массивным треугольным в сечении венчиком, наружный край которого незначительно приподнят (диаметр венчика 39 см). По внешней стороне он украшен прямоугольными вдавлениями, в изломе — темно-оранжевый, прокален не на всю толщину. Хумча имеет округлый венчик (диаметр его 13,5 см), невысокую горловину, плавно переходящую в расширенные плечики.

Помимо этого найден фрагмент стенки сосуда с остатками носика. Сосуд был орнаментирован поясками из горизонтально прочерченных линий, между которыми проходили волнистые линии. Орнамент выполнен четырехзубым инструментом. Интересно отметить, что носик был прикреплен к сосуду после нанесения орнаментации.

Обнаружен фрагмент стенки, видимо, от кувшина с остатками вертикальной, полуовальной в сечении ручки. Сосуд по тулову, ниже основания ручки, орнаментирован семилепестковыми розетками.

На поселении найдено большое количество фрагментов стенок от орнаментированных сосудов. Как правило, орнамент наносился на подсушенные изделия и лишь в единичных случаях он был процарапан по обожженному черепку. Основные орнаментальные зоны — плечики и верхняя часть тулова, довольно редко он выполнялся на венчике и нижней части тулова. Наиболее распространенные приемы орнаментации — прочерченный и врезной. Они наносились одноострийным или многоострийным инструментом (3—9 зубцов). Чаще всего встречался горизонтально-линейный, волнистый, фестончатый, арочный орнамент, зигзаг. Эти виды орнамента наносились на сосуд как самостоятель-

ный узор, так и в сочетании друг с другом, образуя различные композиции: горизонтально-линейный с волнистым, горизонтально-линейный с фестончатым и т. п. Помимо того, стенка одного из сосудов была украшена пересекающимися горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями, нанесенными многоострийным инструментом (6 зубцов).

Штампованный орнамент выполнен штампами-печатями, прямоугольными лопаточками различных размеров, гребенчатым штампом. Наиболее распространенные виды орнамента — розетка, ямочные и ромбические вдавления. Большой интерес представляет фрагмент стенки сосуда, на котором сохранилась часть орнамента в виде четырехлепестковой розетки, в каждом лепестке которой был изображен лежащий козел.

Судя по соотношению лепной и станковой керамики, использованию гончарного круга медленного вращения, некоторым видам орнамента (концентрические круги и др.), данный керамический комплекс можно предварительно датировать VIII—X вв.

Городище Дархан занимало исключительно важное географическое положение — оно контролировало Джуукинский (Заукинский) перевал — наиболее удобный проход через хребет Терской Ала-Тоо в Центральный Тянь-Шань и дальше оттуда — в Фергану и Восточный Туркестан.

Тюп

Еще П. П. Семенов-Тян-Шанский, опираясь на сведения, полученные от местного киргизского населения, отметил подводные развалины на дне залива в устье реки Тюп. Проверить эти сведения не удалось, так как путешественник не смог лично осмотреть место расположения развалин. Тем не менее П. П. Семенов счел возможным включить эти сомнительные данные (правда, с оговорками) в свой «Географическо-статистический словарь».

Примерно через сорок лет после П. П. Семенова следы поселения здесь пытался осмотреть В. В. Бартольд. Опять неудача, так как «о подводных развалинах около устья Тюпа крестьяне села Преображенского (ныне с. Тюп. — *Авт.*) ничего не знали» [11]. Ученого в очередной раз «угостили» полудостоверными рассказами о находках на озере множества кирпичей и изделий из меди: ножей, пик, стрел, топоров, серпов. В доказа-

тельство абсолютной истинности этих рассказов жители с. Преображенского показали В. В. Бартольду большой медный котел, вырытый верстах в пяти вверх по течению от устья Тюпа. Владелец котла запросил за него 30 руб. Ограниченный в средствах ученый не смог уплатить столь крупную сумму. По сходной цене он приобрел лишь медный нож, найденный там же.

Подводные развалины близ Тюпа пытался разыскать и П. П. Иванов. Опять неудача: «Расспросы среди крестьян и рыбаков с. Тюп показали, что значительных развалин здесь в окрестностях нет так же, как и на дне залива» [12]. Ученому рассказали о каких-то «дорогах», которые проложены по дну озера, а местами выходят на сушу. Однако показали зато вполне реальные «морские горшки» (очевидно, хумы), которые очень ценились местными крестьянками за прочность и непроницаемость для жидкостей.

В 1986 г. мы обследовали территорию от с. Тюп до берега залива, подплывали на корабле «Юнга» к устью реки со стороны озера. Следов крупного поселения нам обнаружить здесь не удалось. Остается предположить, что поселение на дне залива близ устья р. Тюп либо плод мистификации, либо оно полностью заилено речными наносами.

Долинка

Случай свел нас с интересным человеком — Ю. Чаловым, рабочим-строителем из города Чолпон-Ата. Он и его маленькая дружная семья влюблены в озеро Иссык-Куль. Сам Юрий увлекается подводным плаванием, охотой и фотографированием. Обзавелся аквалангом, специальным гидрокостюмом, ружьями для подводной охоты. Сам смастерил водонепроницаемый бокс для фотоаппарата. Дно озера в окрестностях города и далеко за его пределами он знает не хуже, чем свою строительную площадку. В домашней коллекции Чаловых хранятся два древних керамических сосуда, добытых на дне озера.

Естественно, что наш первый вопрос был: «Откуда сосуды?» На следующий день Ю. Чалов показал место «добычи». Оно располагалось примерно в 2,5 км к югу от восточной окраины с. Долинка. Керамику можно было собирать прямо на превосходном песчаном пляже и у кромки воды. В прибрежной акватории в течение трех дней вели разведочные погружения аквалангисты

С. С. Прапора. Трофеями их были зернотерки, половина жернова от ручной мельницы и, конечно, фрагменты керамики.

По технике изготовления керамика представлена фрагментами станковой и лепной посуды. Станковая преобладает. По форме и функциональчому назначению делится на несколько типов: котлы, горшки, хумы.

Котлы, судя по сборам на поселении, являются одним из самых распространенных типов посуды. У них прямой или округлый венчик и сферическое тулово. Нижняя часть изделий не сохранилась. Все сосуды широкогорлые (диаметр венчика 19—35,5 см). На некоторых в верхней части тулова прочерчен горизонтально-линейный орнамент (в 1—3 линии). Встречены обломки котлов с горизонтальными ручками округлого и овального сечения. Некоторые у основания орнаментированы глубокими округлыми вдавлениями. Для прочности крепления концы ручки вставлялись в специально проделанные отверстия и примазывались изнутри. Есть и изделия, покрытые толстым слоем сажи. По всей видимости, котлы использовались в качестве кухонной и тарной посуды.

Горшок слабо профилирован, с прямым, выступающим наружу венчиком и расширенным туловом. Сосуд светло-желтого цвета.

Хумы представлены фрагментами двух сосудов. Изделия широкогорлые (диаметр венчика 28—34 см). У одного массивный прямой венчик, расширяющийся на обе стороны, наружный край его утончен и несколько приподнят вверх, образуя широкий желобок. Внешняя сторона венчика украшена тонкими ногтевыми вдавлениями. На плечиках сосуда расположен пояс из вдавленных кружков (Диаметр $^2/_3$ см), рассеченных рельефным крестом. Он выполнен штампом-печатью. Ниже проходил врезной арочный орнамент, под которым почти у основания соединения арок находились три маленьких вдавленных кружочка, расположенных треугольником. Внешняя поверхность сосуда белого цвета.

Встречены стенки станковых сосудов, орнаментированных волнистым, фестончатым орнаментом, пояском из разомкнутых элементов зигзага. Один из сосудов

был орнаментирован пояском из наклонных точечных вдавлений гребенчатого штампа, ниже шел арочный орнамент, под которым располагались горизонтальные линии. Вся орнаментальная композиция выполнена четырехзубым инструментом.

Лепные изделия немногочисленны и представлены единичными экземплярами.

Чаши (2 экз.) округлой формы (найдены только верхние части) со скошенным наружу краем.

Обломок кувшина с утонченным прямым венчиком, скошенным внутрь. Сосуд широкогорлый, с расширенным туловом. К плечикам и верхней части тулова прикреплена вертикальная ручка с заостренным верхним концом.

Соеуд баночной формы с округлым краем и прямыми, плавно расширяющимися к дну стенками. В верхней части тулова сохранились остатки вертикальной ручки. Был ли сосуд с одной или двумя ручками, определить невозможно вследствие фрагментарности изделия. Как и кувшин, этот сосуд тонкостенный. По венчику с внутренней стороны проходит полоса красной краски.

В целом обнаруженный керамический комплекс по ряду признаков (преобладание станковой посуды, качество изделий, их форма и др.) можно предварительно датировать X—XII вв.

На подводных развалинах южнее с. Долинка мы в первый раз (но не в последний) столкнулись с варварским отношением к древностям, на которые ранее было как бы наложено негласное табу. Здесь оскверняли останки людей, умерших и похороненных около тысячи лет тому назад. Отдыхающие из ближайших пансионатов ныряли и поднимали на поверхность черепа покойных. Из них изготовляли иссык-кульские «сувениры» — пепельницы, светильники и даже, уподобляясь гуннским и печенежским князьям, чаши, оправленные металлом. Преступному аморальному промыслу должен быть положен конец.

Койсуу

Если в научном мире наиболее известными стали подводные развалины средневекового города в урочище Койсары, то в мире туристов — развалины к югу от с. Курское. Популярность их объясняется просто: в свое время

В. В. Бартольд связал остатки поселения у с. Курское с мрачной славой хромого «потрясателя вселенной» — эмира Тимура. Средневековый историк Ибн Арабшах писал, что на острове озера Иссык-Куль Тимур построил «небольшое жилище», где содержались пленники, захваченные им во время походов. Позже моголистанский историк и полководец Мухаммед Мирза Хайдар отметил, что эмир Хакк-Берды Бекичек построил тянь-шаньский вариант замка Ифф (Монте-Кристо) — неприступную крепость на иссык-кульском острове в местности Койсуу, где и поселил свою семью. Зачем же понадобилась степному феодалу водная твердыня? Дело в том, что сам эмир совершал постоянные набеги на среднеазиатские города Сайрам и Туркестан. Набеги отвлекали большие воинские силы. Поэтому эмир опасался удара в слабо защищенную «спину» со стороны калмыков. Крепость среди озера должна была обезопасить близких эмира и избавить их от судьбы, подобной той, которую сам Хакк-Берды уготовил жителям Сайрама и Туркестана [13].

К сообщению Ибн Арабшаха, которое не подтверждается другими авторами, нужно относиться если не скептически, то весьма и весьма критически. Действительно, эмир Тимур, начиная с 1371 г., много раз ходил походами на Тянь-Шань. Не один раз после жестоких победных сеч с кочевыми аборигенами он смывал кровь с рук своих в святых водах озера Иссык-Куль. Однако реальной власти над могульскими племенами Тянь-Шаня Тимур не имел никогда. Как только полководец поворачивал свои войска на запад, север или юг, могулы опять занимали свои тянь-шаньские пастбища и готовили коней для похода к сердцу владений обидчика — прекрасному и богатому Самарканду [14]. Такая политическая ситуация едва ли способствовала строительству. К тому же, пленников Тимур, как правило, не содержал близ кочевий их соплеменников, которые внезапным ударом могли их освободить, а гнал в свою столицу. Вот характерная реляция после очередного разгрома тянь-шаньских могулов, написанная биографом эмира Шараф ад-дином Али Йезди: «...избиением и грабежом стирали их (могулов. — *Авт.)* с лица земли, захватив многочисленный полон и несчет-

ную добычу ...погнав ту толпу, привели в Самарканд, вместе с имуществом и добычей»[15].

Однако в словах Ибн Арабшаха есть и правдоподобная нота: напрасно пишут, что Тимур-де, как смерч, нес только разрушения в чужие земли. На развалинах городов он охотно строил... Но строил-то исключительно крепости и тюрьмы! Поэтому сообщение средневекового историка о строительстве «жилища» для содержания пленных на каком-то иссык-кульском острове не выглядит совсем уж невероятным. Только был ли остров?

Более определенными кажутся сведения Мухаммеда Мирзы Хайдара, который указывает местность, где находился остров. К тому же, могульские эмиры не раз строили и перестраивали тянь-шаньские крепости, примером чего могут служить известные Кошой-коргон и Ширдадбек, развалины которых опоэтизированы киргизскими сказаниями.

Первым на подводные развалины у устья реки Чон-Койсуу обратил внимание Г. А. Колпаковский. Всего в одной сажени от берега (уровень озера 1869 г.) и на глубине около аршина ему показали следы построек, назначение которых, по словам исследователя, «было трудно понять». И немудрено. Семиреченский губернатор увидел три параллельные стены на расстоянии всего в аршин друг от друга! Стены не замыкали какого-либо пространства, а, располагаясь перпендикулярно к берегу, уходили далеко в глубину озера. По мнению Г. А. Колпаковского, стены были сложены из обожженного кирпича. Большое количество кирпича было разбросано и у основания стен [16]. Действительно, и нам, как и первооткрывателю, «трудно понять» функциональное назначение и целесообразность подобной постройки.

18 августа 1927 г. часа в 4 пополудни от берега у с. Курское отплыла большая лодка и взяла курс на восток. Вода «без морщинки», солнце яркое, видимость отменная! На веслах сидели сельские рыбаки — большие знатоки секретов озера, которыми они охотно делились с общительным и простым в обращении человеком — приезжим ученым П. П. Ивановым. А секреты? Вот они — в каких-то трехстах метрах от берега и и на глубине всего в 4—6 м. Рыбаки показали ученому

на дне озера зыбкие очертания груды кирпичей, деревянного «моста», площади, выложенной квадратными кирпичами, осколков сосудов. Кто помоложе, по просьбе Павла Петровича ныряли на дно озера за кирпичами, измеряли длину и толщину бревен «моста», поднимали фрагменты керамики. В одном месте удалось заметить совершенно целый конической формы кувшин. «Мой «водолаз» пытался его достать, — писал П. П. Иванов, — но оказалось, что сосуд своим нижним краем «врос» в дно и оторвать его можно только с риском расколоть самый кувшин» [17]. «Ловцы древностей» вернулись домой только после захода солнца.

П. П. Иванов обратил особое внимание на вымостки из бревен, которые располагались не на одной прямой и под углом друг к другу. Однако его объяснение функционального назначения бревенчатого настила(крыши подземных сооружений) едва ли выдерживает критику. Какие могут быть подземные сооружения на острове, если траншея глубиной всего в 0,5 м, вырытая неподалеку от настила в 1986 г., в 3—4 часа заполнилась грунтовыми водами? Примерно такие же результаты были получены и иными исследователями, пытавшимися вести раскопки близ берега озера [18].

В целом ученый с помощью рыбаков хорошо разобрался в ситуации: «Неподалеку от берега (метрах в 200) под водой почти перпендикулярно береговой линии тянется возвышенность, на которой и расположена главная масса кирпича... По обеим сторонам засыпанного кирпичами пространства видны обрывы... Вполне возможно, что исчезнувший остров «в местности Кой-Су» был именно здесь... Значительная площадь, густо засыпанная кирпичом и отчасти грудами камней и плит в районе осмотренных деревянных «мостов», как нельзя более указывает на существование здесь в былое время сооружения, каковым могла быть, например, построенная в XV в. на острове эмиром Хакк-Берды Бекичеком крепость» [19].

Загадочных стен, изумивших Г. А. Колпаковского своим нелепым взаиморасположением, П. П. Иванов не видел.

Более чем через тридцать лет выводы П. П. Иванова подтвердил Д. Ф. Винник, который сосредоточил работы сезона 1939 г. в основном на подводных разва-

линах близ с. Курское. Положение за это время значительно изменилось: озеро еще более отступило от прежней береговой линии. Если в 1927 г. кирпичи лежали на глубине 4—6 м, то в 1959 г. — на метр ближе к поверхности, самая высокая часть отмели в 1953—1954 гг. полностью освободилась от воды и стала островом. Пионеры близлежащего лагеря «Чайка» назвали его в честь пионера-героя «Островом Вали Котика». Они сами соорудили здесь незатейливый обелиск, на котором увековечили имя своего сверстника-героя [20].

Аквалангистам в тот сезон удалось сделать и ряд существенных дополнений к описанию подводных развалин, сделанных П. П. Ивановым. Если последний сделал лишь визуальные наброски плана взаиморасположения «моста» и «кирпичных полов», то в 1959 г. был сделан подробный план подводных развалин, где были учтены не только бревенчатые настилы, но и вновь открытые постройки из кирпича, колья деревянной изгороди, фундаменты и остатки стен, каменные вымостки. Кроме того, аквалангисты сумели собрать приметную коллекцию материальной культуры, включающую строительные материалы, водопроводные трубы и немного осколков керамической посуды. Исследуя бревенчатый настил, аквалангисты открыли стену, сложенную из крупных камней. Стена была расположена как раз на краю крутого откоса отмели, за которым глубина сразу достигает 30 м. На верхние камни стены были уложены торцы бревен настила, основная часть которого лежала на песке отмели. На такие же каменные опоры у края обрыва был уложен и второй бревенчатый настил. Вновь открытые факты, по мнению Д. Ф. Винника, подтверждают мысль П. П. Иванова о подземных сооружениях на острове [21].

Еще через четверть века развалины у с. Курское были обследованы авторами этих строк. Уровень зеркала озера за это время понизился настолько, что к обелиску, сооруженному в честь Вали Котика, мы добирались не на лодке, а свободно подъехали на экспедиционном рафике. Отмель почти полностью обнажилась. Водой покрыта только ее западная часть, но и здесь глубина такая, что свободно расхаживают кулики. Остров стал полуостровом. На бревенчатом настиле можно было сидеть свесив ноги, и не замочить их озерной во-

дой. Трудно себе представить, что, даже подпрыгнув, мы далеко не сумели бы дотянуться до киля лодки, в которой, казалось бы так недавно, проплывали над отмелью аквалангисты Д. Ф. Винника (а наши однокашники по историческому факультету КГУ) В. Буканев и Б. Кочнев. А в лодку П. П. Иванова с современной поверхности едва-едва запрыгнул бы со своим шестом знаменитый Сергей Бубка.

На полуострове у нас окончательно оформилась давно зревшая, казалось бы, парадоксальная мысль: разведку подводных городов гораздо эффективнее производить именно тогда, когда они находятся под водой. Сейчас полуостров занесен толстым слоем песка, который скрыл былые остатки строений. Его уже не смывают крутые волны. Большая часть территории заросла буйным джерганаком. Где площади, вымощенные кирпичом и булыжником? Где колья ограды и стены строений? О наличии их сейчас никто бы не догадался. Теперь эта местность ничем не отличается от других привычных иссык-кульских пляжей. Только по планам подводных развалин, составленным некогда П. П. Ивановым, а потом Д. Ф. Винником, будущий исследователь, заложив обширный раскоп и затратив массу труда, сумеет найти те объекты, которые его предшественники визуально фиксировали сидя в лодке. А может быть и не сумеет. Дело в том, что и в наши дни для местных жителей высококачественный средневековый суперкирпич продолжает оставаться желанным и даровым строительным материалом. Еще Г. А. Колпаковский писал, что из кирпича, поднятого со дна озера близ Чон-Койсуу, был построен гумбез над могилой какого-то Бамбая [22]. Несколько десятков лет местные жители, как и в урочище Койсары, растаскивали бесценные для науки архитектурные памятники времени становления киргизской народности для постройки печей. Д. Ф. Винник отметил несколько гумбезов на кладбищах близ сел Чон-Сары-Ой и Курское, построенных из средневекового кирпича, который доставали, разрушая подводные архитектурные сооружения.

В сезон 1986 г. мы заложили траншею на том месте, где на плане Д. Ф. Винника значится постройка из обожженного кирпича. Постройка была довольно внушительной: одна стена, как ее видели аквалангисты,

сохранилась на 7,5 м в длину, другая — на 3,3 м. Ширина и высота стен была около полуметра. Траншея шириной в 2 м и длиной 12 м была заложена в 70 м (согласно плану) к югу от второго бревенчатого настила. Трасса траншеи была проложена с северо-востока на юго-запад, т. е., согласно расчетам, она должна была пересечь обе стены под углом. В траншее были обнаружены куски кирпича и фрагменты керамики, найдена гигантская керамическая плита (51×51×6,5 см) и обломки от подобной ей, отыскали даже маленькую пятнадцатикопеечную монету выпуска 1939 г., но громадных стен не обнаружили. Слабым утешением была находка в траншее кусочка изразца, покрытого с одной стороны голубой глазурью. О подобных изразцах со слов рыбаков упоминал П. П. Иванов. Плитки с голубой глазурью находил и Д. Ф. Винник. Находки таких плиток важны тем, что вполне определенно датируют постройки XIV—XV вв. Неудачи раскопок можно объяснить многими обстоятельствами. Наиболее вероятное из них: в промежутке между 1959 и 1986 гг. опять кому-то понадобилось строить либо печь, либо гумбез.

Наша траншея довольно быстро заполнилась водой. Нам, увы, осталось только рекультивировать нарушенный раскопками чудесный иссык-кульский пляж.

Здесь же на полуострове мы столкнулись с геологическим новообразованием конгломератного типа. Оно тянется вдоль западного мелководного нынешнего берега залива и вполне напоминает разрушенную стену, плотно сцементированную из песка и озерной гальки. Достоверность имитации постройки усиливается тем, что кое-где в конгломерат включены плотно сидящие в нем средневековые кирпичи. В одном месте новообразования всего на расстоянии 0,5—0,7 м тянутся параллельно друг другу. Не исключено, что подобный природный феномен в свое время ввел в заблуждение Г. А. Колпаковского, который, как уже упоминалось, видел три ряда стен близ Койсуу.

Серьезные опасения в наши дни вызывает судьба бревенчатого настила. Его разрушают отдыхающие. Бревна, срубленные на северных склонах Кунгей Ала-Тоо свыше полутысячи лет тому назад и с большим трудом доставленные к берегу, сейчас бездумно и бес-

цельно, прилагая при этом значительные усилия, вырывают из настила и за ненадобностью бросают в воду. Они тонут, наши аквалангисты на глубине около 10 м обнаружили четыре затонувших бревна.

Обследование каменной стены, на верх которой опирается торцовая часть бревенчатого настила, убедило нас в том, что эта стена была сложена не для постройки какого-то подземного сооружения, как предполагали наши предшественники, а для укрепления берега острова с целью предотвращения его от размыва волнами озера.

В настоящее время факт постройки дворцового типа на острове (или полуострове) близ с. Курское не вызывает сомнения. Постройка была парадной, о чем убедительно свидетельствуют изразцы с голубой глазурью и фигурные плитки с рельефным узором. Стены построек были разрушены очередной трансгрессией озера и хищнической деятельностью местных жителей.

Зафиксированные учеными сохранившиеся до наших дней следы строительных работ относятся, на наш взгляд, не столько к истории архитектуры, сколько к истории инженерной мысли средневекового Киргизстана. Неведомому зодчему, получившему задание от какого-то феодала, будь-то Тимур, Хакк-Берды Бекичек или кто иной, до начала возведения стен нужно было решить нелегкую задачу: а на что же будет опираться его творение? Он хорошо знал древнюю истину: дворец можно строить только после стабилизации зыбкой почвы, нельзя, да и невозможно, строить на песке. Технические приемы стабилизации почвы острова подсказывала сама природа. Восточный берег, круто уходящий в воду на глубину до 30 м, откуда можно было ожидать наиболее сильных ударов волн, укрепили каменной стенкой и бревенчатым настилом. Пески центральной части острова закрепляли вымосткой из специально изготовленных более чем полуметровых керамических плит. Плиты были, конечно, дорогим материалом, поэтому для закрепления песка использовались и вымостки булыжником. Кое-где стабильность почвы достигалась забивкой свай. Так, Д. Ф. Винник только на небольшом участке насчитал 58 таких свай, которые отделялись друг от друга расстоянием от 0,5 до 0,8 м [23]. Трактовать сваи как ос-

татки изгороди едва ли возможно, так как среднеазиатская средневековая архитектура всегда применяла изгородь только типа дувала. Система инженерных мер по укреплению почвы острова, как видим, была довольно эффективной и сохранилась до наших дней.

Закончить тему о развалинах Койсуу мы сочли нужным отнюдь не археологическим сюжетом. Более чем скромный самодеятельный обелиск, который возвели здесь пионеры в середине 50-х годов в честь Героя Советского Союза пионера Вали Котика, оказался забытым. За ним уже не ухаживают пионеры конца 80-х годов, не звучит здесь горн, не гремит барабан, не звенят пионерские песни, не звучат торжественные клятвы верности Родине и делу Ленина. Сейчас территорию близ обелиска прочно закрепили за собой взрослые дяди и тети, которые зачастую поют совсем не пионерские песни. Не пора ли соответствующим организациям Иссык-Кульского района и, прежде всего райкому комсомола и райвоенкомату, возродить былую пионерскую традицию и воздвигнуть здесь памятник, достойный подвига юного героя? Патриотическое и интернациональное воспитание от этого только выиграет.

Тору-Айгыр

Подводные развалины юго-западнее с. Тору-Айгыр были открыты случайно. Летом 1985 г. по северному берегу Иссык-Куля распространился слух о «находке века» на дне озера близ туристической базы «Улан». Сообщалось как вполне достоверный факт, что повар турбазы, увлекающийся подводным плаванием, нашел глубоко под водой кирпичный дом с деревянной дверью. Когда повар потянул за ручку на себя, то дверь распахнулась и он свободно вплыл в комнату. Здесь подводного пловца ожидало неслыханное везение: посередине комнаты (по другому варианту — в углу) лежала груда золотой и серебряной посуды. Три ночи повар доставал сокровища и прятал в укромном месте, а затем внезапно уехал домой в Ташкент, прихватив с собой всю посуду и дверную ручку впридачу. При ближайшем рассмотрении она оказалась из чистого золота. Сказка? Конечно, но и в ней, несмотря на весь наш скепсис, как и во всякой сказке оказалась доля истины.

В августе того же года мы завернули в «Улан». Старший инструктор Э. Кауль подтвердил только часть

слухов, притом ту, которая меньше всего интересовала археологов: повар-ташкентец был, он увлекался подводным плаванием, уволился по семейным обстоятельствам, но уехал, как приехал, со сменными рубашками и бритвенным прибором в портфеле. «А не интересует ли вас глиняная посуда?» — спросил старший инструктор, когда тема, казалось, была уже исчерпана. И он показал нам солидную коллекцию средневековой керамики, которая хранилась в одной из кладовых. Оказалось, что вся она была собрана на дне озера близ «Улана» и предназначалась для будущего музея турбазы. Что ж, нет худа без добра. Открыто новое, самое западное местонахождение подводных развалин на северном берегу озера Иссык-Куль [24].

Сведения Э. Кауля были полностью подтверждены в сезон 1986 г. сотрудником нашего отряда В. М. Блиновым, получившим специальность легкого водолаза во время прохождения срочной службы на Дальнем Востоке. Он обследовал обширную акваторию (800×400 м) озера к югу от восточной части территории турбазы «Улан».

Здесь рельеф дна неровный, есть возвышенности и глубокие впадины, грунт — глина, покрытая илом и песком. Растительность полностью отсутствует. Видимость зависит от погоды и часто не превышает 0,4—0,5 м, что значительно затрудняет подводный поиск. В районе поиска проходит сильное придонное течение, направленное с востока на запад. Оно перемещает песок и ил, обнажая одни и погребая другие участки дна. Течение часто меняет придонную ситуацию так, что обследованный сегодня объект можно не найти завтра. Учитывая эти обстоятельства, В. М. Блинов использовал систему легких буйков, которые значительно облегчали ориентирование.

На расстоянии 250 м от береговой линии на глубине 3,5 м аквалангист обнаружил вымостку из обожженного кирпича (28×14×5,5 см). Это был участок неправильной формы, площадью 17,5 кв. м. Кирпич был уложен в «елочку» и скреплен очень плотным раствором, не поддающимся даже воздействию металла. Толщина промазки между кирпичами 0,5 см. На значительном расстоянии вокруг выкладки валяются куски и целые экземпляры кирпича. По всей вероятности, здесь было

помещение, пол которого и составляла фигурная кирпичная кладка. Даже оснований стен этого помещения, несмотря на все усилия, В. М. Блинову обнаружить не удалось. Если стены были сложены из сырцового кирпича, то их, конечно, размыли воды озера, а если из обожженного, — они вполне могли пойти на вымостку пола, как отметил еще В. В. Бартольд, «на старой Тору-айгырской станции» [25].

В 300 м от берега на глубине до 3,5 м прямо на илистом грунте был обнаружен «ящик», сложенный из обожженного почти квадратного кирпича (13×12×5 см). Боковые стенки и дно — в один кирпич. Размеры «ящика» 40×20×12 см. Рядом с этим сооружением неизвестного назначения было большое скопление керамики. Несколько мористее на глубине 4 м сохранились остатки стен помещения (2×2 м), стороны которого ориентированы по странам света. Стены в высоту сохранились всего на четыре кирпича. Пол покрыт очень прочным цементирующим раствором.

Остатки монументального строительства из обожженного кирпича на дне озера близ с. Тору-Айгыр в наши дни, как и следовало ожидать, сохранились не лучше, чем в урочище Койсары и на «острове Тимура». Тем самым слухи о «сокровищнице с деревянной дверью и золотой ручкой» получили документальное опровержение.

Изделия из камня на городище Тору-Айгыр представлены четырьмя жерновами метрового диаметра и толщиной от 8 до 12,5 см. Привести в движение такую махину могла только сила животных или, скорее всего, сила падающей воды.

По территории подводного городища без какой-либо системы были разбросаны скелеты людей, древних его насельников. Положение скелетов разное: вытянут на спине головой на север, запад или юг; на боку. Иногда попадался череп без скелета, в другой раз — наоборот. Сейчас трудно объяснить это обстоятельство. То ли здесь жили люди с самыми различными религиозными воззрениями, а следовательно, и с различным погребальным обрядом, то ли произошла неведомая нам катастрофа, при которой погибшие остались непогребенными. Дальнейшие археологические и антропологические работы прольют свет и на этот вопрос.

Улахол

В сезон 1986 г. мы обратились за гидрографической консультацией к известному исследователю ихтиофауны Иссык-Куля А. Конурбаеву, который в то время возглавлял Биологическую станцию АН Киргизской ССР в г. Чолпон-Ате. В заключение беседы, узнав о наших интересах, ученый показал нам великолепной сохранности керамический круглодонный котел с двумя горизонтальными ручками подтреугольной формы. По его словам, котел подарили ему рыбаки, которые извлекли находку со дна озера близ с. Улахол. На дне котла, доверху забитом илом и песком, сохранились даже кости барана. Кости были направлены в одну из лабораторий Московского университета, где они были датированы XIV в. На вопрос, были ли близ места находки котла еще какие-либо фрагменты керамики, кирпичей и других индикаторов подводных поселений, ученый ответить не мог, так как получил котел через третьи руки. Фамилии и адреса рыбаков, обнаруживших котел, тоже остались неизвестными. Котел А. Конурбаев оставил в своей домашней коллекции как будущий экспонат музея Иссык-Куля, проект которого давно вынашивает этот истинный знаток и патриот нашего озера. Мы произвели замеры, зарисовку и фотофиксацию интересной находки, решив при случае обследовать дно озера близ с. Улахол с помощью аквалангистов.

В конце сезона 1987 г. сотрудница нашего отряда — молодой кемеровский археолог Е. А. Миклашевич встретила жителя г. Рыбачье С. П. Багрина, который поведал ей историю о котле, найденном на дне озера близ с. Улахол. Он подтвердил, что котел был передан на Биологическую станцию. Концы сошлись. С. П. Багрин рассказал, что большая площадь на озера в районе находки буквально усеяна фрагментами керамики. Здесь же с лодки он видел каменный жернов. Перечисленные признаки достаточны для вывода: на дне озера близ с. Улахол находятся развалины средневекового поселения, которое просуществовало минимум до XIV в. Однако и на сей раз проверить и документировать полученные сведения не удалось. Аквалангисты уже отбыли в Москву. Точное выяснение местонахождения этого поселения и его исследование отложим до будущих времен.

Я к знаньям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.

Юсуф Баласагунский

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Процесс средневековой урбанизации (от латинского urbanus — городской), начавшийся в Средней Азии в VI в., уже в VII—VIII вв. затронул Прииссыккулье. Сущность этого явления раскрыл К. Маркс: «Урбанизация — это целостный процесс, содержанием которого являются изменения культурного значения и социальных функций, городской концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей» [1]. Ученые пока не располагают необходимыми источниками, которые позволили бы с достаточной полнотой осветить жизнь городов Прииссыккулья в VIII—XIV вв. Поэтому наше повествование, как и наши источники, будет отрывочным, разрозненным и далеко не полным.

Письменные источники упоминают названия только пяти иссык-кульских городов. Кроме них археологи открыли около сотни мелких поселений. Этот факт свидетельствует в пользу того, что плотность населения иссык-кульской котловины к XI—XII вв. едва ли была намного меньше, чем в наши дни. У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: «А где же эти города? Где Барскхан, который был якобы не меньше столицы Ташкентского оазиса? Где Яр, равный Отрару? А где таинственный город Иссык-Куль и монастырь «армянских братьев»? Ответы ученых на эти вопросы неоднозначны.

Видный советский археолог А. Н. Бернштам, например, не сомневался, что развалины близ Койсары и есть исторический город Верхний Барскхан — центр одноименной области. В то время эта идентификация не вызывала сомнений, так как другие развалины

крупных средневековых поселений в Восточном Прииссыккулье ученому не были известны. Д. Ф. Виннику близ устья р. Барскаун, недалеко от кромки озера удалось обнаружить впечатляющие средневековые развалины площадью 4×4 км. Это обстоятельство позволило ему отождествить город Верхний Барскан с открытым городищем, с тем большим основанием, что рядом протекала одноименная река [2].

Однако не все так просто. Историческая топография городища Барскаун — четырехугольник стен (торткуль) — не соответствует топографии согдийских городов, где непременными элементами являются наличие высокого холма (цитадели) и примыкающего к нему города (шахристана). Четырехугольная планировка быха характерна, начиная с X в., для поселений тюрок. Мы же помним, что, согласно Гардизи, город Верхний Барскан был основан не тюрками, а выходцами из Ирана или Средней Азии. Вопрос об идентификации знаменитого города остается открытым.

На современном уровне наших знаний мы не можем с достаточной определенностью сказать, где находились города южного побережья озера Хол (современный Улахол?) и Яр (близ Рыбачьего?). Идентификация их — дело будущего. Но зато с достаточной определенностью можно сказать, где был город Тон. Еще В. В. Бартольд, посетив развалины Хан-Дюбе, которые располагались на левом берегу р. Тон, высказал предположение, что здесь и располагался исторический город Тон [3]. В настоящее время нет оснований оспаривать это отождествление.

Еще меньше данных для определения местонахождения единственного города северного побережья озера, упомянутого в письменных источниках под названием Иссык-Куль. На северном побережье известны только два пункта, где отмечены крупные средневековые развалины: Каменское городище, которое расположено севернее восточной окраины с. Джаркинбаево, и подводные развалины близ с. Тору-Айгыр. С городом Иссык-Куль, по-видимому, был связан христианский монастырь «армянских братьев». На северном берегу озера христианские надгробные надписи найдены только близ с. Тору-Айгыр. Но они выполнены не армян-

скими графемами, а сирийскими. Поиск города должен быть продолжен.

Как выглядели иссык-кульские горожане?

Портреты средневекового населения городов Прииссыккулья до нас не дошли. Тем не менее антропологи хорошо представляют себе внешний облик горожан того времени. Они определяют его по черепам, которые добывают археологи при раскопках средневековых городских кладбищ. На Иссык-Куле в 1971 г. частично раскопан только один некрополь, располагавшийся к северу от городища Хан-Дюбе. Здесь получено 59 черепов из погребений жителей X—XII вв. исторического города Тон. Эту довольно представительную серию черепов тщательно изучил тогда еще молодой специалист, а ныне ведущий ученый-антрополог Средней Азии Т. К. Ходжайов.

В целом горожане по своему расовому типу были европеоидами с примесью монголоидности. Они были очень похожи на жителей Невакета (городище у с. Красная Речка) и тех христиан, которые были похоронены на кладбище XIII—XIV вв. близ г. Фрунзе. Иссыккульцы были близкородственны и жителям городища X—XII вв. Бейшеке (Таласская долина), хотя и отличались от них несколько ярче выраженной монголоидностью. По мнению Т. К. Ходжайова, европеоидный тип горожан Киргизии того времени восходит своими корнями к древним сакским и усуньским племенам.

Средняя продолжительность жизни горожан Тона исчисляется 26,7 годами. Она была несколько выше, чем в целом на территории нашей страны в средневековье, где средняя продолжительность жизни, по определению В. П. Алексеева, едва превышала 20 лет. Иссык-кульские мужчины тогда были «долговечнее» женщин: они жили в среднем 34,9 года, а женщины — только 31,5 года. На кладбище средневекового г. Тон не было похоронено ни одного человека старше 55 лет. Довольно высокой была детская смертность [4].

Иными антропологическими фактами, позволяющими пролить свет на демографические процессы в средневековых городах Прииссыккулья, наука не располагает.

Религия

Письменные источники с разной степенью достоверности сообщают, что население средневековой Киргизии исповедовало несколько различных религиозных систем: христианство несторианского толка, буддизм, маздеизм, манихейство, ислам. Ныне известные эпиграфические памятники и, в меньшей степени, археологические материалы Прииссыккулья подтверждают функционирование здесь только христианства, буддизма и ислама.

Христианство. В середине 80-х годов XIX в. научный мир С.-Петербурга, Москвы и других европейских столиц был взбудоражен далеко не ординарным событием: в Пишпекском уезде Семиреченской области землемер Т. Андреев, отводивший земельные угодья для крестьян с. Лебединовки, обнаружил на камнях (кайраках) изображения странных крестов, окруженных непонятными письменами. Вскоре такие же памятники на городище Бурана (близ Токмака) обнаружил врач Ф. В. Поярков. Крупнейшие специалисты (некоторые из них с мировой известностью) буквально набросились на первые фотографии и эстампажи, поступавшие из Пишпека и Токмака. Материалы поражали своим обилием. Только близ Пишпека чиновник для особых поручений при семиреченском губернаторе Н. Н. Пантусов насчитал 611 камней с надписями. Ученые вскоре выяснили, что на семиреченских камнях были выбиты эпитафии (надгробные надписи) христиан несторианского толка. Позже такие же эпитафии были найдены в Ташкенте, Илийской долине и близ Кульджи [5].

Следов пребывания христиан в Прииссыккулье сравнительно немного. Еще в 1907 г. у р. Жууку (Зауке) было найдено два кайрака с несторианскими письменами [6]. В 1963 г. житель Джеты-Огузского района Бапаев у с. Саруу нашел еще одну эпитафию [7]. На стене высокогорной пещеры Ак-Чункур (бассейн р. Сары-Джаз) военный топограф и альпинист В. И. Рацек обнаружил и скопировал изображение несторианского креста. Он был нарисован черной краской, рядом — непонятные письмена [8].

Некоторые археологические свидетельства о христианстве на Иссык-Куле требуют дополнительного изучения и тщательной проверки полевыми исследования-

ми. Еще в прошлом веке в Ташкентском историческом музее В. В. Бартольд видел покрытую синей глазурью керамическую вазу, которую доставили туда с Иссык-Куля. На ней были изображены двенадцать человеческих фигур нетюркского облика. Количество фигур необычного для Семиречья облика вызвало предположение, что на вазе были изображены 12 апостолов — сподвижников Иисуса Христа. В. В. Бартольд усомнился в такой трактовке, так как заметил среди изображений женскую фигурку с ребенком [9]. Иссык-кульская ваза, на наш взгляд, требует дополнительного изучения в связи с тем, что христианская символика несториан Семиречья (кроме характерных крестов и сцены жертвоприношения огню с двумя человеческими фигурами) практически неизвестна.

Среди материалов краеведа Н. Д. Черкасова хранилась фотография валуна с изображением типичного несторианского креста. По словам Н. Д. Черкасова, снимок был сделан на Иссык-Куле в окрестностях с. Тору-Айгыр. Наши попытки найти этот валун пока не увенчались успехом.

Кто такие христиане-несториане и как они попали на Иссык-Куль? Несторианство как религиозное течение возникло в Византии в первой половине V в. Основателем его был константинопольский патриарх Несторий (умер около 451 г.). В противовес мистицизму ортодоксальной церкви, утверждавшей, что Иисус есть сын божий и бого-человек, несториане проповедовали, что Иисус — человек и сын человеческий, который по наитию святого духа стал мессией (Христом). Были и другие разногласия, которые не выходили за рамки схоластических споров, пока не обозначились социальные корни и политическая направленность несторианства. Патриарха Нестория решительно поддержали горожане, особенно ремесленники и купцы, среди которых еще держались традиции античного рационализма. Особо сильны были несториане в византийской провинции Сирии. Горожане-несториане выступали за сильную власть императора, которая способствовала развитию ремесла и торговых связей, а следовательно, и процветанию городов. Ортодоксальная церковь, наоборот, делала все возможное для ограничения власти императора и даже пыталась сконцентрировать

светскую и духовную власть в руках папы римского. Противоречие стало непримиримым. На Эфесском церковном соборе в 431 г. победили сторонники папы во главе с фанатичным епископом Кириллом Александрийским, опиравшимся на земледельцев глубинных районов Египта, Палестины и Малой Азии. Учение Нестория было объявлено ересью, сам патриарх отправлен в ссылку, а его сторонники подверглись гонениям. Сначала они бежали в Иран и Среднюю Азию. К VIII в., как свидетельствуют археологические данные, они добрались до Таласской и Чуйской долин. На городище Ак-Бешим (средневековый город Суяб) были раскопаны христианская церковь и кладбище христиан вокруг нее. В г. Невакете (Краснореченское городище) тоже проживала христианская община, о чем свидетельствуют находки намогильных кайраков с эпитафиями и погребений, где на скелетах лежали бронзовые и нефритовые типично несторианские кресты [10]. Есть сведения, что тюркское племя, называвшееся джикиль (или часть его), которое, как нам известно, проживало в окрестностях озера Иссык-Куль, в частности, близ города Яра, уже в VIII в. приняло христианство [11].

В конце XII в. Кашгар и Семиречье, а значит и территория Прииссыккулья, входили в одну несторианскую митрополию. Наибольшего влияния на территории Киргизии христианство достигло во времена правления первых ханов-чингизидов. Ханы Гуюк, Менгу и Хулагу покровительствовали несторианам. Если верить землепроходцу Марко Поло, то хан Джагатай сам принял христианство. Правда, как определил В. В. Бартольд, подобные сообщения мало чего стоят, так как европейские миссионеры, стремясь выдать желаемое за действительное, «часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианам» [12].

На Иссык-Куле, согласно Каталонской карте 1375 г., проживали христиане не только несторианского толка, но и последователи одной из ересей, распространенных среди армян (павликане, тондракийцы?). На этой карте, на северном берегу озера было изображено здание, увенчанное крестом, с пояснительной надписью. «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте —

монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста» [13]. Сведения Каталонской карты косвенно подтверждаются текстом одной из эпитафий, найденной близ Пишпека Н. Н. Пантусовым при раскопках христианского кладбища. Надпись оказалась сиро-армянской. Она гласила, что здесь в 1323 г. был похоронен армянский епископ Иоан. Специальную статью этой надписи посвятил академик Н. Я. Марр. Он сделал вывод, что этот памятник указывает «на более или менее значительную колонию армянскую, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины» [14].

Немногочисленные иссык-кульские памятники христиан относятся ко времени монгольского господства, то есть к XIII—XIV вв.

Буддизм. В 1956 г. мировая общественность отметила 2500-летие со дня смерти (погружения в нирвану) Будды Гаутамы, или принца Шакьямуни, — основателя одной из трех самых распространенных в наши дни религий — буддизма. На рубеже нашей эры буддизм проникает в южные районы Средней Азии и в Китай. В VIII в. в городах Чуйской долины жили многочисленные общины буддистов, о чем свидетельствуют раскопки храмов, монастырей, находки бронзовых позолоченных изображений божеств буддийского пантеона, барельефы с буддийскими сценами на камне, буддийская символика в орнаментации керамики. Эти материалы свидетельствуют, что буддизм проник в чуйские города из Средней Азии, скорее всего, из Тохаристана [15]. Носителями этой религии были переселенцы, не желавшие попрать веру отцов и в угоду завоевателям-арабам обратиться в правоверных мусульман.

Ничего подобного в местах затонувших городов на Иссык-Куле пока не найдено. Буддийские памятники в окрестностях озера представлены пока только тибетскими текстами, содержавшими известную религиозную формулу: «Ом мани падме хум» («Ом! Драгоценность на лотосе. Хум!»). Наиболее известными являются четыре выразительных текста в ущелье Тамга, высеченные в строгом монументальном стиле, когда вокруг

букв вырублена поверхность камня, что делает их рельефно-объемными.

Местное население сложило легенду о ближайшем к озеру камне, именуемом Тамга-Таш («Камень с клеймом»), который как определили исследователи, раскололся на две части еще до нанесения надписи. Согласно легенде, текст надписи на нем содержит реестр богатых трофеев, добытых любимым героем киргизских эпических сказаний Манасом в одном из удачных походов. К тому же, камень является зримым свидетельством богатырской силы героя, который ударом сабли якобы развалил монолит надвое. Тамга-Таш был настолько популярным, что его имя закрепилось за рекой, на берегу которой он лежит, ущельем, по которому бежит река, и за всей местностью, прилегающей к ним. Имя «Тамга» носит известный киргизский курорт.

Тамгинские надписи, как полагают ученые, были нанесены самими тибетцами во время их господства в Восточном Туркестане, то есть в промежутке между серединой VII — серединой IX в. [16].

Надписи молитвенной формулы «Ом мани падме хум» найдены в ущелье р. Жууку, в урочище Ак-Терек (близ местечка Думана), у с. Ой-Тал Тюпского района, в урочище Ак-Улен, где еще в 1937 г. Б. М. Зима собрал 17 камней с тибетскими письменами, близ с. Чон-Сары-Ой [17]. Эти надписи гораздо меньших размеров, выполнены небрежно, неумелой рукой и датируются XVII— первой половиной XVIII в. Они не имеют отношения к средневековым городам Иссык-Куля, которые к этому времени давно поглотили волны озера.

Ислам. Надежным индикатором ислама в свете археологических данных являются культовые сооружения, погребения и намогильные эпитафии. При раскопках койсаринских развалин был обнаружен фундамент мавзолея (гумбеза) с погребениями без инвентаря. Подобные мавзолеи были широко распространены в мусульманском мире. Обычно они воздвигались на могилах знати, купечества или видных религиозных деятелей. Мавзолеи представляют собой монументальные архитектурные сооружения, которые вписывались в городские ансамбли, определяя лицо средневекового мусульманского города. Четыре таких мавзолея открыто

на городище Бурана. Три мавзолея в г. Узгене вместе с минаретом (XII в.) и сейчас, особенно после реставрации, радуют своим совершенством и красотой [18]. Только изредка мавзолеи строили вне городских стен. Таковым, например, является памятник XIV в. известный как «гумбез Манаса» [19].

Под водой в месте расположения средневековых поселений у сел Дархан, Долинка, Тору-Айгыр были найдены скелеты людей, лежащие ровными рядами на расстоянии 1,5—3 м друг от друга. Скелеты в основном покоились на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища или согнуты в локтях, а кисти сложены на груди. Есть все основания полагать, что эти скелеты указывают на места, где были расположены средневековые некрополи (кладбища) затонувших городов. Такие некрополи не раз встречались при раскопках городищ в Киргизии, в том числе и на Иссык-Куле [20]. Здесь при раскопках городища Хан-Дюбе (исторический город Тон) к северу от второго кольца мощных крепостных стен был обнаружен обширный городской некрополь, где было вскрыто два типа погребальных сооружений: 1—наземные склепы из сырцового кирпича (кладка без раствора), которые имели плоское или двускатное перекрытие; 2 — могильные ямы со стенками, обмазанными глиной, с деревянным перекрытием. Захоронения были расположены рядами, скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, головой на север [21]. Связь между некрополями, находящимися под водой, и некрополем городища Хан-Дюбе очевидна. Естественно, что под водой мы никогда не найдем склепов из сырцового кирпича, да еще и сложенных без скрепляющего раствора. Их давно размыли волны озера.

Погребения такого типа датируются X—XII вв. и вполне обоснованно считаются мусульманскими.

Самым убедительным доказательством исповедания ислама населением средневекового Прииссыккулья являются многочисленные намогильные эпитафии. Вот содержание одной из них: «Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемилостивого, всемилосердного. Засвидетельствовал бог, что нет бога, кроме него; и ангелы и люди знающие, соблюдая справедливость [исповедуют]: нет бога, кроме него, всемогущего, муд-

рого; поистине [настоящая] вера перед богом—ислам. Да благословит бог Мухаммеда, пророка...» Снимок с этой надписи, найденной на Иссык-Куле, в 1913 г. прислал священник Д. П. Рождественский. Прочитал и перевел ее В. В. Бартольд. Он же определил, что содержание надписи передает один из стихов Корана [22].

Исламизация населения Прииссыккулья, как и всей Северной Киргизии, была осуществлена во время господства Караханидов, т. е. в X—XII вв. Однако наряду с исламом часть горожан продолжала исповедовать христианство. Позиции ислама как государственной религии при господстве кара-китаев и первых ханов-чингизидов были даже потеснены христианством и буддизмом. Такое положение продолжалось до конца XIV в., когда монгольские ханы приняли ислам и с фанатизмом неофитов стали силой насаждать учение Мухаммеда среди последователей Шакьямуни и Иисуса Христа.

Письменность

Вопрос о времени появления собственной письменности на территории Киргизии остается открытым. Самые древние письмена в Семиречье найдены на чаше в кургане Иссык (IV — начало III в. до н. э.). Надпись из Иссыка дала основание для двух гипотез: 1) еще у саков и усуней существовала собственная письменность; 2) иссыкское письмо является еще неизвестным и недешифрованным древнебактрийским. Как бы там ни было, до полной расшифровки всякое заключение о языке иссыкской надписи и ее национальной принадлежности будет преждевременным [23]. Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что коренное население Киргизии овладело письменностью только в раннем средневековье.

Алфавит и караваны. На территории Киргизии найдено большое количество средневековых памятников эпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать еще не написанную историю письменности Киргизии. Здесь найдены тексты, нанесенные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами. Значит ли это, что средневековое население Киргизии изучило все девять зафиксиро-

ванных археологами систем письма и пользовалось ими в повседневной жизни? Конечно, нет! В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Шелковом пути. Они хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов для развития культуры средневековой Киргизии не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны средневековому населению Киргизии исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона.

Другие системы письменности — тибетская, санскрит — были связаны только с религией. Сведений об использовании этих алфавитов в мирской жизни нет.

Заметную роль сыграл сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи. Изучению сложных процессов сиро-тюркских языковых связей посвятил ряд своих исследований видный киргизский ориенталист Четин Джумагулов.

Важную роль в культурной жизни средневекового Киргизстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Мало того, что согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов — рунического и уйгурского. Об исключительном культурном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства, науки.

На территории Прииссыккулья известны средневековые памятники эпиграфики, нанесенные древнетюркскими, сирийскими, тибетскими и арабскими алфавитами.

Древнетюркское руническое письмо. Древние тюрки, образовав в середине VI в. обширное государство, остро нуждались в собственной системе письма. На первых

порах для регулирования внешних и внутренних государственных функций использовалась согдийская письменность. Согдийское курсивное письмо мало подходило для передачи тюркской речи, поэтому на его основе была создана древнетюркская (руническая) письменность. Это произошло не раньше VII в., так как самый старый, хорошо датированный текст, выполненный runическими графемами, относится только ко второй половине VII в.

На территории Киргизии найдено немало древнетюркских текстов, главным образом в Таласской долине. На Иссык-Куле найдена лишь одна такая надпись и та стала недоступной для изучения, так как вскоре после открытия пропала. При обследовании городища Койсары П. П. Иванову посчастливилось найти билингву—надпись на камне, выполненную древнетюркскими runическими и арабскими буквами. Она привлекла внимание В. В. Бартольда, С. Е. Малова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама, т. е. всех крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Они хотели обратиться к оригиналу, но, к сожалению, надпись исчезла. В 60-х годах следы ее пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось встретить местного жителя А. Е. Балыбина, который в свое время помогал П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что еще в 1929 г. на курорте Койсары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. А куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музеи Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Пржевальске. Она не может привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень, да еще и расколот на две части. Письмена едва просматриваются из-за известкового слоя, который нанесла на камень вода озера. Авторы просят пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня очень велико. К сожалению, по несовершенной копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно, другой же надписи, выполнен-

ной руническими письменами, в Прииссыккулье пока отыскать не удалось.

Проблема происхождения древнетюркской письменности еще не выяснена. Из нескольких гипотез наиболее привлекательной является та, которая предполагает, что прототипом для большинства рунических знаков послужило согдийское курсивное письмо и только меньшая их часть была изобретена [24].

Древнетюркский рунический алфавит состоял из 37 (или 38) знаков. Они имели геометризированные очертания, что было удобным при начертании текста на дереве, камне, металле. Главным достоинством рунических букв была точная передача фонетических особенностей тюркской звуковой речи.

Сирийское письмо. После раскола христианской церкви сирийский язык и письмо разделились на две ветви: серто (западную) и несторианскую (восточную). Все христианские эпитафии, найденные в Киргизии, были сделаны несторианским письмом. Алфавит письма имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской речи, где звуков было в полтора раза больше. Чтобы передать в сирийском письме тот или иной характерный только для тюрков звук, приходилось применять невообразимые буквосочетания, что в конечном итоге выразилось в большом разрыве между графическим обозначением звуков и действительным их произношением. Слова писались справа налево или сверху вниз. Гласные в середине слов, как правило, опускались, пунктуация применялась крайне редко.

Сирийский алфавит стал применяться в Семиречье после проникновения сюда христианства, т. е. примерно в VI—VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Киргизии относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина) К. М. Байпаковым. На небольшом черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В. Н. Настич и А. В. Пайкова, что в 1100 г. эры «хана Александра» почила некая девица Йаланч. Указанный год в переводе на наше летосчисление — это 789 г.[25] Памятники сирийского письма, найденные на берегах озера Иссык-Куль, относятся к XIV в. [26]

Почему же тюркское население Киргизии, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять чужой, да еще и крайне неудобный сирийский алфавит? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская — крупнейший знаток древней сирийской культуры: «Это обращение к чужой форме могло быть следствием обращения к несторианству какого-нибудь социального слоя или целого племени, как это было, например, с кераитами» [27]. Иными словами, для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом и сугубо для религиозных целей. В повседневной бытовой или литературной жизни он едва ли применялся. Так в наши дни, например, применяется давно ушедший из жизни церковно-славянский алфавит.

Арабское письмо. Памятники эпиграфики Прииссыккулья, выполненные арабскими графемами, в количественном отношении существенно превышают число памятников с текстами любой другой системы письменности. Только на кладбище у р. Чон-Аксу Н. Н. Пантусов насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их лежало севернее Чолпон-Аты, между Сазановкой и Корумду, близ р. Жууку и в других местах [28]. Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах Барсханского монетного двора. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Количество и относительное разнообразие памятников арабского письма позволяют высказать некоторые суждения о грамотности иссыккульцев XII—XIV вв. Надписи выполнены разнообразными почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Большинство из них выбито небрежно и неумело. Наряду с ними встречаются надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Многолетние исследования средневековых намогильных эпитафий, выполненных арабскими письменами, позволили одному из самых опытных современ-

ных эпиграфистов В. Н. Настичу сделать следующие выводы относительно общего уровня развития языка и письменности среди населения Киргизии. Только очень небольшое число текстов, составленных на арабском языке, можно назвать безупречными в отношении языковой грамотности. В подавляющем большинстве эпитафий наблюдаются несогласованность в роде и падеже, неправильное употребление артикля, орфографические ошибки, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть погрешностей и ошибок ученый объясняет общей невысокой грамотностью авторов текстов и сильным влиянием местных языковых норм, в частности, персидской, таджикской, а также тюркской. А если добавить, что лексика и фразеология арабских текстов сильно формализована и насыщена застывшими оборотами, далекими от живых разговорных и письменных норм, то становится понятным, что арабский язык никогда не был в живом употреблении среди населения средневековой Киргизии. Он оставался языком мусульманской религиозной обрядности (в данном случае погребальной), проводником идеологии ислама. Реальную языковую ситуацию в средневековой Киргизии, если судить по арабским текстам, отражали вставленные в них отдельные слова, фразы и даже целые надписи на кайраках, выполненные по-персидски или под заметным влиянием этого языка. Присутствуют здесь и тюркизмы. Так. В. Р. Розен, изучавший арабские тексты с южного берега Иссык-Куля, отметил в них наличие слов тюркского корня [29]. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что горожане Киргизии XII—XIV вв., как и прежде, говорили на тюркском и согдийском языках.

Если арабский язык и не был принят средневековым населением Киргизии как язык живого общения в повседневной жизни, то судьба арабской письменности была совсем иной. Уже во времена караханидских ханов арабская графика была применена для передачи тюркской речи. Арабскими графемами, например, писал свою тюркскую поэму знаменитый Юсуф Баласагунский. В течение XII—XIV вв. арабское письмо выдерживает конкуренцию с уйгурским, древнетюркским руническим, согдийским и несторианским алфавитами, которые, оставив заметный след в культурной

жизни Киргизии, уступили ему свое место. Арабскими письменами писали дипломатические послания, деловые документы и даже стихи некоторые киргизские поэты XIX — начала XX в.; они же использовались для эпитафий на могилах знатных и богатых киргизов [30]. Первая газета на киргизском языке «Эркин Тоо» тоже была набрана арабским шрифтом.

Тибетская письменность. Она возникла в VII в. и связана с проникновением в Тибет буддизма. Основой для нее послужил санскритский алфавит. Тибетскими письменами едва ли пользовалось население средневековых городов Прииссыккулья. Большинство памятников тибетской эпиграфики было оставлено скотоводами-калмаками в XVII—XVIII вв., когда средневековые города уже лежали в развалинах или были затоплены водами Иссык-Куля.

Календарь

Находка и прочтение средневековых эпитафий в Прииссыккулье позволяют определить календарные системы, которыми пользовалось население того времени. Наиболее древней из них является селевкидская эра, которая *вела отсчет от 1 октября 312 г. до н. э. Этот календарь* был учрежден полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором, но семиреченскими христианами он упорно назывался летосчислением «хана Александра». Имя Селевка не упомянуто ни на одном памятнике. Для примера приведем начало несторианской эпитафии, найденной у с. Сару Джеты-Огузского района: «По счету лет от хана Александра в году 1674, 14 декабря...» [31]. Эта дата соответствует 1336 г. ныне принятого календаря.

Характерно, что в тексте этой же эпитафии иные события датируются еще и «годом мыши» и «годом свиньи». Это свидетельствует в пользу того, что тюркское население Прииссыккулья, исповедуя христианство и восприняв селевкидский календарь, не отказалось от своего старого календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле, когда годы вместо порядковых цифр именовались годом того или иного животного. Таких животных было двенадцать, располагались они в строго определенном порядке.

Наконец, в X в. с утверждением ислама был введен и мусульманский календарь, годами которого бы-

ли датированы эпитафии, выполненные арабским письмом, найденные близ современного с. Темировки, близ городища Хан-Дюбе (к югу от современного с. Торткуль) и в других местах. Отсчет лет по мусульманскому календарю начинается со времени переселения (хиджры) пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину, которое произошло в 622 г. Исходной датой хиджры считается пятница 1-го мухаррама (16 июля) 622 г. В основе мусульманского календаря лежал лунный месяц. Лунный год на $10^7/_8$ суток меньше, чем солнечный, что приводило к постоянному смещению начала года. Оно приходилось то на лето, то на зиму. Это создавало неудобства в ведении сезонных сельскохозяйственных работ. Поэтому параллельно с хиджрой тюрки Семиречья продолжали использовать двенадцатилетний животный цикл или даже заменяли лунную «эру пророка» солнечным календарем, ведя отсчет от 622 г. Такое летосчисление официально называли «эрой Джалали», а в народе — «календарем Омара Хайяма» [32].

Благоустройство

Крепостные стены любой протяженности и высоты все равно ограждают ограниченную городскую площадь. Рано или поздно она становится дефицитом. Поэтому главным бичом средневекового города была теснота. Отсюда скученная застройка, часто в два этажа, узкие улочки переулки, проблемы санитарного состояния. Среднеазиатские города отличались высоким уровнем благоустройства для своего времени. Оно гарантировалось общим экономическим состоянием, культурным уровнем и, что немаловажно, сухим климатом. В нашем распоряжении имеются лишь очень ограниченные археологические материалы, позволяющие судить о благоустройстве иссык-кульских средневековых городов.

Исследователи подводных развалин «дворца Тимура» близ с. Курское отметили здесь мостовую, выложенную из речной окатанной гальки. Здесь же значительные площади были вымощены крупными керамическими плитами. Этот факт свидетельствует о том, что средневековые поселения Прииссыккулья не отставали в своем культурном развитии от крупных городских центров Средней Азии. Ученые установили, что мостовые, например, были в Самарканде, Термезе, Бу-

харе, Хульбуке [33]. При раскопках усадьбы XI в. на городище Бурана (Чуйская долина) были обнаружены каменные вымостки пешеходных дорожек шириной от 1 до 2 м. Бордюры буранинских тротуаров были четко обозначены крупными камнями. На вымостку площади пешеходных дорожек шла плоская галька [34]. Мостовые и тротуары являлись крупным культурным достижением средневековых городов.

Все познается в сравнении. Достойная оценка значимости среднеазиатских мостовых X—XIV вв. может быть более зримой в сопоставлении, например, с состоянием городских улиц крупнейших городов Западной Европы. Осенью, зимой и весной, то есть в период наибольшей интенсивности осадков, узенькие улицы большинства западноевропейских городов превращались в грязевое месиво, в котором горожане часто теряли деревянные башмаки. Многие бюргеры освоили передвижение на ходулях. Богачи и знать ездили верхом. Но и это не всегда спасало. Император Фридрих III (XV в.), например, чуть не утонул вместе с конем в грязи на одной из улиц города Рейтлингена и принял «грязевые ванны», когда его конь по брюхо провалился в яму с зловонной жижей на центральной улице Тутлинга. Мостовые в Европе появились позже, чем в Средней Азии: в Праге — в 1331 г., в Нюрнберге — в 1368, во Франкфурте-на-Майне — в 1399 г. Горожане Киева, Чернигова, Новгорода и других русских городов, где всегда не хватало камня, делали тротуары и мостовые из дерева. В Новгороде существовал даже специальный Устав (свод правил), регламентировавший вымостку улиц [35].

Средневековые иссыккульцы заботились о санитарном состоянии своих городов, что выражается в дорогостоящей прокладке трасс водопроводов и канализационных систем. Почти все исследователи, которые писали о подводных развалинах на озере, отмечали находки водопроводных труб. Они очень похожи на глиняные цилиндры длиной до 50 см. Но это не совсем цилиндры, так как диаметры торцов таких труб разные: один из них шире другого. При прокладке водопроводной трассы более узкая часть одной трубы вставлялась в более широкую другой. Зазора обычно

не было, но во избежание возможной утечки воды стыки замазывались глиной.

Если находки отдельных труб и их фрагментов на иссык-кульских средневековых поселениях далеко не редкость, то водопроводная система, составленная из керамических труб, найдена лишь одна. При раскопках городища в урочище Койсары Д. Ф. Винник на глубине 1,5 м расчистил часть водопровода, идущего по линии восток — запад. Протяженность вскрытого участка 10 м. Трубы не были стандартны: длина их варьировала от 35 до 40 см, но диаметр торцов всех труб был одинаков: верхней части 14 см, нижней — 10,5 см. Исследователь расчистил всего 30 звеньев. Быстро прибывающие грунтовые воды вынудили прекратить работы [36].

Такие водопроводные системы не требовали строительства напорных башен. Средневековые инженеры хорошо использовали рельеф Киргизии с его значительным генеральным понижением. Голову системы, как правило, строили выше города и холодная, чистая горная вода самотеком направлялась в общественные водоемы (хаузы). Индивидуальные водопроводы в Средней Азии того времени не известны [37].

Не менее важным культурным достижением средневековых городов Семиречья следует считать сооружение канализационных систем. Они были двух типов. Простейшая из них была в каждом дворе и представляла собой глубокий поглощающий колодец, в устье которого вставлялся крупный керамический сосуд без дна. Отверстие обычно было прикрыто каменной плиткой или крупным черепком. Такая канализация надежно поглощала грязную воду после умывания или мытья посуды. Однако в некоторых случаях эта система была малоэффективна или вообще ненадежна. Тогда сточные воды отводились трубопроводами из керамических труб [38]. На наш взгляд, канализационной системой, отводящей грязную воду от бани, является гидросооружение из сочленения керамических труб, раскопанное на городище Бурана. Оно датируется XI в. Отличительной особенностью системы, делающей ее уникальной, является трехъярусность, когда плети труб в траншее располагались друг над другом в три ряда [39].

Обратимся опять к средневековым городам Европы. Ни о канализации, ни о водопроводе (кроме одного — двух монументальных акведуков, «сработанных еще рабами Рима») здесь не могло быть и речи. Все содержимое помойных лоханок, корыт и ведер выплескивалось прямо на улицу. Поток, скапливаясь в ямах и колдобинах, образовывал застоявшиеся смрадные лужи. Единственными санитарами городов были многочисленные собаки и свиньи, которые свободно разгуливали по улицам и пожирали отбросы. Однако те же свиньи не столько очищали, сколько загрязняли город. Раскормленные и отяжелевшие, строптивые, они весь день барахтались в грязи и разрыхляли почву, приводя улицу в невообразимое состояние даже в сухую погоду [40].

Горожане Средней Азии придавали большое значение личной гигиене, что выразилось в строительстве общественных бань. Первые из них появились не ранее VIII в. Много бань первой половины IX в. раскопано на городище Афрасиаб (древний и средневековый Самарканд), известны они по раскопкам в городах Таразе (Джамбул), Ахсикенте (Ферганская долина), Отраре (Южный Казахстан) и в других местах [41].

На территории Киргизии известны три средневековые бани: одна из них в г. Оше, другая — на городище Бурана, третья — близ с. Тору-Айгыр, что на северном берегу Иссык-Куля. Эта последняя оказалась наилучшей сохранности. Торуайгырская баня является грандиозным архитектурным сооружением XIV в.— площадь ее до 648 кв. м. В плане она крестообразная, что является продолжением традиции строительства бань более раннего времени. Крестообразные бани начали строить еще в XI—XII вв. [42] Все сооружение было построено из обожженного кирпича и делилось на несколько частей, каждая из которых имела свое назначение. Главная из них — топка с двумя печами, где в кирпичных резервуарах, покрытых изнутри толстой обмазкой алебастра, грели воду. Долгое время археологам было не совсем понятно, как можно было разогреть воду в толстостенном кирпичном резервуаре и сколько же топлива и времени на это понадобится? Ситуацию прояснили раскопки бани в Отраре. Оказывается, в дно таких резервуаров вмазывался громад-

ный железный котел, устье которого было на уровне дна кирпичного резервуара, а дно и стенки были опущены в топку [43]. По сути дела, огонь раскалял железный котел, что обеспечивало быстрое повышение температуры воды.

Помещение для топки сообщалось дверными проемами с помещением для мытья и с дугообразным хранилищем для топлива. Помещение для мытья площадью в 100 кв. м имело кирпичный пол, под которым от топок ровными рядами шли жаропроводящие каналы, выложенные из кирпича. По этим каналам проходил горячий воздух и обогревал всю моечную. У северной стены моечной имелись два небольших резервуара, стенки и пол которых были выложены голубыми изразцовыми плитками. По-видимому, сюда наливали холодную воду, где могли освежаться купальщики.

К помещению для мытья примыкали, как мы полагаем, прачечная и комната для отдыха. Прачечная была восьмиугольной в плане. Пол ее был выложен жженым кирпичом, поверх которого на алебастровом растворе были уложены глазурованные плиты. В центре прачечной было отверстие для стока грязной воды, которая отводилась при помощи системы керамических труб и желоба. Комната для отдыха (раздевалка?) площадью в 100 кв. м была очень нарядной. Стены и потолок ее были сплошь расписаны красной, черной и желтой красками. Пол выложен голубыми глазурованными плитами [44].

Характер перекрытия удалось установить только для дугообразного помещения, где хранились запасы топлива. Оно было купольным. Скорее всего, и остальные помещения были перекрыты куполами, опорами для которых служили капитальные внешние и внутренние стены. В целом торуайгырская баня представляла собой не только необходимое для города коммунальное предприятие, но и парадное архитектурное сооружение, украшавшее город.

В средневековых городах Средней Азии бани стали очень популярны. Они были самыми посещаемыми после мечетей общественными местами. Порядок и чистота в банях строго контролировались городскими чиновниками — мухтасибами. Они следили за регу-

лярной очисткой пола и частой сменой воды в бассейнах. Средневековые горожане считали неприличным мыться без специальных набедренных повязок, поэтому мухтасибы строго требовали, чтобы у банщиков всегда было достаточное количество чистых платков (отсюда и прачечное помещение в торуайгырской бане). Особое внимание обращали мухтасибы на характер росписей бань. Неприличные для того времени изображения в столь уважаемом общественном месте категорически запрещались (поэтому торуайгырская баня расписана орнаментальными мотивами).

В городах Средней Азии бань было очень много. В Самарканде и Мерве, например, в IX—XII вв. их насчитывалось до сотни, а в сирийском Алеппо в середине XIII в. было 128 общественных бань. Если учесть, что население Мерва и Самарканда едва ли превышало 100 тысяч человек, то на одну баню приходилось примерно немногим больше 1000 горожан обоих полов и всех возрастов. Бани благодаря массовой посещаемости давали приличный доход. Поэтому среди владельцев этих заведений источники называют даже ханов [45].

Наши сведения о благоустройстве средневековых городов Прииссыккулья пока очень ограничены. Новые данные поступят с новыми масштабными археологическими изысканиями. Однако уже сейчас, как мы убедились, можно сказать, что уровень благоустройства их был не ниже, чем в прославленных городах Средней Азии и гораздо выше, чем в западноевропейских городах того времени. Сравнительно высокий уровень санитарного состояния городов обеспечивал не только опрятность их внешнего облика, но и снижение числа болезней и эпидемий среди горожан. Правда, санитарное состояние не было панацеей от всех эпидемий. Как свидетельствуют надписи на христианских надгробиях, страшная эпидемия чумы буквально косила семиреченских горожан в XIV в. Эта эпидемия, наряду с другими причинами, сыграла свою роль в запустении, упадке, а затем и гибели семиреченских городов. Но гораздо опаснее любой эпидемии была очередная трансгрессия озера, которая уничтожила средневековые города Прииссыккулья.

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

Омар Хайям

РЕКВИЕМ
БЫЛОЙ КУЛЬТУРЕ
(Вместо заключения)

Мы сознательно включили в свое повествование о подводных развалинах на озере Иссык-Куль киргизские легенды. Они различны по сюжету, но единодушны в одном: под водами озера скрыт город или, по меньшей мере, дворец хана. А ведь сравнительно недавно мало кто верил в реальность подводных развалин на дне Иссык-Куля. Киргизские же легенды почему-то не внушали доверия. Все помнят знаменитый литерный поезд, который мчал Остапа Бендера на стройку Турксиба. Правда, не все обратили внимание на то, что бешабашная интернациональная семья журналистов единодушно поклялась «не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное Ухо... Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль». Довольно пошлостей в восточном вкусе!». Но легенды существуют, и в них есть зерно истины. В них опоэтизированная память киргизского народа донесла до наших дней отзвук тех далеких времен, когда на побережье озера действительно стояли города и поселения [1]. Сейчас ученым известно свыше десятка подводных развалин, изучение которых имеет громадное научное и народнохозяйственное значение, так как позволит прогнозировать пределы колебания уровня озера.

А как же они оказались на дне озера? Что случилось на берегах древнего Иссык-Куля? И когда случилось? На эти вопросы легенды не могут дать ответа. Едва ли кто в наши дни поверит, что катастрофа наступила из-за преступной халатности рассеянной женщины, забывшей закрыть крышку колодца, хлынувшие воды которого затопили город и образовали водо-

ем площадью свыше 6000 квадратных километров глубиной до 668 м, с общим объемом воды около 1700 кубических километров, средняя глубина которого в три раза превышает среднюю глубину Балтийского моря [2].

Древние прибрежные города и порты со временем оказываются на дне морей и озер не только на Иссык-Куле. Много их, как уже упоминалось, в прибрежной полосе Черного и Средиземного морей. Ученые, загипнотизированные потрясающим по своей правдоподобности трагическим рассказом древнегреческого философа Платона о гибели мифической Атлантиды, до сих пор разыскивают следы древнейшей цивилизации на дне Атлантического океана [3]. Вполне реальные следы исторического Порт-Ройяла найдены на дне Карибского моря. Древнейшие поселения известны по находкам в Цюрихском озере (Швейцария), озерах Больсена (Италия), Вербелинзее и Камберзее (ГДР). Многие из них оказались на дне водоемов в результате крупных геологических катастроф, значительно меняющих очертания побережий.

Могла ли такая катастрофа произойти на Иссык-Куле? Конечно могла, так как озеро расположено в высокосейсмической зоне молодых гор. Так, вслед за верненским землетрясением 8 июня 1887 г. на северном берегу озера в районе Чолпон-Аты «близстоящий берег Иссык-Куля на протяжении сотен сажен опустился ниже своего прежнего уровня и погрузился под воду» [4]. При землетрясении 29 июня 1889 г. в некоторых местах «берег понизился и уменьшился, а уровень воды повысился» [5]. В результате землетрясения 1910 г. топография местности между селами Ойтал и Ананьево совершенно изменилась за счет вновь образовавшихся провалов, обрывов и складок, а в районе с. Григорьевка даже раскололись и обрушились громадные скалы [6]. Естественно, что ученые не могли не учитывать подобные обстоятельства при изучении вопроса о происхождении затонувших городов. Академик Л. С. Берг писал, что «подводные развалины на Иссык-Куле обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясений», а не единовременному «грандиозному» провалу, как полагали некоторые авторы [7].

Однако эта точка зрения тоже оказалась недостаточно обоснованной. Дело в том, что тектонические изменения в результате землетрясений происходят на сравнительно небольших участках берега, тогда как древние затопленные города расположены на всем побережье вокруг озера. Это свидетельствует в пользу того, что подъем воды в озере, равно как и опускание берега, был не местным, а тотальным актом.

А. В. Шнитникову, одному из видных физико-географов страны, удалось доказать, что уровень озера подвержен крупным длительным колебаниям, которые непосредственно связаны с общими многовековыми климатическими изменениями в северном полушарии. Ученый установил несколько фаз максимального подъема (трансгрессии) и максимального падения (регрессии) уровня воды. Период между двумя самыми мощными трансгрессиями, по Шнитникову, равен примерно 1850 лет. Одна из них была где-то на рубеже новой эры, другая — на рубеже XVIII—XIX вв. В последний период уровень воды в Иссык-Куле был на 12—13,5 м выше современного, и часть своих вод через проток Кутемалды (близ г. Рыбачье) озеро сбрасывало в реку Чу [8].

На основании многочисленных письменных источников, картографических и археологических материалов киргизские ученые С. У. Умурзаков и Д. Ф. Винник определяют четыре фазы высокого и четыре фазы низкого стояния уровня вод озера Иссык-Куль [9].

Высокий уровень (трансгрессия)	Низкий уровень (регрессия)
1. Рубеж II в. до н. э.—I в. н. э.	1. II—III вв. н. э.
2. Около IV—VI вв. н. э.	2. Первая половина VII в.
3. VII—VIII вв. н. э.	3. XI—XVI вв.
4. Вторая половина XVIII—первая половина XIX в.	4. XVII—первая половина XVIII в.

В другом своем труде С. У. Умурзаков отметил четыре трансгрессивные и только три регрессивные фазы уровенного режима озера за последние 2000 лет [10].

Практическое значение наших работ на подводных городищах Иссык-Куля заключается в том, что они

позволяют на широком археологическом материале установить длительную «античную» фазу регрессии уровня озера, максимум которой приходится примерно на VIII—I вв. до н. э. Материалы городища Сарыбулун полностью согласуются с выводами В. М. Букина, основанными на геоморфологических данных. По его мнению, «уровень озера в период VII—I вв. до н. э. находился ниже современного на 6—8 м (возможно, на 12—13 м)» [11].

Далеко не все ясно с временем наступления средневековой трансгрессии. На городище Сарыбулун аналогичное низкое стояние уровня озера определяется для XIII—XV вв., о чем свидетельствуют найденные здесь немногочисленные, но выразительные материалы монголо-тимуридского времени (керамика с голубой глазурью, бронзовый кистень). На затонувшем городище Дархан собраны тоже незначительные материалы VIII в. Наиболее многочисленной на затонувших поселениях является керамика, датированная X—XII вв.

Таким образом, озеро Иссык-Куль несколько раз переживало максимум стояния уровня своих вод, за которым наступал спад (по мнению А. В. Шнитникова, трансгрессивных фаз было восемь, начиная с максимума последнего оледенения). Оно как бы дышит. И период между двумя полными богатырскими вдохами озера определяется приблизительно в 1850 лет! Нам еще неизвестны территориальные пределы максимального уровня выдоха тянь-шаньского чудо-великана. Определить его помогут дальнейшие подводные археологические изыскания, которые должны проводиться в тесном содружестве с естественными науками.

Какова же судьба города Чигу в свете изложенных выше фактов? Если бы мы могли войти в машину времени и унестись к берегам Иссык-Куля на 2800 лет назад, то увидели бы примерно такую картину.

...В VIII в. до н. э. ландшафт современного Тюпского залива был совсем иным. Залива не было. Здесь раскинулась широкая долина, по которой плавно несла воды река, которая впадала в озеро несколько западнее городища Сарыбулун. Возможно, что здесь было даже несколько протоков реки, образующих дель-

ту. Дельта была богата рыбой (еще в середине XIX в. казаки, сопровождавшие Чокана Валиханова, в реке Тюп рубили шашками громадных сазанов на уху) и заросла высоким камышом. В увлажненной дельте земледельцы всегда получали хорошие урожаи. Такие благодатные места во все времена привлекали и скотоводов, так как были наиболее удобными для зимовки скота и жизни людей. Здесь на возвышенном месте (теперь отмель залива) на левом берегу реки возникло поселение саков. Возможно, уже тогда оно стало постоянным местом зимовки или ставкой какого-то, сакского князя. Здесь же лепили примитивные печи гончары и плавильщики меди, изготовлявшие свою продукцию в соответствии с вкусами и привычками скотоводов. Саки Прииссыккулья, видимо, не раз бывали в поселениях Ферганы и Восточного Туркестана и научились многим полезным вещам у их оседлых обитателей.

Когда во II в. до н. э. усуни, потеснив саков, захватили долины Тянь-Шаня, их верховный правитель по праву победителя занял ставку бывшего хозяина этих земель. Именно сюда, как представляется, прибывали китайские послы, именно здесь горько рыдала юная китайская принцесса, молодость которой была принесена в жертву престарелому владыке усуней в обмен на его мощную конницу.

Где-то на рубеже новой эры (или несколько раньше) началась очередная трансгрессия озера. Воды его поднялись по реке, затопили дельту, а потом и всю долину до высоты нынешнего порога стока — 1620 м. Со временем под водой оказался и город Чигу, что еще раз подтвердило философскую истину: «Имеющее начало имеет и конец». Усуни вынуждены были перенести свою ставку в другое место. По традиции ставка продолжала именоваться Чигу, а на исторических картах обозначалась то в Чуйской долине, то в Кочкорской котловине, то в горах Центрального Тянь-Шаня [12]. Вероятно, в начале новой эры правители усуней уже не имели постоянного места пребывания.

Все сказанное выше позволяет уже сегодня с немалой долей обоснованности высказаться в пользу гипотезы: затонувшее городище Сарыбулун является историческим Чигу.

К VIII в. н. э. воды Иссык-Куля начали отступать. Постепенно вокруг озера возникают богатые средневековые города, торговое значение которых было известно даже в Багдаде — центре арабского халифата. Сведения же о городе Иссык-Куль дошли до Испании, что нашло отражение на Каталонской карте. К концу XIV в. по ряду причин средневековые города пришли в запустение. Очередная трансгрессия поглотила развалины ранее цветущих поселений и безвозвратно уничтожила остатки глинобитных дворцов и хижин, храмов и мастерских, мавзолеев и торговых лавок. Только жалкие остатки строений из обожженного кирпича свидетельствуют о суетном величии былых архитектурных ансамблей. От высокоразвитой средневековой оседло-земледельческой культуры до наших дней дошло немногое. Да и это немногое, уподобясь скупому рыцарю, ревниво хранят воды озера...

Закончить наш рассказ хочется стихами выдающегося средневекового поэта и мыслителя Мирзо Абдулкадыра Бедиля:

Виденьем страшным удручен,
руины я узрел колонн,
Дворец гордыней возвесен,
но он порос быльем... [13]

Однако археологические работы только начаты. Впереди — новые поиски, новые обоснования, новые находки и ...новые гипотезы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КИРГИЗСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ОЗЕРЕ ИССЫК-КУЛЬ

Высоко-высоко в замкнутой цепи гор лежала цветущая долина. Правил ею могущественный царь, деспотичный и жестокий. Под его гнетом стонал народ. Год от года свирепел царь, уничтожая юношей, которых становилось все меньше и меньше. Странный был обычай у царя: он выбирал себе брадобрея только на один раз, после чего его немедленно казнили.

В этом городе жила бедная вдова с юным сыном. Но вот пришла и в ее дом беда: явились царские слуги и потребовали, чтобы юноша поутру явился побрить царя. Сбежались соседи, ужас объял души всех — такой хороший юноша, любимец народа и должен погибнуть во цвете лет. Но ничего не поделаешь, не пойдешь против царского указа, не нарушишь.

Долго думали мать и сын, как помочь беде, но пришло время ложиться спать. Мать уложила сына, пообещав ему что нибудь придумать к утру. Проснулся сын, умылся и стал собираться в дорогу. Вышла мать проводить его и говорит:

— Вот тебе, сын мой, платок, в нем две лепешки. Когда ты придешь к царю, скажи ему: «Государь мой, я знаю, что ты предашь меня казни, как только я тебя побрею, исполни же мою предсмертную просьбу — съешь одну лепешку, испеченную моей матерью, а другую съем я.

Так и сделал юноша, когда пришел во дворец. Царь не смог отказать в просьбе молодому человеку и съел лепешку. Затем юноша приступил к бритью головы царя. И, о ужас! У царя были ... ослиные уши. Справившись со страхом, исполнил сын вдовы свой долг — побрил царя, а затем сказал ему, как научила мать:

— Царь, ты не можешь теперь казнить меня, так как мать моя лепешки замесила на своем молоке и мы с тобой теперь молочные братья.

Рассердился царь, но делать нечего — не может он казнить своего молочного брата. Отпустил юношу, взяв с него клятву, что тот никому не расскажет о его тайне.

Пришел юноша домой, мать и соседи радостно встретили его и давай распрашивать, почему же царь казнит своих брадобреев? Молчит юноша, не может выдать тайну царя, так и разошлись все, не выпытав тайны. Но мать упросила сына сказать, в чем же дело? Не смог он ей отказать — ведь это она спасла ему жизнь, и сказал, что у царя ослиные уши, заставив мать поклясться, что она никогда не выдаст его тайны, иначе им обоим грозит немедленная смерть.

Долго мать таила в себе это сообщение. Но женщина есть женщина: тайна казалась ей еще более тяжким бременем оттого, что не могла она ни с кем ею поделиться. И вот однажды утром пошла она за водой к колодцу, наполненному такой прозрачной водой, что отражалось в ней синее небо. И тут ей пришла мысль поделиться с водой своей тайной. Оглянувшись кругом, никого близко не было, она наклонилась к воде и шепнула: «У нашего царя ослиные уши». Загудел колодец, заклокотала в нем вода после такого клятвопреступления. Поднялась из колодца вода и стремительный поток понесся за женщиной, сметая все вокруг. Утонула, захлебнулась несчастная мать, а вода уже превратилась в реку и устремилась на город, затопила его, смыла дворец. Уже погиб весь народ, а вода все прибывала. Уже вся долина ушла под воду, а вода все прибывала. Вот с тех пор и плещет голубыми волнами Иссык-Куль.

В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который славился не только своим богатством, но еще больше своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Нес-

мотря на старость, хан был сластолюбив, но не знал он ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевников есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Не один славный джигит на поединке сложил свою голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка, никто не мог знать. Да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом коне красавец-джигит, схватил ее и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила она, как с быстротою вихря неслись они вдвоем в недосягаемой вышине, как он обнимал ее, целовал, а, расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложением выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула:

— Я люблю другого и ничьей женой кроме своего возлюбленного не буду!

Сказав это, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она поняла, что находится в плену у хана, и решила: лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец хан решил силой взять то, чего так бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

— Я люблю другого, — был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

— Нет, хан, я не буду твоей, — и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Уже скрылись под водой остатки ханского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину.

Давно, так давно, что никто из людей не может сосчитать эти ушедшие в вечность годы, там, где шумит теперь Иссык-Куль, было богатое ханство. В плодородных долинах паслись бесчисленные отары овец, табуны быстрых коней...

В то время этой долиной правил хан, прославший страшным деспотом. Чуть не каждый месяц менял он своих мулл. Только привыкнет мулла к делу, как уже слух в народе идет, что исчез он, и хан повелевает искать нового.

В том городе жил скромный юноша. Однажды хан увидел юношу, тот понравился хану и он предложил ему занять место муллы. Испугался молодой человек такого предложения, да вспомнил, что у него есть старуха-мать, и согласился.

Тогда хан предупредил его:

— Что бы ты, юноша, не увидел у меня, ты никому не должен говорить. В тот час, когда расскажешь о виденном, умрешь.

Вскоре юноша пошел во дворец к хану. Вошел и обмер: у хана были ослиные уши. Понял он теперь, почему хан носит такую высокую пышную чалму. Но вспомнил и ханские слова и сделал вид, что ничего необычного не заметил.

Вышел однажды мулла из дворца навестить мать. День был теплый, ясный, степь кругом зеленела, деревья шептались, даже горы подняли свои белые шапки — видно и им жарко стало. И люди встречались все веселые. Только молодой мулла был задумчив и

грустен. Замучило его желание поделиться тем, что знал он о хане — хане с ослиными ушами.

Зашел мулла к матери, посидел у нее, поговорил о хозяйстве и вышел, чтобы возвратиться во дворец. Только страшно ему было снова идти через город, где встречаются знакомые, — так и хочется поведать кому-нибудь о тайне хана. Вот и задумал он идти через степь. День был солнечный, жаркий. Захотелось пить. Прошел он немного и видит в стороне стоит колодец. Подошел мулла к колодцу, опустил кожаный мешок на длинной веревке, зачерпнул воды и стал тащить. Наклонился он над колодцем и увидел в воде свое отражение. Вспомнил в этот момент юноша тайну хана и захотелось ему шепнуть ее хоть своей тени. Оглянулся — видит степь без конца и края, даже криков пастухов не слышно, а над ним чистое, безоблачное небо. Снова глянул он на свое отражение в воде и шепнул:

— А я знаю, что у хана ослиные уши.

Услышала вода шепот муллы, заволновалась и, глухо, сердито шумя, стала прибывать в колодце. Видит мулла, набралось ее уже до краев, но ничего не смог он сделать, чтобы остановить воду. Вот вода потекла уже по степи, залила самого муллу, его мать, дворец хана, у которого были ослиные уши, но все прибывает, все шумит. И покрыла вода всю долину так, что образовалось целое море. Шумит она и до сих пор, скрывая под собой город и ханство хана с ослиными ушами.

На том месте, где теперь находится озеро Иссык-Куль, стояли некогда богатые города, окруженные со всех сторон горами. Жители этих городов брали воду из подземных водоемов, ключ от которых хранился у одного отшельника. Когда нужна была вода, у него брали ключ, открывали водоем, набирали воду и снова запирали его, а ключ возвращали отшельнику. Так велось много лет.

Но вот однажды ключ взяла девушка, назначившая своему возлюбленному свидание у водоема. Не-

чаянно она уронила ключ в воду, испугалась и убежала неизвестно куда. Между тем вода все текла и текла, пока не залила все города.

У неверного народа был бездетный хан. Он долго молился о даровании ему детей, и молитва была услышана. Ханша во время прогулки встретила осла, который обнаружил к ней расположение; она родила сына Джанибек-хана с ослиными ушами. Джанибек скрывал свои уши и казнил всех цирюльников. Один юноша, бривший хана по жребию, понравился ему и он оставил его при себе постоянным цирюльником, сделал его визирем, но наказал никому никогда не говорить об ушах. Но однажды на охоте визирь не вытерпел. Когда его сокол опередил ханского, визирь закричал от восторга:

— Мой сокол лучше сокола Джанибек-хана — ослиной головы!

Опомнясь, он бежал в горы. Долго-долго визирь скитался в горах и только по ночам входил в ханский город, где у колодца, негодуя на возобновление казней, молил бога о ниспослании всех бед хану и его развратному народу. Молитвы дошли до неба: из колодца хлынула вода, и в таком изобилии, что залила город и образовалось озеро Иссык-Куль.

Давно, очень давно, на месте озера растилалась огромная равнина, на которой кочевали народы со своими многочисленными стадами. В одном месте долины находился колодец: вода вытекала из него с такой силой, что каждый, приходивший за водой, тотчас же спешил завалить отверстие бассейна тяжелым камнем, как только сосуды были наполнены.

В это доброе время жили одна девушка-красавица и молодой джигит, страстно в нее влюбленный. Пора, кажется, было подумать и о свадьбе, но родители почему-то об этом и слышать не хотели. Мало того, они

запретили молодым людям даже видеться. Но влюбленные не могли расстаться. Однажды девушка назначила возлюбленному свидание у колодца. Юноша, конечно, явился. Камень был отвален, ведра подставлены под струю воды, а молодые люди в это время были заняты разговором. Много ли, мало прошло времени, они наслаждались, но вдруг послышался шум потока, и из отверстия колодца хлынуло столько воды, что погубила она влюбленную пару, разлилась по равнине и потопила все, что встречалось ей на пути.

Очень давно на месте нынешнего озера Иссык-Куль жили люди и среди них был один святой, у которого хранился ключ от колодца, находившегося на равнине. Колодец этот обладал чудесной силой — если оставить его открытым на время, большее, чем требуется, чтобы набрать воды в ведро, то из него начинало литься столько воды, что она могла затопить всю равнину. Однажды к святому пришла девушка и стала просить ключ от колодца. Святой дал ей ключ, но сказал:

— Не забудь, когда наберешь воду в ведра, запереть колодец, а ключ отдать мне.

Девушка отвечала, что не забудет, и ушла. Когда она набирала воду, к ней подошел ее жених и вступил с нею в разговор. Она до того увлеклась разговором, что не заметила, как в колодце поднялась вода и стала затоплять окрестности. Молодые люди испугались и побежали прочь от колодца, но спастись не смогли. Вода залила всю равнину и образовала озеро. Все люди, жившие на равнине, погибли.

Очень давно там, где сейчас озеро Иссык-Куль, было богатое и обширное ханство. Во время, о котором повествует предание, правил там хан с ослиными ушами (по другим вариантам — с рогами). Через известные промежутки времени по жребию назначались молодые люди, которые должны были брить хана. Но

никто из них не возвращался домой. Молодых людей убивали, потому что хан не хотел, чтобы кто-либо из подданных знал о том, что у него ослиные уши.

Однажды жребий пал на единственного сына бедной вдовы. Молодой человек, узнав об участи всех, бривших хана, сильно опечалился, но мать успокоила его, сказав, что он вернется живым и здоровым. В тот день, когда сыну надо было идти к хану, она замесила тесто на своем молоке и испекла две лепешки (по другому варианту — она добавила своего молока в кумыс). Отдала она лепешки сыну и сказала:

— После того, как обреешь хана, дай одну лепешку съесть ему, а другую съешь сам. Тогда ты узнаешь, что будет.

Сын так и сделал. Выбрив хана, он уже должен был идти на казнь, как вдруг, вспомнив о лепешках, обратился к хану и попросил его ненадолго отсрочить казнь, говоря, что хочет (должен) что-то сказать важное. Хан очень удивился, но просьбу эту все-таки исполнил. Тогда юноша подал хану одну лепешку и попросил съесть ее. Хан согласился съесть, но только в том случае, если тот первый съест свою, и спросил:

— Что же из этого выйдет?

Юноша отвечал:

— Когда съешь, тогда узнаешь!

Они оба съели лепешки, и хан снова спросил юношу:

— Что же вышло?

И получил такой ответ:

— Из того, что мы съели эти лепешки, вышло то, что мы теперь молочные братья, потому что в лепешках было молоко моей матери. Поэтому, если ты теперь убьешь меня, аллах тебя накажет.

Хан сначала очень рассердился, но потом, одарив его золотом и другими драгоценностями, отпустил домой, причем взял с него клятву молчать о всем виденном. Юноша поклялся и ушел домой. Когда он пришел, все, начиная с матери, стали расспрашивать о виденном у хана. Юноша долго крепился, хранил тайну, но в конце концов не выдержал, побежал к колодцу, наклонился над ним и крикнул:

— У нашего хана ослиные уши!

Только он крикнул это, как вода в колодце начала подниматься и затопила все ханство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чигу

Истоки

[1] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. — М., 1946. С. 180.

[2] См.: Археологические памятники Прииссыккулья. — Фрунзе, 1975. С. 10; а также «Приложение» к данной книге «Киргизские предания об озере Иссык-Куль».

[3] *Корольков Б. Я.* Предания иссык-кульских киргиз о разлившемся озере//Восточное обозрение. 1890, № 6. С. 11.

[4] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань... С. 184.

[5] История Киргизской ССР. В 5 т. Т. 1. — Фрунзе, 1984. С. 441; История Казахской ССР. В 5 т. Т. 2. — Алма-Ата, 1979. С. 241.

[6] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань... С. 186.

[7] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5 т. Т. 3. — Алма-Ата, 1964. С. 317.

[8] ЦГА УзССР, ф. и-1, оп. 15, д. 102. (Приводимые цитаты взяты из этого дела).

[9] Архив ГО СССР, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 11—12; Археологические памятники Прииссыккулья. С. 31—32.

[10] *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. — М., 1949. С. 42.

[11] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.//Соч. Т. 4. — М., 1966. С. 65.

[12] Там же. С. 65—66.

[13] Там же. С. 63.

[14] *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля//Тр. Института истории АН КиргССР. Вып. 3. — Фрунзе, 1956.

[15] *Винник Д. Ф.* Работы Исык-Кульского археологического отряда в 1959 г.//Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. 3, вып. 3. — Фрунзе, 1961; *Он же.* К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары//Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. 5, вып. 1 (История). — Фрунзе, 1963.

[16] *Винник Д. Ф.* К историко-археологическому изучению урочища Кой-Сары. С. 42. (*О подводных работах Д. Ф. Винника* подробнее см.: *Зюков Б.* Под волнами Иссык-Куля. — М., 1962).

[17] *Плоских В. М.* Иссык-Куль: путешествие в историю. — Фрунзе, 1981. С. 57.

[18] Начальник Киргизской историко-археологической экспедиции В. Плоских, руководитель археологических работ В. Мокрынин.

[19] *Ланицки Г.* Амфоры, *затонувшие корабли, затопленные* города. — М., 1982. С. 76—93.

[20] Известия. 1986. 24 октября; 30 ноября; 13 декабря.

[21] *Варшавский А.* Следы на дне. — М., 1975. С. 88—109; *Блон Ж.* Флибустьерское море. — М., 1985. С. 202.

[22] *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. С. 115—116.

[23] *Варшавский А.* Следы на дне. С. 109.

[24] *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.* Открытие затонувшего мира. — М., 1963. С. 76—85; *Жарнак П.* Потънали в морето селища и кораби. — София, 1983. С. 128—129.

[25] *Хрусталев В.* Иссык-Куль открывает тайну//Социалистическая индустрия. 1987. 31 января.

Городище Сарыбулун

[1] *Криницкая Р. Р.* Вопросы охраны природы//Озеро Иссык-Куль: *Очерк по физической географии.* — *Фрунзе*, 1978. С. 189—195.

[2] *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников древних кочевников Прииссыккулья//Изв. АН КиргССР. 1986. № 3. С. 63—64.

[3] *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. С. 24—25.

[4] Образцы посуды из погребений древних скотоводов Прииссыккулья см.: *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней// ВДИ. 1938. № 3; *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М.; Л., 1952//МИА. № 26. С. 53—61; *Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П.* Курганы сакского времени долины р. Тон//Археологические памятники Прииссыккулья. — Фрунзе, 1975. С. 81; *Плоских В. М.* Иссык-Куль: путешествие в историю. С. 69.

[5] Вечерний Фрунзе. 1986. 4 октября.

[6] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы — М.; Л., 1962. С. 113, табл. 51, 11—15. (МИА, № 118).

[7] *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 68, 69, рис. 3.

[8] Известия. 1986. 8 декабря.

[9] См.: например: *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953; *Он же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М., Л., 1960; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—III вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. — М., 1973; *Акишев К. А.* Курган Иссык. — М., 1978.

[10] Авторы благодарны д. и. н. Г. Ф. Коробковой за определение функционального назначения каменных орудий труда.

[11] *Коробкова Г. Ф.* Трудный хлеб первых горожан//Памятники Туркменистана. № 2 — Ашхабад, 1974.

[12] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. С. 33, 36, рис. 12; с. 37, рис. 13, табл. XXV, XXVI; *Аскаров А. А., Альбаум Л. Н.* Поселение Кучуктепа. — Ташкент, 1979. С. 2.

[13] *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 89, 91, рис. 3.

[14] *Семенов С. А., Ширинов Т.* Каменные серпы чустской культуры//ОНУз. 1976. № 10; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 125—126.

[15] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. С. 76, примеч. 33.

[16] Небольшая, тщательно сделанная, овальная наковальня могла служить алтариком или жертвенником. (См.: *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. С. 86—87).

[17] *Игнатьев И. В.* Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри//ИРГО. Т. XXIII (1887), 1888. С. 133—136; *Плоских В. М.* Иссык-Куль: путешествие в историю. С. 46—47.

[18] *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». — М., 1972. С. 78—82.

[19] *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия)/Пер. А. М. Беленицкого. — М., 1963. С. 160.

[20] Там же. С. 457.

[21] Известия. 1986. 9 января.

[22] Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. — Л., 1983. С. 30. № 42.

[23] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. — Алма-Ата, 1963. С. 110, рис. 85; *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980. С. 250, рис. 5; *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 61, рис. 1; С. 67, рис. 2, 5.

[24] Памятники культуры и искусства Киргизии. С. 31, № 44.

[25] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 166.

[26] *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л., 1980. С. 28, рис. 15.

[27] *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. — М., 1977. С. 108—109. С. 40—41.

Г. А. Федоров-Давыдов обосновывает иную точку зрения на семантику мотива терзания травоядных хищниками (см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства//УСА. Вып. 3. С. 23—29).

[28] *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 64—65.

[29] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 43—47, рис. 21; *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 92, рис. 4; *Кызласов Л. Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля//Новое в археологии. — М., 1972. С. 102—105; *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 70—71, рис. 4.

[30] *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. С. 109—110.

[31] *Акишев А. К., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. С. 110, рис. 85; *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников. С. 68, рис. 2, 5.

[32] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии//САИ. Вып. 4—9, табл. IX, X, XI;

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. Табл. XI, 7; *Аскаров А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Табл. XXIII; *Дуке Х.* Туябугузские поселения бургулюкской культуры. — Ташкент, 1982. С. 61—62, рис. 14; *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья//По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата, 1970. С. 71.

[33] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен... Табл. I, 3; XI, 4; XVII, 2; XVIII, 33.

Курганы № 29, 38, 60 и 70, где были найдены изображения солярных знаков, датированы VI в. до н. э. В свете новых работ их вполне можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. (см.: *Грязнов М. П.* Аржан... С. 61.).

[34] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. — Киев, 1976. Рис. 92.

[35] *Кызласов Л. Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля. С. 103, рис. 2, 4.

[36] *Ставиский Б. Я.* Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже//КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 126, рис. 54, 2; с. 127; *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей//Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. — Л., 1941. С. 264—265, табл. VIII, 8, 9.

[37] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен... С. 72—73.

[38] *Тереножкин А. И.* Археологические разведки на реке Чу в 1929 г.//Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5—6.

[39] См.: *Абетеков А. К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней//КСИА. 1970. № 122.

[40] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 147.

[41] *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 72.

Хронология

[1] *Вулли Л.* Забытое царство. — М., 1986. С. 33.

[2] *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. С. 15—25.

[3] *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.* Открытие затонувшего мира. С. 81—83.

[4] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. Табл. XVII—XXVIII.

[5] Там же. С. 27, табл. III.

[6] *Кузьмина Е. Е.* Клад эпохи бронзы из Каракола//КСИА. 1968. № 114; *Она же.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы//КСИА. 1970. № 122; *Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад Киргизии//КСИА. 1981. № 167; *Дегтярева А. Д.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья//Вест. МГУ. Сер. 8: История. 1985. № 3.

[7] *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня//СА. 1949. XI. С. 355, рис. 44; *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 65.

[8] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 166.

[9] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен... Табл. XXVIII, 7.

[10] *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 68, рис. 2, 7.

[11] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина//—М., Л., 1950, табл. XVI (МИА, 14); *Грязнов М. П.* Аржан... С. 22, рис. 11, 12, 13.

[12] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. Табл. I.XIII.

[13] История Казахской ССР. В 5 т. Т. 1. — Алма-Ата, 1977. С. 256, вкл. между с. 288—289.

История с географией

[1] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. — Л., 1985. С. 127—137.

Иную реконструкцию ранней истории скифов см.: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. — Киев, 1976; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. — Л., 1974; *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977.

[2] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. С. 104—105, 123, 178—179, 184—185.

Попытка доказать тождество Рипейских гор с Уралом см.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. — М., 1974. С. 27—29.

[3] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 27—35; *Зима Б. М.* Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. — Фрунзе, 1982. С. 146—153; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней...; *Акишев К. А.* Курган Иссык. — М., 1978; *Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963; *Кожомбердиев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе// Кетмень-Тюбе. — Фрунзе, 1977. С. 12—15; *Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П.* Курганы сакского времени долины реки Тон; *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников...

[4] *Литвинский Б. А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии//Восточный Туркестан и Средняя Азия. — М., 1984. С. 13.

[5] История Узбекистана в источниках/Сост. Б. В. Лунин. — Ташкент, 1984. С. 173—174.

[6] *Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема//Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 120.

[7] Прекрасный биографический очерк о Н. Я. Бичурина и характеристику его трудов дал А. Н. Бернштам в предисловии к его трехтомному труду. (См.: *Бернштам А. Н.* Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. 1.—М., Л., 1950. С. V—LV). Жизни и деятельности Н. Я. Бичурина посвящен роман В. Кривцова «Отец Иакинф» (Л., 1984).

[8] История Казахской ССР. Т. 1. С. 291; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 411—412.

[9] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 197.

[10] *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. С. 120.

[11] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 192.

[12] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. — М., 1976. С. 21.

[13] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана// Материалы науч. сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Т. 1. — Ташкент, 1955. С. 21.

[14] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 197.

[15] *Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI веков о долине реки Талас и смежных районах//Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. — Алма-Ата, 1960. С. 76.

[16] *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* У-суньские могильники...

[17] История Казахской ССР. Т. 1. С. 303—304.

[18] *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных о начинающихся антропологических исследованиях//Живая старина. 1984. Вып. 3—4. С. 396.

[19] История Киргизской ССР. Т. 1, гл. VIII.

[20] *Дебец Г. Ф.* Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных//Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. — М., 1956. С. 10.

[21] *Хлебников Велимир.* Ладомир: Поэмы, стихотворения. — Элиста, 1984. С. 51.

Кочевники и земледельцы

[1] *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. — СПб., 1871.

[2] *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. С. 79—81.

[3] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 1. С. 53.

[4] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. — Л., 1957. С. 80.

[5] *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский эпос в средние века (VII—XIII).—М., 1984. С. 67.

[6] См. карты: *Рыбаков В. А.* Геродотова Скифия. — М., 1979. С. 107, 111; *Левина Л. М.* Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты// Кочевники на границах Хорезма. — М., 1979. С. 178—190.

[7] *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* У-суньские могильники... С. 178.

[8] *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941. С. 37—38; *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 69—70.

[9] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. С. 71; *Абетеков А. К.* Новые археологические данные о хозяйстве усуней//КСИА. 1970. № 122.

[10] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Табл. XXXV.

[11] *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней//Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 1; *Он же.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 71—75.

[12] *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 70.

[13] Спектральный анализ проведен в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР, металлографический — в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ. Авторы благодарят кандидатов исторических наук Т. Б. Барцеву и А. Д. Дегтяреву за предоставление результатов анализов.

[14] *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. С. 37.

[15] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. С. 260—264.

[16] *Акишев А. К.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 76—78.

[17] *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* У-суньские могильники... С. 174; *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 50, 58.

[18] Если строго придерживаться фактов, то в III в. до н. э. усуней на территории Семиречья еще не было. Они переселились сюда лишь в самом начале II в. до н. э.

[19] *Акишев К. А.* Курган Иссык (предварительные итоги раскопок)//В глубь веков. — Алма-Ата, 1974. С. 62. Автор указывает, что в кургане был найден 31 керамический, деревянный и металлический сосуд, но не отмечает точное число тех или иных. На фотографии, опубликованной здесь же, насчитывается 16 керамических сосудов.

[20] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 190.

[21] *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 74.

Сарыбулин — Чигу?

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 148.

[2] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 204—206.

[3] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 150. (*Ли* = примерно 0,5 км).

[4] Там же. Примеч. 4.

[5] Там же. С. 190.

[6] *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта. — Фрунзе, 1983. С. 31.

[7] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 190.

[8] Там же. С. 199.

[9] Там же. С. 258.

[10] Там же. С. 192.

[11] См.: *Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К.* Кочевники в VI в. до н. э. — середине VI в. н. э.//История Киргизской ССР. Т. 1. С. 148. Авторы утверждают: «Жилищем усуням служила войлочная юрта, хорошо приспособленная к условиям полукочевой жизни и быта».

[12] *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии//СА. 1976. № 4. С. 46; *Крюков М. В., Маля-*

вин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века. С. 141—143.

[13] *Абетеков А. К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней//Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. С. 137—138; *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней//Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 1. С. 29—47; *Он же.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья//По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата, 1970. С. 69—78.

[14] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений... Т. 2. С. 192.

[15] *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. — М., 1983. С. 212—219.

[16] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрания сведений... Т. 2. С. 195.

[17] *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта. С. 31.

[18] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 97.

2. Верхний Барскан

На Великом Шелковом пути

[1] *Бержье Ж.* Промышленный шпионаж.—М., 1971. С. 32—33.

[2] *Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах//Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. — Алма-Ата, 1960. С. 74.

[3] Известия. 1987. 27 мая.

[4] Более подробно о средневековых торговых путях Киргизии см.: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей)//Соч. т. 2, ч. 2.—М., 1964; *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941; *Караев О. К.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе. 1968; *Мокрынин В. П.* Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.)//Арабо-персидские источники о тюркских народах. — Фрунзе, 1973.

Города Прииссыккулья глазами средневековых авторов

[1] Шихуа о том, как трипитака великой Тан добыл священные книги. (До Тан Сянь-Цзан цюй цзин шихуа)/Пер. с китайского, вступ. ст. и прим. Л. К. Павловской. — М., 1987. С. 30.

[2] Там же. С. 37.

[3] Там же. С. 31.

[4] Известия. 1987. 5 июня.

[5] *Сюань Цзан.* Да тан сиюйцзи//Вэньсюс каньсин ше. 1955, 1, 8а. (на китайском яз.).

Авторы благодарят кандидата исторических наук Г. П. Супруненко за любезно предоставленный перевод текста.

[6] Там же.

[7] *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С. 501; *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе/

Изв. АН КазССР. Сер. археол. и этногр. Вып. 3 (14). 1960. С. 93—94.

[8] История Узбекистана в источниках. С. 126.

[9] *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Гл. IV. — М., Л., 1957. С. 137; *Винник Д. Ф.* Древние города и поселения на Иссык-Куле. С. 35.

[10] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература//Избр. соч. Т. IV. С. 147—150.

[11] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран/Пер. с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Наили Валихановой. — Баку 1986. С. 65 (*Фарсах*=6 км).

[12] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья//Соч. Т. 2, ч. 1.— М., 1963. С. 38.

[13] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 75; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. — М., 1973. С. 43.

[14] *Бартольд В. В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»//Соч. Т. 8.—М., 1973. С. 51.

[15] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. С. 265—266.

Методика подсчета населения города по количеству выставляемых воинов несовершенна, так как остается много неясных вопросов, но если ошибка достигнет даже 50%, то и в этом случае мы получаем вполне определенные демографические данные. Более совершенные методы, основанные на расчетах, связанных с площадью домостроений и общей площадью городов, разработанные О. Г. Большаковым, К. И. Петровым, К. М. Байпаковым для большинства иссык-кульских городов неприменимы, так как развалины их были уничтожены в результате трансгрессии озера.

[16] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. — Алма-Ата, 1986. С. 159.

[17] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. С. 267; *Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII в.— Фрунзе, 1981. С. 162, табл. 1.

[18] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. С. 38.

[19] *Мокрынин В. П.* Византийский историк о согдийцах в Семиречье//Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе, 1985. С. 176—177.

[20] *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинения Гардизи... С. 50—51.

[21] *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. — М., 1973. С. 14—33.

[22] *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия)/Пер. А. М. Беленицкого. — М., 1963. С. 244.

[23] Сведения о Себук-тегине см.: *Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Масуда (1030—1041)/Пер. с персидского, введение, комментарии и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. — М., 1969; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. 1. — М., 1963. С. 322—326.

[24] *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк.»//СТ. 1972. № 1; *Кляшторный С. Г.* Эпоха Махмуда

Кашгарского//СТ. 1973. № 1. Научно-популярное повествование о Махмуде Кашгарском см.: *Газиев А.* Во времена Караханидов//Литературный Киргизстан. 1986. № 6. С. 84—98.

[25] Материалы по истории киргизов и Киргизии. С. 59; *Караев О. К.* История Караханидского каганата (X — начало XIII в.). — Фрунзе, 1983. С. 162.

Затонувшие города

[1] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 470.

[2] Там же. С. 583.

[3] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67.

[4] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII.— СПб., 1894. С. 462; Энциклопедический словарь Гранат. Изд. VII. Т. 22.—СПб., 1914. С. 275.

[5] *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959. С. 65—130; *Он же.* Раннесредневековые города и поселения Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. С. 145—177.

[6] *Винник Д. Ф.* К исторической топографии... С. 29—30.

[7] Там же. С. 33.

[8] *Винник Д. Ф.* К исторической топографии... С. 111.

[9] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. — М., 1975. С. 55, рис. 28.

[10] Описание керамики, собранной на подводных развалинах, выполнено канд. историч. наук Л. Е. Семениченко, за что авторы выражают ей свою признательность.

[11] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 65.

[12] *Иванов П. П.* Материалы по археологии... С. 84.

[13] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 66.

[14] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 397—403.

[15] *Шараф ад-дин Али Йезди.* Зафар наме/Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина//МИКК, вып. 1. С. 138—139.

[16] *Колпаковский Г. А.* О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль//ИРГО. Т. 6, 1870. Отд. II. С. 102.

[17] *Иванов П. П.* Материалы по археологии... С. 92.

[18] *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 101.

[19] *Иванов П. П.* Материалы по археологии... С. 93—94.

[20] *Зюков Б.* Под волнами Иссык-Куля. С. 59.

[21] *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 90—94.

[22] *Колпаковский Г. А.* О древних постройках... С. 104.

[23] *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 97.

[24] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67.

[25] Бартольд В. В. указал на бесплодие территории около станции Тору-Айгыр, но заметил, что выше станции имеется «кирпичный завод», а в самой станции пол был выложен средневековым кирпичом. (*Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67);

Иванов П. П. Материалы по археологии... С. 95; *Винник Д. Ф.*

Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 87.

Культура средневековых поселений

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 50.

[2] *Винник Д. Ф.* Древние города и поселения Прииссыккулья// ПК. № 1. — Фрунзе, 1970. С. 35.

[3] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 73—75.

[4] *Ходжайов Т. К.* Некрополи средневекового Тона и Бейшеке//Археологические памятники Прииссыккулья. — Фрунзе, 1975. С. 120—134.

[5] Историю и подробную библиографию изучения эпиграфических памятников семиреченских несториан см.: *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. — Фрунзе, 1971. С. 3—22.

[6] *Пантусов Н. Н.* Христианское кладбище у ущелья Зауке// ПЗСТКЛА. 1908. С. 14—15.

[7] Чтение и перевод эпитафии см.: *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. — Фрунзе, 1982. С. 40—43.

[8] *Окладников А. П., Рацек В. И.* Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня//ИВРО. Т. 6. Вып. 5.—М., 1954. С. 167.

[9] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 75—76.

[10] *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.// ТКАЭЭ. — М.. 1956. С. 231; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 373.

[11] *Григорьев В. В.* Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе //ЖМНП, ч. CLXIII. 1872. № 9. Отд. II. С. 27—28.

[12] *Бартольд В. В.* Мусульманские известия о чингизидах-христианах//Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 263.

[13] *Слуцкий С. С.* К семиреченским несторианским надписям// Древности восточные. Т. 1. Вып. 2. — М., 1891. С. 179.

[14] *Марр Н.* Надгробный камень из Семиречья с армянской надписью 1323 г.//ЗВОРАО. Т. VIII. — СПб., 1893—1894. С. 347.

[15] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 350—352, 372.

[16] *Зеланский А. Н., Кузнецов Б. И.* Тибетские надписи Иссык-Куля//СПВ. Вып. 8. — М., 1969. С. 185.

[17] *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. С. 47—57.

[18] *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. — Фрунзе, 1983. С. 35—47; *Иманкулов Дж.* О реставрации древних средневековых сооружений//ПК. № 7. — Фрунзе, 1983. С. 27—30.

[19] *Помаскин Б. В.* «Гумбез Манаса». — Фрунзе, 1972.

[20] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. С. 34—35; *Кожемяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище//Древняя и средневековая культура Киргизстана. — Фрунзе, 1967. С. 82.

[21] *Ходжайов Т. К.* Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке. С. 120—121.

[22] *Бартольд В. В.* Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль// Соч. Т. IV. — М., 1966. С. 339—340.

[25] *Мокрынин В. П.* По следам прошлого. — Фрунзе, 1986. С. 54—56.

[24] *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской руниче-ской письменности//Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980. С. 3—13.

[25] История Киргизской ССР. Т. 1. С. 369.

[26] *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. — Фрунзе, 1982. С. 38—45.

[27] *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана//СВ. Т. 1. — М., Л., 1940. С. 233.

[28] *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. С. 59—71.

[29] *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана//Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983. С. 234; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. С. 60.

[30] *Юнусалиев Б. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза//Тюркологические исследования. — Фрунзе, 1970; *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи. — Фрунзе, 1970; *Плоских В. М., Кудайбергенов С.* Ранние киргизские письменные документы//Изв. АН КиргССР. 1968. № 4; *Плоских В. М., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1975.

[31] *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. С. 42.

[32] *Настич В. Н.* К истории календаря в средневековом Семиречье//МАИКЦА. Информационный бюллетень. Спец. вып. — М., 1987. С. 116—117.

[33] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. С. 306.

[34] *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры. С. 50.

[35] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982. С. 532; Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1. — М., 1969. С. 190.

[36] *Винник Д. Ф.* К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары. С. 33.

[37] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. С. 307.

[38] Там же.

[39] *Ведутова Л. М.* Буранинский водопровод//Изв. АН КиргССР. Обществ. науки. 1987. № 1. С. 69.

Отвод сточных вод из бани, раскопанной на городище Отрар, тоже производился при помощи керамического трубопровода. (*Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI—начало XIII в.). — Алма-Ата, 1986. С. 141).

[40] Подробнее о санитарном состоянии средневековых городов Европы см.: *Эпштейн А. Д.* Средневековый город//Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1.—М., 1969. С. 189—197.

[41] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. С. 307—309; *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 141—143.

[42] *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX—начало XX в.). — Ташкент, 1980. С. 72—73.

[43] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 142.

[44] Это замечательное архитектурное сооружение ранее было интерпретировано как «ремесленный центр по производству жженого кирпича и глазурованных облицовочных плит» или попросту «кирпичный завод». Такое определение функционального назначения памятника основано не на анализе материалов раскопок, а на курьезе. Дело в том, что русские переселенцы и киргизы, разбирая кирпич средневековой постройки для своих нужд, с юмором вандалов называли памятник «кирпичным заводом». В. В. Бартольд, посетивший Тору-Айгыр в конце XIX в., отметил, что пол на почтовой станции здесь был выложен средневековым кирпичом. Ему стало известно и о «кирпичном заводе»: «Около станции Турайгыр (первой после Кутемалды) приблизительно в версте выше ее, находится так называемый «кирпичный завод»... Почти все кирпичи свезены отсюда на постройки. «Завод» находился около высохшего русла какого-то ручья или арыка». (*Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 67). В. В. Бартольд, если учесть красноречивые кавычки, не считал памятник заводом.

[45] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. С. 309.

Заключение

[1] Первые легенды об Иссык-Куле были опубликованы в дореволюционной литературе. (См: *Сорокин Н. В.* В горах и долинах русского Тянь-Шаня//Исторический вестник. Т. XXIV, 1986. С. 382—386; *Ивановский А.* Черепа из озера Иссык-Куля//Тр. Антропол. отд. Т. XII.—М., 1890. С. 173—182; Сказание об Иссык-Куле//Окраина. 1890. № 177; *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884—1886. Т. 2.—СПб., 1893. С. 211, 217, 383; *Булгаковский Л.* Иссык-кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. — СПб., 1896. С. 13—17; *Кирснер А. Л.* Семиреченская область//*Гейер И.* Туркестан. 2-е изд. — Ташкент, 1903. С. 24—29; *Каштанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Оренбург, 1910. С. 293—300; *Герн В.* Поездка в долину оз. Иссык-Куль//Семипалатинские областные ведомости. 1890. № 31, 33; *Голубев А. Ф.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции//Вестник Русск. геогр. о-ва. 1860. Ч. 28. № 4; *Костенко Л. (Ф.)* Очерки Семиреченского края// Военный сборник. 1872. № 12 и др. (см.: Приложение).

[2] Новые цифровые параметры озера несколько отличаются от данных академика Л. С. Берга (См.: *Забиров Р. Д., Коротаев В. Н.* Положение морфометрии озера//Озеро Иссык-Куль: Очерки по физической географии. — Фрунзе, 1978. С. 12—17.

[3] Литература об Атлантиде насчитывает сейчас свыше 5 тысяч названий. Варианты ее вероятного местонахождения включают обширную территорию — от гор Атласа до острова Гельголанд. (См.: *Жиров Н. Ф.* Атлантида. — М., 1964).

[4] Туркестанские ведомости. 1887. № 31.

[5] *Зеланд Н.* С берегов Иссык-Куля//Туркестанские ведомости. 1891. № 35—36.

[6] *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. С. 98.

[7] *Берг Л. С.* Озеро Иссык-Куль//Землеведение. XI. 1904. С. 48—52. Подробную точку зрения разделяют некоторые современные исследователи (См.: *Попов В. В., Резанов И. А.* О неотектонике Тянь-Шаня в связи с его сейсмичностью//Вопросы геологии Азии. Т. 2. — М., 1955; *Горчев А. В.* Мезозойско-кайнозойская структура, история тектонического развития и сейсмичность озера Иссык-Куль. — М., 1959.

[8] *Шнитников А. В.* Иссык-Куль: Природа, охрана и перспективы использования озера. — Фрунзе, 1979. С. 9—14.

Есть основания полагать, что в период трангрессии р. Чу впадала в озеро. Последнее обстоятельство подтверждается историческими фактами. (См.: *Умурзаков С. У.* Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. — Фрунзе, 1959).

[9] *Умурзаков С. У., Винник Д. Ф.* Исторические и археологические свидетельства колебания уровня озера Иссык-Куль//Проблемы географии Киргизии: Материалы к II съезду Киргизского географического общества. — Фрунзе, 1975. С. 209.

[10] *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта. С. 45.

[11] *Букин В. М.* Морфология и рельеф дна озера Иссык-Куль: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Фрунзе, 1975. С. 22.

[12] *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта. С. 31.

[13] *Бедиль.* Избранное. — Душанбе, 1984. С. 18.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив ГО СССР — Архив Географического общества СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ЖМНП — *Журнал Министерства народного просвещения*
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИКЦА — Материалы и исследования культуры Центральной Азии
МИА — Материалы и исследования по археологии
МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии
ОНУз — Общественные науки Узбекистана
ПЗСТКЛА — *Протоколы заседаний и сообщений* Туркестанского кружка любителей археологии
ПК — Памятники культуры
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советское востоковедение
СНВ — Страны и народы Востока
СТ — Советская тюркология
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии

РЕЗЮМЕ

Китеп биик тоолуу Ысык-Көлдүн терең-инен табылган маалыматтардын негизинде даярдалган. Теманы чагылдырууда байыркы жана орто кылымдардагы жазма даректер, архивдер, XIX кылымдагы орус саякатчыларынын отчеттору ж. б. тийиштүү булактар кеңири пайдаланылды. Эки бөлүмдөн турат.

«Чигу» деп аталган биринчи бөлүмүндө өткөн кылымдын орто ченинде Ысык-Көлдө атактуу изилдөөчү П. П. Семенов-Тян-Шанский тарабынан башталып, азыркы мезгилге чейин Кыргызстандын археологдору тарабынан улантылып жаткан суу алдындагы археологиялык изилдөөлөрдүн тарыхы баяндалат.

1985-жылы Песчаное кыштагына жакын жайгашкан Түп булунундагы суунун түбүнөн авторлор ири турак — жайдын калдыктарын табышкан. Археологиялык табылгалар күтүлбөгөндөй болду: таш жана колодон жасалган ороктор, таштан даярдалган көп сандагы эмгек куралдары, сүйрүчөсүнөн келген жаргылчактар, чебер колдон чыккан тегерек туптүү, бышырылган чоңо идиштер... Буга чейин мындай буюмдар б. э. ч. I миңинчи жылдарда жашаган көчмөн элдердин ири мүрзөлөрүнөн гана табылган эле. Демек, кол өнөрчүлүк жана дыйканчылык менен кесиптенишкен бул турак-жайдын элдери да ушундай алыскы мезгилдерге таандык. Мындай маалымат Кыргызстандын калкынын чарбачылыгы жөнүндөгү биздин түшүнүгүбүздү түп-тамырынан бери өзгөртөт: буга дейре илимде кабыл алынып калгандай алар мал чарбачылыкты гана эмес, өнөрчүлүк менен жер иштетүүнү да билишкендигин далилдейт. Сакталып калган байыркы баяндоолорго жана көлдүн түбүндөгү изилдөөлөрдүн табылгаларына таянышып, авторлор, суу алдында калган бул турак-жай кытайлыктар Чигучен (Кызыл өрөөн шаары) деп аташкан, усул элине таандык борбор болуш керек деген бомсомолдорун сунуш кылышат. Биздин э. ч. II кылымда бул шаарда Улуу Кытай жибек жолун негиздеген, саякатчы Чжан Кянь болгон. Ал эми биздин эранын башталышында борбор көл толкундарынын алдына чөгүп кеткен.

«Жогорку Барс-хан» аттуу экинчи бөлүмүндө VIII—XIV кылымдарда көл астына чөккөн турак-жайлар тууралуу баяндалат. Алардын калдыктарын суучулдар Дархан, Липенка, Чолпон-Ата, Долинка, Курское, Тору-Айгыр ж. б. Кыштактардын айланасынан табышкан. Айрым жерлерде керамика, таш жаргылчактардан сыртка-ры бышкан кирпичтерден тургузулган курулуштардын калдыктары табылган. Курское кыштагынын тушунан табылган, көгүлтүр асман түспөлдөгү көзчөлөр менен капталган кирпичтерден курулган дворецтин калдыгы эл оозунда сакталган маалыматтарга Караганда каардуу басып алуучу Эмир Тимурга таандык болгон.

Орто кылымдарда Ысык-Көлдө жайгашкан шаарлар Улуу Кытай жибек жолупун Тянь-Шанды кесип өткөн эң түндүк бутагында жайгашкан. Алар ири соода түйүндөрү болгон. Таш эстеликтерде калган жазууларга Караганда, шаарларда мусулмандар, несториан бакытындагы христиандар, тибеттиктер, тоо-ташка сыйынган байыркы түрктөр ж. б. элдер жашашкан. Күндөлүк турмуштарында орто кылымдагы маданияттын көптөгөн жетишкендиктерин: көзчөлөр са-

лынган чопо идиштерди, суу тутукчөлөр менен суу арыктарын, мончолорду ж. б. колдонушкан. XIII кылымда Чынгысхандын жортуулунун натыйжасында шаарлар аңгырапээн калып, ал эми XIV—XVI кылымдардагы кезектеги трансгрессия учурунда суу алдында калган.

Тиркемелерде Ысык-Көлдө чөгүп кеткен шаарлар туурасында ар кыл кыргыз уламыштары берилген. Илимий-популярдуу түрдө жазылган китеп окурмандардын кеңири чөйрөсүнө арналган.

SUMMARY

The two parts book is based on a series of archaeological materialc, obtained at the examination of the high altitude lake Issyk-Kul bottom. Ancient and medieval written sources, archives, the reports of Russian travellers of the XIXth century and many other data were made use of interpretation of the topic.

«Chigu» — the first part narrates the underwater archaeological investigations history in Issyk-Kul. It began in the middle of the last century by P. P. Semjenov-Tienshansky — an outstanding explorer of Kirghizia. Nowadays these investigations are carried out by Kirghiz archaeologists.

In 1985 the authors were successful in discovering a large settlement in the bottom of Tyup-Cove near Peschanoye. Archaeological findings were a surprise: stone and bronze sickles, numerous stone labour implements, boat-like corn graters, round-bottomed hand-made ceramics. Similar objects were found only in the 1st millenium, B. C. burial mounds of the nomads. Thus, the settlement, where the dwellers evidently were busy with handicraft and agriculture, dated from those remote times. This fact completely changes our conception of Kirghiz population economy of that time: it was not only cattle-raising, as considered before, but handicraft-agricultural economy as we know now. Comparing data of ancient chronicles and the facts connected with the submerged settlement, the authors hypothesize that it was the staff of Usuni people sovereign, which was named by Chinese Chigucheng (Town of the Red Valley). In the IInd century B. C. it was visited by Chang Quiang who is considered to be a founder of the Great Silk Way. On the verge of new era the staff wac ingurgitated by the Issyk-Kul waves.

The second part — «Upper Bars-Khan» tells about submerged settlements of XIII—XIYth centuries. Its remains were discovered in the bottom of the lake near the villages of Darkhan, Lipenka, Cholpon-Ata, Dolinka, Kurskoe, Toru-Aigyr and others. Somewhere the remains of buildings are of baked bricks. Near Kurskoe a building of evidently palatial type with figure sky-blue glaze bricks was discovered. There is a rumour that the structure of the palace was inspired by Emir Timur — the terrible conqueror.

Prelssykkul medieval towns lie on the north branch of the Great Silk Way intersecting the Tien Shan. It was a large scale trade towns. Here, judging from the stone epitaphs, the Mussulmen lived as well as Christians of Nestor sect. Tibetans, pagan Turks and others. Many achievements of medieval culture in the mode of life were made use of: glaze ceramics, plumbery, cewerage, baths, etc. In XIIIth century

the towns fell into desolation in consequence of Chinghiz-Khan conquest. In XV—XVIth centuries at the next transgression those towns were ingurgitated by the lake waters.

Different variants of Kirghiz legends of submurged towns in Issyk-Kul area were cited into appendix. The book, written in scientific-popular form is designed for the broad circle of readers.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
1. ЧИГУ 7
Истоки 7
Городище Сарыбулун 29
Хронология 55
История с географией 61
Кочевники и земледельцы 72
Сарыбулун — Чигу? 84

2. ВЕРХНИЙ БАРСХАН 92
На Великом шелковом пути 92
Города Прииссыккулья глазами средневековых авторов 99
Затонувшие города 114
Культура средневековых поселений 137
Реквием былой культуре 159

ПРИЛОЖЕНИЕ 165
Киргизские предания об озере Иссык-Куль . . . 165
Примечания 173

Владимир Петрович Мокрынин,
Владимир Михайлович Плоских

ИССЫК-КУЛЬ:
ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

Редактор издательства *Т. К. Песковая*
Оформление художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Р. Р. Хусаинова*
Корректор *Т. П. Порфирьева*

ИБ № 1590

Подписано к печати 28.06.88. Д—01243.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2.
Высокая печать. Школьная гарнитура.
Объем 10,87 усл. п. л., 11,2 уч.-изд. л.,
11,0 усл. кр.-отт. Тираж 3500 экз.
Заказ 106. Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Илим»,
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265

Типография АН КиргССР,
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144

1 руб. 25 коп.

... В наказание за нарушение клятвы воды колодца вздыбились и бурным потоком хлынули на город. Стены рухнули, жители утонули, вода затопила всю долину и получилось озеро. А развалины города и сейчас видны на дне его.

Так одна из киргизских легенд объясняет феномен резких колебаний уровня озера Иссык-Куль, а заодно и загадку находок в его водах громадных древних бронзовых котлов, кирпичей, керамических сосудов... Где здесь правда, где вымысел? Были ли древние города под волнами озера? А если были, то когда? Об этом и повествуют киргизские ученые, которые в течение ряда лет проводили подводные археологические исследования и лишь слегка приоткрыли тайну высокогорного озера.

